

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

Научно-образовательный и методический журнал
Research and instruction journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 4 (34) 2019

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
Syktyvkar
SyktSU Press
2019

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Peer-reviewed research and instruction journal
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Аврамкова Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, директор Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бархсанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрин Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

EDITORIAL BOARD

Avramkova Irina Semenovna, Doctor of Education, Professor, Director of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ardashkin Igor Borisovich, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Barakhsanova Elizaveta Afanasevna, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Brazgovskaia Elena Evgenевна, Doctor of Philology, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm);

Dagbaeva Nina Zhamsuevna, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Vinokurova Uliana Alekseevna, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Goncharov Sergei Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Zherebtsov Igor Liubomirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Zabulionite Audra-Kristina Iosifovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ziuzev Nikolai Fedoseevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Jonkus Dalius, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Korobeinikova Larisa Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Mangone Emiliana, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Mosolova Liubov Mikhailovna, Ph. D. in Art history, Professor. Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nichols Lawrence T., Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Scott Thoe, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Survo Arno, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Survo Vera Viktorovna, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Tulchinsky Grigory Lvovich, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tumanian Tigran Gurgenevich, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Shabaev Iurii Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Shadrina Irina Mikhailovna, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Shapinskaia Ekaterina Nikolaevna, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Erdyneeva Klavdiia Gombozhapovna, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikalian State University (Russia, Chita).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Погорелова Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры английского языка Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна — ст. преподаватель кафедры информационных систем Института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

CHIEF EDITOR

Gurlenova Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor,
Director of the Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University (Russia, Syktyvkar)
167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Свободная цена

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

Subscription Code E34110, Russian Post catalogue 78782.

Subscribe on «Пресса по подписке» www.akc.ru

Subscription price for six months — 618 roubles.

Flexible pricing

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2019

© FSBEI of Higher Education

«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Герасимов С. В. Конструирование социальной реальности: нарративы и перформативы Gerasimov S. V. Design of Social Reality: Narratives and Performatives	9
Голиков К. С. Экзистенциальная коммуникация Карла Ясперса: от подлинных чувств к подлинному бытию Golikov K. S. Karl Jasper's Existential Communication — Towards Authentic Being	24
Zyuzev N. F., Pichko N. S. Scarcity or Sufficiency? Methodological Difficulties in the Debate of Economic Equality Зюзов Н. Ф., Пичко Н. С. Нищета или Достаток: Методологические сложности споров об экономическом равенстве	32

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Жаворонкова А. Н. Интертекстуальность публицистического дискурса в свете медиалингвистики Zhavoronkova A. N. Intertextuality of Publicistic Discourse in the Aspect of Media Linguistics	42
Золотарев В. П. Национальный вопрос как культурологический феномен в историческом пространстве России начала XX века Zolotarev V. P. National Question as a Cultural Phenomenon in the Historical Space of Russia at the Beginning of the 20 th Century	54
Иванищева О. Н. Презрительное в русской лингвокультуре Ivanishcheva O. N. Scornful in the Russian Linguistic Picture of the World	68
Иконникова С. Н., Леонов И. В. Запрет и цензура в культуре: связь и различие Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Suppression and Censorship in Culture: Connection and Difference	80
Курова Е. Г. Кадр как способ построения значения в кино Kurova E. G. Frame as a Way of Constructing the Meaning in Movies	90
Лагутенко Ю. А. Роль наблюдателя и концепт «камень» в христианской традиции духовной культуры Коми края Lagutenko Yu. A. The Role of the Observer and the Concept of "Stone" in the Christian Tradition spiritual Culture of Komi Region	102
Пушкарева Т. В., Орехов Д. В. Социально-культурные функции монет: ценность, память, идентичность	

Pushkareva T. V., Orekhov D. V. Socio-Cultural Functions of Coins: Value, Memory, Identity	119
---	-----

Культура и цивилизация Арктики

(по материалам Круглого стола «Холод и Цивилизация», проведенного в рамках Дней Якутии в Москве, посвященных 385-летию вхождения Якутии в состав Российского государства, 95-летию образования Якутской АССР и 25-летию Конституции Республики Саха (Якутия))

Набок И. Л. Мифология холода в контексте концепции арктической цивилизации Nabok I. L. The Mythology of Cold in the Context of the Arctic Civilization Concept	130
---	-----

Винокурова Е. П. Туристический потенциал Якутской Арктики Vinokurova E. P. Tourist Potential of the Yakut Arctic	143
---	-----

Шачина А. Ю., Шачин С. В. Эстетический характер нации: сохранение национальной культуры на Севере и универсальный смысл этой деятельности Shachina A. Yu., Shachin S. V. Esthetic nature of the nation: Preserving National Culture in the North and Universal Sense of this Activity	154
--	-----

Материалы, публикуемые в рамках международного Симпозиума
«RELATE NORTH — 2019: традиции и инновации
в образовательном пространстве искусства и дизайна»
 (10–16 ноября 2019 года, г. Сыктывкар)

Spirina M. Yu. Traditional Applied Art and Design: Tradition and Innovation Спирина М. Ю. Традиционное прикладное искусство и дизайн: традиции и инновации	168
---	-----

Материалы, публикуемые в рамках
 XIV Международной научной конференции
«Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» (6–7 декабря 2019 года)

Бесчасная А. А. Образ детства в зеркале урбанизации: от традиций к мозаике Beschnayaya A. A. The Image of Childhood in the Urbanization Mirror: from Tradition to Mosaic	174
---	-----

Обидина Ю. С. Исследовательский потенциал культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов Obidina Yu. S. The Research Potential of Cultural Policy in the Structure of Disciplinary Discourses	188
--	-----

ПЕДАГОГИКА

- Baryshnikova Yu. Yu., Maltseva V. A.** Dialogue of Civilizations and Intercultural Collaboration as Essential Elements of Developing Professional Competence of a Future Teacher
Барышникова Ю. Ю., Мальцева В.А. Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество как важные составляющие развития профессиональных компетенций будущего учителя200
- Минаева Н. В., Садек М. О.** Особенности применения профессионального стандарта педагогического работника
Minaeva N. V., Sadek M. O. Particular Aspects of Implementing Professional Standard for Teachers at Higher Educational Institutions212
- Попкова Т. В.** Концептуальные пробелы стратегических ориентиров современной российской системы образования в контексте наследия П. А. Сорокина
Popkova T. V. Conceptual Gaps in Strategic Benchmarks of the Modern Russian Education System with Reference to the Heritage of P. A. Sorokin219
- Ткачук Т. А.** Научно-методические условия профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования
Tkachuk T. A. Scientific and Methodological Conditions of Professional Training of Future Teachers for the Implementation of Pre-school Inclusive Education227

РЕЦЕНЗИИ

- Review by Emiliana Mangone.** Folco Cimagalli. Sorokin. Attualità di un classico della sociologia, Roma, Aracne, 2010, 175 p.
Мангоне Эмилиана. Рецензия на книгу *Фолко Чимагалли «Актуальность классика социологии»*. Рим: Аракне, 2010. 175 с. (Folco Cimagalli. Sorokin. Attualità di un classico della sociologia, Roma, Aracne, 2010, 175 p.)239

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- LIST OF AUTHORS245

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 165.3 316.776

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-9-23

С. В. Герасимов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Конструирование социальной реальности: нарративы и перформативы

Нарративы выполняют существенную роль в смыслообразовании, социально-культурных практиках, в формировании концептов действительности, в конструировании и управлении социальной реальностью. При этом интуитивно ощущается управляющая составляющая в составе наррации. Статья содержит анализ генезиса перформативов и нарративов, их взаимосвязи в процессе создания и управления социальной реальностью.

Ключевые слова: нарратив, перформатив, текст, манипуляция, публичные коммуникации, интенциональность, социальная реальность.

S. V. Gerasimov

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

Design of Social Reality: Narratives and Performatives

Narratives play a significant role in the formation of meaning, socio-cultural practices, in the formation of concepts of reality, in the design and management of social reality. At the same time, the control component in the narration is intuitively felt. The article contains an analysis of the genesis of performatives and narratives, their relationship in the process of creating and managing social reality.

Keywords: narrative, performative, text, manipulation, public communications, intentionality, social reality.

Введение. Британский философ Джон Остин во время своей лекции на радиостанции в городе Готенберге в октябре 1959 года разделил нарративы и перформативы, утверждая, что они представляют собой оппозиционные понятия, входящие в объем родового понятия «речевой акт». Таким образом, он положил начало дискуссии вокруг этих понятий, разделенных по признаку присутствия в тексте повествования или побуждения, описания или императива. Перформатив, как и нарратив, создается под давлением различных факторов социальной коммуникационной среды, связанных с системой публичных коммуникаций, окружающих автора. На них влияет множество резонансов и доводов, находящихся в сознании автора, отражающих процессы, происходящие во внешней среде. Эти формирующие силы влияния переплавляются в процессе создания в текст, и получатель этого послания потребляет уже целостную картину, которая несет на себе отпечаток габитуса автора. Содержит ли нарратив в своей основе манипуляционную основу или скрытое побуждение? Служит ли картина мира, формирующаяся под воздействием нарративов, эффективным инструментом, формирующим поведенческие паттерны читателя, примером для принятия решения в ситуации, которая может у него возникнуть? Для ответов на эти вопросы нужно выяснить взаимную связь перформатива и нарратива, которая может быть нескольких видов.

Необходимо рассмотреть возможные комбинации соотношения нарративов и перформативов. Они возможны как минимум в трех вариантах. Во-первых, это отношение несовместимости, и тогда они оба не имеют общих элементов, но включены в родовое понятие речевого акта. Во-вторых, возможно, перформатив — это разновидность нарратива. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы — это нарративы, но некоторые нарративы есть перформативы. В-третьих, возможно, что перформатив составляет основу любого нарратива и не существует такого нарратива, в котором в явной или скрытой форме не присутствует подталкивание к какому-нибудь действию или бездействию. В этом случае связь нарратива и перформатива можно определить как парное или Р-множество в объеме понятия речевого акта, в котором каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

1. Публичные коммуникации — пространство существования наррации

Публичные коммуникации — необходимое условие для возникновения и фиксирования наррации. При этом наиболее общим

является понятие публичной коммуникации, под которой в рамках данной работы понимается множество вербальных коммуникаций между людьми в социуме, при соблюдении условия, что каждый представитель социума, имеющий желание, может участвовать в любой подобной коммуникации в качестве автора, комментатора, слушателя, исследователя и так далее. В этом смысле публичная коммуникация не только противопоставляется коммуникациям в межличностном пространстве (*private vs public*), но и отделяется от более специализированных форм коммуникаций: учебных, производственных, служебных и других. Перформатив как феномен языка, речевой акт, присутствует в различных формах коммуникации, которые необходимо рассмотреть в процессе выявления возможной взаимосвязи наррации и перформативов.

Публичные коммуникации во многом определяют форму и содержание социальной реальности: социально-культурной сферы, политики, сферы деловых коммуникаций, научную и другие практические сферы, составляющие цивилизацию. Этот феномен имеет специфические проекции на разные направления фундаментальных и практических исследований в естественных, гуманитарных и точных науках. Очевидно, что в силу универсальности, генерации смыслов и даже смысловых и нормативно-ценностных систем, пространство публичных коммуникаций содержит наибольшее количество нарративов. В пространстве социальной философии, философии искусства, логики и методологии гуманитарного знания нарративы представляют собой большое пространство для исследований, выявления связей и создания возможных моделей. Феномен публичных коммуникаций опредмечивается в различных формах и направлениях нарративов: официальные и оппозиционные, явные и архитипично-подсознательные, мифологические, культовые, фольклорные и многие другие. Таким образом, наррация представляет собой и предмет и метод исследования системы социальной реальности, создаваемой в процессе публичных коммуникаций.

Для выяснения генезиса современных нарративов необходимо определить роль коммуникационных процессов в конструировании социальной реальности. Понимание логики соотношения естественных и искусственных причин возникновения перформативов и нарративов в современном тексте публичных коммуникаций формирует возможности для моделирования, унификации и сквозной десигнации в процессе нарративного описания множества возможных реальностей, представляющих поступательное движение,

напрямую связанное с особенностями функционирования большинства сфер общественной жизни.

Система формирования различных нарративов публичных коммуникаций может быть рассмотрена как эффективный инструмент в конструировании многообразных социальных реальностей, в условиях сплита реальностей и кроссреального серфинга. Событийная методология определения качественных и количественных характеристик позволит определить основные тренды развития стратифицированного социума, выявить векторы развития концептов индивидуальной и коллективной реальностей. Конструктивное событийное моделирование публичных коммуникаций и последующая верификация моделей позволят конструировать когнитивные технологии применительно к теоретическим задачам, связанным лингвокультуральным [1] переносом, семантическим трансфером [2], локализацией [3] смысловых конструкций, а также применительно к прикладным отраслям научного знания, таким как символическая политика, формирование форсайта, брендинг и прочим.

2. Варианты взаимосвязи перформативов и нарративов

При рассмотрении первого варианта взаимосвязи множества нарративов и перформативов как отношение несовместимости, указанные множества не могут иметь общих элементов. При этом существует мнение, что на противопоставлении и даже конфликте нарративов и перформативов строится драматическая ситуация в литературе [4]. Некоторые исследователи склонны разделять и противопоставлять эти понятия применительно к драматическим текстам [5]. Французская школа нарратологии утверждает, что противопоставление описания и декларации, нарратива и перформатива проявилось как оппозиция понятий диегезиса и мимесиса еще в античности [6].

Для того чтобы опровергнуть первый тезис, существует множество аргументов. Приведем два из них.

Аргумент первый. В случаях сочетания долженствования и бытия в одном тексте часто ссылаются на принцип Юма, или «вилку Юма»: «Невозможно вывести долженствование из бытия; никакое собрание фактов, сколько бы всеобъемлющими оно ни было, не влечет за собой ценностного вывода» [7, с. 35]. Другими словами, из того что есть (нарратив), не следует то, что должно быть (перформатив), смена модальностей недопустима. Из любого описания не

следует императив, а повелительное наклонение, вытекающее из наррации в виде морали, неуместно.

Но если посмотреть «Трактат о человеческой природе» Д. Юма, то в нем дословно сказано следующее: «Всякое вероятное рассуждение не что иное, как род чувствования. Не только в поэзии и музыке, но и в философии мы должны следовать своему вкусу и чувству. Когда я убежден в каком-либо принципе, это значит только, что известная идея особенно сильно действует на меня; когда я отдаю преимущество одной цепи аргументов перед другой, я только решаю на основании чувства, которая из них имеет более сильное влияние на мнения. Между объектами нет доступной нашему наблюдению необходимой связи, и только при помощи действующей на воображение привычки, а не иного какого принципа, можем мы вывести из существования одного объекта существование другого» [8, с. 203–204]. Глава, где приводится это рассуждение, называется «Попытка ввести экспериментальный метод рассуждения в предмет морали».

Из трактата Юма можно сделать несколько выводов.

1. «Когда мы говорим «А является причиной В», все, что мы имеем право сказать, — это то, что в прошлом опыте А и В появлялись вместе часто в быстрой последовательности и не наблюдалось ни одного примера, когда В не следовало бы за А или не сопровождало его» [9, с. 781].

2. Однако как бы много примеров совпадения А и В мы не наблюдали, это не дает основания ожидать, что они будут совпадать в будущем.

Д. Юм отрицает любую операцию необходимого логического следования из А в В, но не отрицает возможного наступления такого следования. В том числе ирония шотландского ученого распространяется на то, что его собственное правило (перформатив), или принцип Юма, не имеет наступления следования. Переводя утверждение Юма в нарративно-перформативное пространство, можно «утверждать», что не из каждого нарратива может следовать перформатив, но такое может быть.

Аргумент второй. Некоторые жанры художественной литературы состоят из двух частей: нарративной и перформативной, и в ином виде не могут существовать. Например, басня, в которой выводится мораль, или сказка, в которой перформатив создается по алгоритму «сказка-ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».

Исходя из этих двух аргументов, можно предположить, что какая-то часть перформативов не только связана с нарративами, но

и то, что перформатив в явной или в скрытной форме может составлять существенный признак некоторых классов наррации. Нарратив в некоторых языковых формах неизбежно связан в перформативом. Другими словами, существует множество, отличное от пустого, в котором нарративы и перформативы связаны друг с другом.

Из того что нарративы и перформативы в широком пространстве публичных коммуникаций имеют область пересечения, возможно, следует и их взаимное пересечение в более узкоспециальных областях коммуникаций. Например, в музыкальной или нотной записи, кроме символьного описания тона, длительности звуков и последовательности их звучания, присутствуют советы-указания о том, как играть то или иное музыкальное произведение: *adagio*, *andante*, *allegro* и т. д. В ЕСКД (Единая система конструкторской документации) перформативы присутствуют в различных текстах, чередуясь с описательной, нарративной частью документации. Похожую ситуацию можно наблюдать и в текстах, связанных с функционированием организаций в условиях, ограниченных по времени, например в армии. В армии существует необходимость однозначного побуждения к действию. Кроме армии подобный сплав нарративов и перформативов присутствует в инструкциях МЧС, при работе со сложной техникой, в условиях повышенного риска наступления обстоятельств непреодолимой силы и т. д. Это можно объяснить множеством причин, например особой чувствительностью пространства публичных коммуникаций к манипулятивным приемам [10].

Во втором случае возможного соотношения перформативы и нарративы связаны как понятия соподчиненные, при этом перформатив — это множество в объеме понятия нарратив. В этом случае достаточно доказать, что все перформативы — это нарративы, но только некоторые нарративы есть перформативы.

В. В. Маяковский писал: «Если звезды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно?» Существуют ли нарративы, в которых в «чистом» виде присутствует описание реальности без какой-либо скрытой/явной мотивации? Нарративы представляют собой информационный массив, состоящий из различных сюжетов, описывающих сущности и события, протекающие во времени. Сложность исследования наррации заключается в том, что каждый автор и также каждый получатель нарративного послания относится к тексту нарратива избирательно, пропуская через собственную фильерную пластину, систему фильтров, прокрустово ложе, габитус (по Бурдьё). В процессе взаи-

модействия нарратива и человека происходит порождение, перенос и восприятие смыслов [11]. В зависимости от нормативно-ценностных установок, полученных в процессе воспитания и образования, человек вносит свою оценку в этапы наррации. Все сказанное справедливо не только к отдельным персонажам, но и к социальным группам. Нарративы не только описывают оценочно реальности, но и формируют условия последующей оценочной наррации.

3. Возможные системы связи нарративов и перформативов

Наблюдаемый замкнутый круг можно описать как систему с обратной связью. Результат работы системы влияет на систему таким образом, что система учитывает его в качестве входящего сигнала. Подобная система обратной связи, в которой оценочное описание может спровоцировать усиление значения незначимых или мало-значимых событий, влияет на всю систему оценки реальности как человека, так и социума. В случае положительной обратной связи (ПОС) система после многократного повторения самовозбуждается и переходит к автогенерации нарративов, иногда слабо связанных с реальностью. Это наблюдается на примере лавинообразного возникновения и распространения сплетен, слухов, страшилок и т. д. Процесс автогенерации может вызвать разрушение смысловой и нормативно-ценностной основ нарративов. При этом разрушается и ПОС, нарративы создаются заново. Подобное действие периодически происходит в результате войн, революций и т. д.

В противоположном случае наблюдается эффект отрицательной обратной связи (ООС). ООС — система связи результатов работы системы с входящим сигналом таким образом, что поступление выходного сигнала на вход системы уменьшает значение выходного сигнала. Применительно к наррации этот процесс наблюдается как уменьшение ощущения значимости возможной угрозы потери от события, пренебрежение жизнью своей и жизнями окружающих, героизация страданий «во имя...». Такого рода обратная связь вырабатывается как защитный механизм привыкания, адаптации к любым, даже самым острым, проблемам, возникающим в публичной коммуникации. Подобный сюжет использован в басне Эзопа «Лгун», когда мальчик кричал «волки!». При этом алармизация и хорроризация текстов нарративов приводит сначала к возбуждению системы (нарастающий отклик), а потом к игнорированию (затухающий отклик) новостного потенциала последующих «кошмарных» новостей. Нарративный поток способен сформировать у чело-

века мотивацию, которая будет сильнее, чем естественные инстинкты к здоровью, сну, еде, комфорту, жизни и другим. Но при постоянном давлении человек перестает реагировать соответственно тексту и даже может выдать противоположную реакцию.

Если рассматривать нарративы с точки зрения исследований Э. Гуссерля в балансе между «объективностью и субъективностью процесса познания (Erkennes)» [12], то как человек, так и общество не могут быть свободными от внесения своего личного понимания, переживания в ткань нарратива. Автор, согласно своему видению реальности, производит отбор ключевых героев и событий, стремится указать на них слушателям, читателям или зрителям. Он пытается использовать нарратив как инструкцию по выходу из тревожной, драматической ситуации, создать образец для подражания. Читатель или зритель, находясь в системе описания событий нарратива, отличающихся по месту и времени от времени действительности, существует одновременно в двух реальностях. Он следует за автором и сравнивает эти реальности со своими убеждениями, желаниями, ощущениями удовольствия, страха, тревоги и т. д. Согласно Гуссерлю, автор имеет возможность выбирать предполагаемые обстоятельства для сюжетов. Читатель свободен выбирать между текстами, между реальностями.

В силу интенциональности не только текст, но и коммуникация имеет свои мотивы, скрытую или явную перформативность. Возможно, в общем множестве нарративных сюжетов встречаются тексты без интенциональной основы, следовательно – без скрытого перформатизма. В этом случае всегда можно задать вопрос: «Зачем создан такой текст?» Подобного мнения придерживается один из исследователей социального конструкционизма К. Герген, который утверждает, что перформативен весь язык, который сочетает описания с реализацией конвенциональных социально осмысленных действий в системе публичных коммуникаций. «Слова сами по себе не описывают мир, но поскольку они функционируют успешно в рамках ритуала, основанного на отношениях, они начинают служить в качестве “описаний” в рамках правил данной игры» [13].

В силу приведенных выше аргументов можно утверждать, что нарративы и перформативы составляют парные множества в понятии речевого акта, при этом каждому нарративу множества соответствует не менее одного перформатива.

Нарративы как массивы описаний, связанные большим количеством связей как между отдельными сюжетами, так и с различными

реальностями, формируют у человека и у человечества непрерывность и связанность концепции реальности. Д. С. Лихачев описывает свойства концепта следующим образом: «Концепты возникают в сознании человека не только как «намеки на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [14].

Нарратив делает из дискретного эвристического сознания плавную траекторию, по которой человек познает, воспринимает мир. Наррация упаковывает реальность в непротиворечивую картину. Сшивая разрозненные сюжеты в единую ткань, нарративы служат одним из важнейших инструментов культурогенеза (по М. Ю. Лотману). В отличие от интерактивной действительности, нарративная реальность лишена вариантов и альтернатив развития сюжета. Она допускает параллельность сюжетных веток, но ограничена предполагаемыми обстоятельствами. Непрерывность (неопределенность) интерактивной действительности отлична от случившейся непрерывности нарратива законами жанра и индивидуальной интенциональности автора.

В силу непрерывности и взаимосвязанности массива нарративов у авторов перформатива появляется возможность изменять формы нарративов, вплоть до маскирования перформатива под другие речевые акты. Так, например, вопросы «Будете ли Вы выходить на следующей остановке?», «Девушка, Вы танцуете?» представляют собой перформативы, один — побуждающий уступить дорогу, другой — согласие на танец. Надписи «Не прислоняться» и «Выхода нет» подразумевают запрет на облокачивание на поверхность двери и направление движения в метро. Непрерывность и повторяемость нарративов формируют контекстуальные возможности для скрытой манипуляции поведенческими паттернами человека, например решением о покупке. Другими словами, язык подразумевает некоторую договоренность, или конвенциональность, между автором и читателями в отношении разных речевых актов. При этом конвенциональность не отражается непосредственно в тексте, а подразумевается как неписаное правило понимания и интерпретации.

Для выяснения генезиса перформативов в наррации необходимо рассмотреть процесс создания нарративов. Генерация нарративов — это явление, происходящее в социальной среде, описывающее коллективное действие, попытку договориться о дескриптив-

ном определении окружающего мира с помощью непротиворечивых повествований. В тех случаях, когда законы действительности не позволяют сочетать и объяснять события и сущности, нарратив переходит в фантазийную, мифологическую, религиозную, трансцендентную или иную реальности. Дальше, после процессов селекции, множественных повторов коллективное описание реальности может предстать в виде сжатых поучительных историй — примеров поведения в той или иной ситуации (былин, священных писаний, сказок и так далее). При этом нарративы могут притянуть в себя и модные обороты речи, сюжеты, героев. Существует и обратный эргономический процесс — отбрасывание всего несущественного. В результате длительной селекции и выдержки формируется текст как инструмент для обучения и воспитания на примере другого.

4. Событийное формирование нарративной реальности

После того как нарратив принят и одобрен в пространстве публичных коммуникаций, он переходит в форму образца для подражания, инструмента для воспитания детей, выполняет функции лингвокультурального трансфера, культурной трансмиссии при попытках перенести смыслы на другой язык, в другую культуру, при пересечении культурных барьеров или разделенных, например, религиозной нарративной постсекулярных коммуникаций. Процесс принятия в повседневное использование того или иного нарратива означает замораживание обсуждения о его форме и содержании. Нарратив становится классикой, каноном. Из него, со временем, начинают вытаскивать перформативы: инструкции, указания, заповеди, законы, мораль и т. д. Нарратогенез можно представить в виде алгоритма «событие — анализ — синтез — нарратив/создание нового/коррекция старого описания» [15]. В алгоритме создания перформатива редуцируется процесс нарратогенеза до алгоритма: «событие» — соотнесение с «готовым сюжетом-советом». «Идет дождь — возьми зонт». Игнорируется рассуждение, есть пример и императив. Вот ход, например, стандартного генерирующего алгоритма в упрощенном виде: «Идет дождь — можно намочнуть — нужна защита — Вася взял зонт» для нарратива трансформируется в прямое указание для Васи: «Идет дождь — возьми зонт». В любом сообществе происходит эргономический процесс сокращения рассуждения, отжим текста до стереотипической реакции. Это негативный процесс, который сводит обучение человека к системе реакций на внешние события. «Пробежала кошка — плюнь че-

рез плечо». Таким образом, многие нарративы трансформируются в перформатив и там уже не могут трансформироваться под постоянно меняющуюся среду и ее макрофакторы, являют собой постоянно отстающий и требующий усилий для изменения корпус правил. С другой стороны, эргономика перформатива экономит время, экономит ресурсы человека. В этом процессе рождается сообщество или группа «ленивых» или консерваторов, которая «канонизирует» нарратив и стремится перевести его в модель «событие-нарратив». Появляются скрепы, «святое», нарратив сакрализуется, шлифуется как жемчужина в раковине, превращаясь в перформатив.

Система перформативов — «инструкций к жизни» — вошла в систему образования. Она строится на знании — умении — навыках по использованию предыдущего наследия в большинстве, и на обучении анализировать в меньшинстве. Полученное множество А, состоящее из событий, сопоставляются с множеством В — указаниями на реакцию на эти события. В случае, когда появляются новые события, а в множестве В нет соответствующих сюжетов, логично было бы предположить новый виток анализа и синтеза, нового описания, исследования, изучения, получения нарратива. К сожалению, ренарратизация происходит не всегда, чаще методом перебора человек пытается «пристроить» существующие старые объяснения к новым событиям или предметам. В случае, когда это удастся, мы имеем использование одного знака для двух событий или двух толкований, как слово «шарик», описывающее и сферу, и маленькую собачку в примере Г. Фреге. В результате этого возникают полисемичные слова, тексты, возникает двусмысленность, как в классических творениях Гомера, Крылова и других авторов, для создания эффекта «вау-узнавания» используются двусмысленные нарративы.

Конечное место для смысловой траектории нарратива, перешедшего в перформатив, может заканчиваться на территории табу — запрещенных тем. Например, существует событие — восход солнца над горизонтом. В системе «до Галилея» солнце восходит над горизонтом, и это событие описывается как «восход» и истинное. Но «в системе после Галилея» движения Солнца нет. Земля поворачивается, и наблюдатель видит появление Солнца. Спустя много лет восприятие реальности по-прежнему воспроизводит старую историю реальности «до Галилея», несмотря на всеобщую информированность, поэты воспевают восходы и закаты Солнца, а не повороты Земли вокруг оси.

Поводом для наррации становятся события. Многие из событий заставляют человека и общество реагировать, выступают в качестве побуждающего к действию или бездействию фактора. Чем больше событие повлияет на будущее, чем значительнее будет его возникновение в пространстве публичных коммуникаций, тем больший эффект он произведет, тем дольше останется в коллективной памяти. В этом пространстве происходит оценка общественным мнением события, оценка события представителями властей, при этом может возникнуть дистанцирование населения от власти [16].

Как было рассмотрено ранее, нарративы формируют восприятие реальности у человека. Они также способны трансформировать и сами реальности. Пространство, создаваемое нарративами, представляет собой набор алгоритмов, правил, законов, которые связывают предметы и события между собой в единую непротиворечивую реальность в сознании индивидуумов, групп людей и всей цивилизации. Благодаря глобализации, человеческое сообщество представляет собой интегральную систему, объединенную связями между всеми. Эта сеть публичных коммуникаций позволяют взаимодействовать всем участникам человеческой цивилизации как одному организму. Любое событие, имеющее новостной потенциал, ретранслируется в современном информационном обществе фактически мгновенно.

Система связанных нарративов разных культур выступает в нескольких ролях: как источник новостей, как описание реакции, как хранилище полезных и вредных опытов человечества. Другими словами, информационное нарративное пространство представляет собой источник новостей, получатель новостей, социальную публичную память.

Выводы

1. Нарративы и перформативы, несмотря на то, что интуитивно ощущаются понятиями противоположными, как описание и указание, фактически находятся в связи порождения одного через другое. При анализе 3 возможных вариантов взаимодействия установлено, что перформативы находятся в основании любой наррации, таким образом, что каждому нарративу соответствует не менее одного перформатива.

2. В любой наррации содержится тайное или явное манипулирование, которое необходимо иметь в фокусе внимания при рас-

смотрении маркетинговых, политических, религиозных текстов. Спектр подобного манипулирования широк — от агитации и пропаганды к рекламным и PR-текстам и т. д.

3. Присутствие перформативов не всегда несет в себе отрицательное значение. Например, в текстах классической художественной литературы перформативы содействуют практикам по воспитанию и образованию детей.

Библиографический список

1. Проскурин С. Г. Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 220–232.
2. Blank, Andreas, «Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change», in Blank, Andreas; Koch, Peter, Historical Semantics and Cognition, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–90.
3. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. 3[111]. С. 135–137.
4. Агеева Н. А. Наррация и анарративность в монодраме Я. Пулинович «Наташина мечта» // Научный диалог. 2015. № 12. [48]. С. 151–160.
5. Тюпа В. И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник. 2010 3[14]. С. 7–16.
6. Женетт Ж. Границы повествовательности // Женетт Ж. Фигуры. Т. 1. М., 1998.
7. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 203–204.
9. Рассел Б. История западной философии: в 3 кн. / пер с англ.; подгот. текста В. В. Целищева. СПб.: Азбука, 2001. 960 с.
10. Герасимов С. В. Замыкая круг манипуляций // Философские науки. 2015. № 5. С. 34–41.
11. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 165–175.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 256 с.
13. Gergen, K. J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997.

14. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.

15. Герасимов С. В. Событие как управленческая функция генерации социальной реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. 1(23). С. 68–83.

16. Петухов В. В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Вестник Института социологии. 2012. № 5. С. 240–246.

References

1. Proskurin S. G. Lingvokul'turnyj transfer: predstavleniya o mire v drevnih traditsiyah [Linguocultural transfer: ideas about the world in ancient traditions]. *Kritika i semiotika*, 2017, no. 1, pp. 220–232. (In Russ.)

2. Blank, A. "Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change", in Blank, Andreas; Koch, Peter, *Historical Semantics and Cognition*, Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 61–90.

3. Zinkevich O. V. Lokalizaciya kak process lingvisticheskoy transformacii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta [Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2018, 3[111], pp. 135–137. (In Russ.)

4. Ageeva N. A. Narraciya i anarrativnost' v monodrame YA. Pulinovich «Natashina mehta» [Narration and anarrativity in the monodrama J. Pulinovich "Natasha dream"]. *Nauchnyj dialog*, 2015, no. 12 [48], pp. 151–160. (In Russ.)

5. Tyupa V. I. Dramaturgiya kak tip vyskazyvaniya [Drama as a type of utterance]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2010 3[14], pp. 7–16. (In Russ.)

6. Zhenett Zh. Granicy povestvovatel'nosti [Boundaries of narrative]. Zhenett Zh. *Figury*, vol. 1. Moscow, 1998. (In Russ.)

7. Uehst D. *Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie* [Continental philosophy. Introduction]/ per. s angl. D. Yu. Kralechkin. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RA-NHiGS, 2015, 448 p. (In Russ.)

8. Hume D. *Traktat o chelovecheskoj prirode* [Treatise on human nature]. Hume D. *Sochineniya*, in 2 vol., vol. 1. Moscow, Mysl', 1996, pp. 203–204. (In Russ.)

9. Rassel B. *Istoriya zapadnoj filosofii: v 3 kn.* [History of Western Philosophy] / perevod s angl.; podgot. teksta V.V. Celishcheva. St. Petersburg, Azbuka, 2001, 960 p. (In Russ.)

10. Gerasimov S. V. Zamykaya krug manipulyacij [Closing the circle of manipulations]. *Filosofskie nauki*, 2015, no. 5, pp. 34–41 (In Russ.)

11. Tul'chinskij G. L. *Ochenochno-ehmocional'nye faktory smysloobrazovaniya: normativno-cennostnye patterny narrativov kul'tury* [Evaluative-emotional factors of sense-formation: normative value patterns of cultural narratives]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2018, no. 4(30), pp. 165–175. (In Russ.)

12. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical research]. *T. 1, Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya. Per. s nem. V.I. Molchanova.* Moscow, Akademicheskij proekt, 2011, 256 p. (In Russ.)
13. Gergen, K. J. *Realities and relationships: soundings in social construction.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
14. Lihachev D. S. *Konceptosfera russkogo yazyka* [Russian language conceptual sphere]. *Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva.* St. Petersburg, Blic, 1999, pp. 147–165 (In Russ.)
15. Gerasimov S. V. *Sobytie kak upravlencheskaya funkciya generacii social'noj real'nosti* [Event as a managerial function of generating social reality]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Human. Culture. Education], 2017, 1(23), pp. 68-83. (In Russ.)
16. Petuhov V. V. *Grazhdanskoe obshchestvo i vlast': sotrudnichestvo ili protivostoyanie?* [Civil society and government: cooperation or confrontation]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2012, no. 5, pp. 240–246 (In Russ.)

К. С. Голиков

Институт философии Российской академии наук, Москва

Экзистенциальная коммуникация Карла Ясперса — путь к подлинному бытию

В настоящей работе автор поднимает проблему обретения человеком подлинного бытия, обращаясь к концепции экзистенциальной коммуникации Карла Ясперса. На основе идей немецкого философа и его последователей осмыслено представление о коммуникации массового и индивидуального существования, дефектной и истинной коммуникации, а также возможностях перехода к подлинной экзистенции человека в обществе путем преодоления негативных паттернов современного формального общения, когда на первом плане оказывается не сердечное взаимодействие, а потребительские отношения между людьми.

Ключевые слова: Карл Ясперс, подлинное бытие, Объемлющее, экзистенция, индивидуальное существование, истинная коммуникация, массовое существование, трансценденция.

K. S. Golikov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

Karl Jasper's Existential Communication — Towards Authentic Being

In this article the author raises the problem of discovering one's authentic being drawing on Karl Jasper's concept of existential communication. Based on the ideas of the German thinker and his followers, the author interprets the concept of the crowd and individual existence, defective and genuine communication, as well as the possibilities of achieving authentic existence within a society through overcoming the negative patterns of today's formal interactions, when it is not the cordial relations between people that come forth but consumer ones.

Keywords: Karl Jaspers, authentic being, the Encompassing, existence, individual existence, genuine communication, mass communication, transcendence

Сегодня мы можем наблюдать, как основательные преобразования социальной и экономической реальности приводят к росту психологического неблагополучия в обществе, одним из проявлений

которого является утрата человеком внутреннего стержня и четкого ориентира в жизни. В отсутствие единой официальной идеологии каждый вынужден самостоятельно определять для себя жизненные приоритеты, при этом естественные стремления человека — познать себя, смысл бытия с другими и бытия в мире — теряются в многообразии мировоззрений. Индивидуальность утрачивает себя в толпе, а межличностные отношения в условиях рыночной экономики все больше приобретают утилитарно-прагматический характер. Особенно актуальной в сложившихся условиях представляется идея экзистенциальной коммуникации, которая берет начало в творчестве выдающегося немецкого мыслителя XX века Карла Ясперса.

После трагических событий Первой мировой войны экзистенциализм становится одним из ведущих философских направлений. В условиях нарастающего социально-экономического кризиса в центре внимания оказывается проблема существования отдельного человека. Философы-экзистенциалисты призывают человека противостоять толпе, нивелирующей индивидуальность, и подталкивают к борьбе за подлинную экзистенцию и свободу. Познание бытия-в-мире и бытия-с-другим осуществляется посредством коммуникации — центрального вектора становления человека в философии экзистенциализма.

Концепция экзистенциальной коммуникации сложилась как результат колоссальной исследовательской работы немецкого философа Карла Ясперса [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Мыслитель горячо убеждал современников в своем понимании того, что человек не может достичь подлинного бытия в одиночестве, через отречение и уход из общества, но лишь в подлинном общении «без границ» с другими людьми. «Подлинная коммуникация» Ясперса была направлена на борьбу с тоталитарной идеологией и против формальной, иными словами массовой, коммуникации в обществе. При этом в понятие «масса» вкладывается не принадлежность к некоторому классу внутри социума, а то, каким способом бытийствует человек. «Человек массы» совпадает в ценностях и целях с установленными в обществе стандартами, удовлетворен идентичностью с окружающими, не выстраивает свой жизненный путь в соответствии с собственным экзистенциальным проектом. Карл Ясперс выделял следующие основные особенности бытия в обществе массовой коммуникации:

— язык маскировки (неприглядные стороны существования маскируются, человек искусственно удерживается в состоянии

умиротворения и экзистенциального сна, акты насилия приписываются безликой власти, а перед наукой и институтами ставятся задачи и вопросы, реальные решения и ответы по которым остаются невостребованными);

— язык возмущения (поступающая новостная информация о несправедливых событиях стимулирует отклик у зрителя, который только больше погружается в состояние бессилия, так как внутренняя интенция на сострадание не может найти реального выражения, вызываемая реакция негодования завершается ощущением беспомощности);

— «вирус» усредненности (уравнивание не критически вбирается в процессе получения образования и социализации, при этом отождествленный с состоянием «выравненности» человек начинает транслировать аналогичное отношение к другим; для отделенного «я» существует вероятность обращаться со всяким другим «я» как с вещью, «другого» в этом случае не признают существованием равного достоинства, сообщая ему содержание своего воления, но воздействуют на него как на подчиняемый объект природы [7, с. 56]);

— духовность в коммуникации массового существования слугит в большинстве случаев целям софистики и не представляет ценности для человека толпы.

Помимо Ясперса некоторые черты коммуникации массового существования в своих работах отмечал также испанский философ-экзистенциалист Хосе Ортега-и-Гассет:

— оперирование стереотипной информацией, которая не выходит за рамки предустановленных распространенных представлений (данная черта приобретает отрицательный характер, когда достигает крайнего негативного полюса своего проявления в коммуникативном поведении, при этом отрицается все, что не вписывается в стереотипы);

— отсутствует сознательный процесс поиска и освоения нового знания (человек массы оказывается замкнут в стихийно освоенном информационном пространстве, ранее полученное знание просто воспроизводится, продвижения духа и развития культуры не происходит);

— информация как таковая имеет чисто утилитарную ценность для решения ситуативно-прагматических задач с последующей целью извлечения выгоды, духовная и культурная ценность информации не осознается [8].

Таким образом, в коммуникации массового существования ничего истинного не находит выражения, но обнаруживается лишь самообман, отсутствие органики чувств и проистекающее отсюда отчуждение. Результатом этого является то, что человек не имеет индивидуального существования и не ощущает собственного бытия.

Ханна Арендт — политический философ и ученица Карла Ясперса — говорит о своем учителе как о первом и единственном философе, который выступил против отчуждения, которому отчуждение представлялось пагубным и который осмелился всякую мысль, всякий опыт, всякий смысл испытать единственно под этим углом: «Что они значат для коммуникации? Они помогут или помешают коммуникации? Они заманивают в отчуждение или склоняют к коммуникации?» [9, с. 101]. Безграничная коммуникация находится в центре ясперсовской диалогической философии, так как «коммуникация растворяет всё, чтобы дать родиться новой прочности» [7, с. 81].

Ясперс использует концепцию «любящей борьбы, в которой каждый человек сдает свое оружие другому» для обозначения феномена общения с растворением любых границ, в котором партнеры могут пройти дальше, чем каждый способен пройти в одиночку. В «любящей борьбе» жаждущих стать собой экзистенциальный собеседник стремится избегать допущений, что «другой» подобен ему самому и является взаимозаменяемой единицей. Различие людей приветствуется, несмотря на существование связи, основанной на нашей всеобщей принадлежности к человечеству [7, с. 106]. В понимании Ясперса истинная коммуникация уважает, подчеркивает и усиливает различия между одним существованием и другим, в противоположность сдерживанию, замалчиванию и сокрытию, происходящим в обезличенной коммуникации повседневной жизни [10, с. 212–213]. Человеческое своеобразие становится возможностью, которая может дать начало истинному диалогу.

Требования экзистенциальной коммуникации велики. Ясперс указывает на особую важность того, что оба диалогических партнера должны быть готовы встретиться, заботиться друг о друге, создать дух взаимности и при этом быть уязвимыми. Если один не желает или не может выдержать сопутствующие риски, случится разрыв или разлад взаимозависимой экзистенциальной коммуникации: «Ибо смысл коммуникации я достигаю также не в одном лишь собственном действии; его должно встречать действие другого. Я вынужден вступить в мучительное отношение вечной неудовлет-

воренности в то мгновение, когда другой, вместо того чтобы быть для меня тем, кто встречает, делает сам себя объектом для меня. Если другой в своих действиях не становится самобытен, как он сам, то не становлюсь таким и я» [7, с. 61].

Для экзистенциальной коммуникации ключевое значение имеет риск: «...это воля к открытости целиком рискует собой в коммуникации, в которой только она и может осуществиться: она рискует пожертвовать всяческим так-бытием, потому что знает, что ее собственная экзистенция только в этой жертве приходит к самой себе. Ибо в самораскрытии я теряю себя, чтобы обрести себя» [7, с. 68].

Ясперс также убежден в особой важности изучения феноменов, препятствующих истинной коммуникации: «Я безоговорочно настаиваю на пути коммуникации. Но я отвергаю допущение о предустановленном успехе. Я убежден, что шансы на успех выше, если мы осознаем опасности, которые могут разрушить коммуникацию» [11, с. 760].

Созвучно идеям Ясперса, немецкий философ Фриц Кауфман выделил несколько таких «опасностей», «дефектных» форм человеческой коммуникации: неестественность, неискренность, обман и ложь. Псевдокоммуникация возникает из застенчивости, страха, подозрений, предубеждений, сфокусированности на себе, надуманного превосходства, бессердечности, агрессивности, недоброжелательности и непрестанного пустословия [10, с. 214–216]. Дефектные формы коммуникации не ведут к экзистенциальной коммуникации, так как «закрытые монады» не могут вступить в «экзистенциальный круг», где создается «связь бытия с бытием», которая ведет к коммуникации «существования с существованием».

Подлинная экзистенциальная коммуникация требует равенства, обоюдного признания, положительного отношения к ситуации общения, солидарности, вопрошания, отбрасывания защиты эго, отказа от стремления победить другого, безграничной способности к прояснению себя и ситуации. В истинной коммуникации нет места софистике, так как «софизмы подобны головам Гидры: стоит большого усилия уничтожить один единственный софизм, как на месте каждого уничтоженного вырастает целое множество новых» [7, с. 103]. Обе личности нуждаются в свободном потоке коммуникации, проистекающем из безграничной подвижности занимаемых точек зрения».

В принятии и уважении иной жизненной позиции, осознанном поиске точек соприкосновения с чужим мнением заключает-

ся возможность трансцендирования устоявшихся шаблонов формализованного общения. Философия Ясперса не приведет нас к конкретному «взгляду на бытие», который можно присвоить, но поможет увидеть экзистенциальную коммуникацию как универсальное средство, помогающее все в большей мере истолковывать наше бытие. Философ не навязывает жестких точек зрения, но предлагает экзистенциальную коммуникацию как проводник на тот уровень сознания, где нет зажатости в субъектно-объектной дихотомии и позволено прийти к большому ощущению бытия: «Объемлющее, которое есть мы, в любой его форме есть коммуникация; объемлющее, которое есть само бытие, существует для нас лишь тогда, когда оно становится языком в процессе коммуникации, или поскольку мы можем обратиться к нему» [7, с. 75].

Ясперс призывает своего читателя понять, что Объемлющее проявляется в субъект-объектном расколе как субъект, как объект, как оба одновременно, и как безграничное пространство, внутри которого существуют все горизонты. Философ подводит нас к ключевой мысли о том, что бытие обретает еще большее существование через значимые экзистенциальные акты коммуникации между людьми. Когда мы проявляем себя в межличностной коммуникации высшего порядка, мы приближаемся к пониманию нашей «возможной экзистенции», а «это есть путь исполнения и условие всего остального» [7, с. 113]. Опыт повседневной жизни показывает, что один человек не может усилием личной воли вызвать «нужный» градус экзистенциальной коммуникации. «Внутреннее вечное» рождается только в обоюдном стремлении друг к другу двух личностей: «...экзистенция, по этой причине, становится явленной и тем самым реальной, лишь когда она приходит к себе через другую экзистенцию, а значит и вместе с ней» [7, с. 94]. Мы приходим к осознанию того, что экзистенция, обретаемая в подлинном сердечном взаимодействии, это качественно иное измерение нашего бытия, способное пребывать между объективным и трансцендентным миром: «в экзистенциальной коммуникации со-бытие открывает для взгляда трансценденцию» [7, с. 109].

Человек возвышается, когда в межличностной коммуникации высшего порядка видит, как проявляется «граница, на которой мгновениями может вспыхивать то, что вне всякого раздвоения есть всё» [7, с. 107]. Таким образом, в ходе развития истинной коммуникации собеседники могут коснуться того состояния, когда «за каждым горизонтом мысли, переживания и вещества есть дру-

гой горизонт, а за ним еще один, и еще, и так до бесконечности, и именно безграничное Объемлющее включает и трансцендирует все эти горизонты, и из него, по всей видимости, возникают или выделяются субъект и объект, бытие и небытие» [11, с. 790–791]. Расширять горизонты сознания, не соскальзывая только в субъективность или объективность, преодолевать разделение и одновременно входить в него — значит ощущать Объемлющее. Это несет расширенное сознание и просветление. И не содержание мысли порождает такое просветление, но прохождение через такую мысль к тому, что лежит за ее пределами в «глубокой тишине» [11, с. 729].

Обращаясь сегодня к философии Карла Ясперса, мы понимаем, что нам пока не дано продолжительно пребывать в том состоянии углубленной проницательности, которое обеспечивает подлинная коммуникация. Воодушевляют слова Ясперса о том, что «это просветление преходяще», ибо «во времени предписание состоит в том, чтобы всегда продолжать двигаться. Мы теряем себя и отвоевываем себя заново. Я философствую в пути» [11, с. 828–829]. Важно осознавать, что даже в результате коротких, но значимых столкновений с подлинной коммуникацией мы становимся другими: опыт коммуникации накапливается и экзистенция пробуждается неоднократно. Вслед за Карлом Ясперсом мы начинаем глубоко осознавать незаменимость подлинного общения и по крупицам открываем для себя «вечность через текущее мгновение».

Библиографический список

1. Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. 304 с.
2. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
3. Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
5. The basic concepts of Jaspers' philosophy / K. Hoffman // The philosophy of Karl Jaspers / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957. Pp. 95–113.
6. Jaspers, K. Way to wisdom / R. Manheim, Trans. New Haven: Yale University Press, 1973. 240 p.
7. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / К. Ясперс ; пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 448 с.

8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.

9. Арендт Х. Карл Ясперс: гражданин мира? / пер. с англ. Г. Дашевского // Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.

10. Karl Jaspers and a philosophy of communication / F. Kaufmann // The philosophy of Karl Jaspers / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957. Pp. 211–295.

11. Reply to my critics / K. Jaspers // The philosophy of Karl Jaspers / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957d. Pp. 748–869.

References

1. Yaspers K. *Vvedenie v filosofiyu. Filosofskaya avtobiografiya* [Introduction into philosophy. Philosophical autobiography] / K. Jaspers ; per. s nem. A. K. Sudakova. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitaciya», 2017, 304 p. (In Russ.)

2. Yaspers K. *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie* [The world history of philosophy. Introduction] / K. Jaspers ; per. s nem. K. V. Loshchevskogo. St. Petersburg, Nauka, 2000, 272 p. (In Russ.)

3. Yaspers K. *Razum i ekzistenciya* [Reason and existence] / K. Yaspers ; per. s nem. A. K. Sudakova. Moscow, Kanon +, ROOI «Reabilitaciya», 2013, 336 p. (In Russ.)

4. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]: Per. s nem. 2-e izd. / K. Jaspers. Moscow, Respublika, 1994, 527 p. (In Russ.)

5. *The basic concepts of Jaspers' philosophy* / K. Hoffman. *The philosophy of Karl Jaspers* / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957, pp. 95–113.

6. Jaspers K. *Way to wisdom* / R. Manheim, Trans. New Haven: Yale University Press, 1973, 240 p.

7. Yaspers, K. *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistencii* [Philosophy. Book two. The elucidation of existence] / K. Jaspers; per. s nem A. K. Sudakova. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitaciya», 2012, 448p. (In Russ.)

8. Ortega-i-Gasset, H. *Vosstanie mass* [The revolt of the masses] / H. Ortega-i-Gasset; per. s isp. A.M. Geleskula. Moscow, AST, 2016, 256 p. (In Russ.)

9. Arendt H. *K. Yaspers: grazhdanin mira?* [Karl Jaspers: citizen of the world?] / H. Arendt ; per. s angl. G. Dashevskogo // *Lyudi v temnye vremena* [Men in dark times]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2003, 312 p. (In Russ.)

10. *Karl Jaspers and a philosophy of communication* / F. Kaufmann. The philosophy of Karl Jaspers / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957, pp. 211–295.

11. *Reply to my critics* / K. Jaspers. *The philosophy of Karl Jaspers* / P. A. Schilpp (Ed.). La Salle, IL: Open Court Publishing, 1957d, pp. 748–869.

N. F. Zyuzev¹, N. S. Pichko²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

² Usinsk branch of Ukhta State Technical University, Usinsk

Scarcity or Sufficiency? Methodological Difficulties in the Debate of Economic Equality

The problem of economic equality remains at the center of public debate. As Harry Frankfurt suggested in his seminal paper, the solution to this issue could be based on the principle of sufficiency that is achieved when a person feels satisfied with his economic situation. He contrasts this approach to arguments from scarcity, presented by Ronald Dworkin, who draws attention to people in desperate conditions. However, Frankfurt's position is liable to criticism, especially from methodological perspectives. An alternative to his and Dworkin's suggestions should be sought in Kantian (deontological), rather than utilitarian approach.

Keywords: economic equality; Harry Frankfurt; Ronald Dworkin; utilitarianism; deontological ethics, "trolley dilemma."

Н. Ф. Зюзев¹, Н. С. Пичко²

¹ Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

² Филиал Ухтинского государственного технического
университета в г. Усинске, Усинск

Нищета или Достаток: Методологические сложности споров об экономическом равенстве

Проблема экономического равенства является одной из наиболее актуальных тем в современной этике. Гарри Франкфурт считает, что ключом к решению этой проблемы является введение критерия достаточности — в соответствии с тем, что индивид полагает достаточным уровнем благосостояния для него. Он противопоставляет этот подход позиции Рональда Дворкина, основанной на объективном состоянии обнищания. Однако подход Франкфурта не выдерживает критики — особенно с методологических позиций. Альтернативой может служить решение, основанное на принципиально иной методологии, в данном случае деонтологической этике.

Ключевые слова: экономическое равенство, Гарри Франкфурт, Рональд Дворкин, утилитаризм, деонтологическая этика, дилемма вагонетки.

1.

The problem of economic equality has long been a hotly discussed issue in philosophic discussions, as well as in social and economic debates. One of the most interesting and influential contributions to this topic came from Harry Frankfurt [1]. He states that economic equality is not a compelling moral principle in its own right, as neither is the importance for everyone to have the same. What is important is for everyone to have enough [1:21].

He uses various arguments in support of this statement, including a few long known in philosophical debates. For instance, it is often argued that egalitarianism leads to a conflict between equality and liberty: “if people are left to themselves, inequalities of income and wealth inevitably arise, and therefore an egalitarian distribution of money can be achieved and maintained only at the cost of repression” [1:22]. More importantly, when people get overly concerned with the issue of equality it diverts them from what they should really be concerned with and what would satisfy their real needs and aspirations. In this way, economic equality becomes a secondary issue compared to more fundamental considerations.

One of the main targets of Frankfurt’s criticism is the principle of diminishing marginal utility. It claims that the utility of money diminishes at the margins, or to put it simply, people would first buy most important things to satisfy their most important needs, so what they buy next is less important to them and therefore is of less value. Thus, the more money people spend the “cheaper” it is. Any economic disparity between two persons leads to the money’s diminished value compared to what it could be with equal distribution; giving the rich person’s “cheap” money to the poor increases its value, because the latter can now buy things that would be of bigger value to him than to the rich person.

Frankfurt calls into question this principle in various ways; he even puts under doubt money’s ability to diminish in value in principle. He points at the “protean” capacity of money to bring satisfaction in many ways, providing a person with new types of pleasure different from what the “earlier” money brought to him. For instance, something may be unpleasant to a person at first, but a repeated experience might give him a better taste of the product, and when he develops an “addiction” for

it his pleasure will be much greater than before. In this case, the value of money eventually grows greater than at the beginning, which clearly contradicts the theory of diminishing marginal utility.

His another argument comes from the practice of saving. A person saves to buy a certain product that brings him a satisfaction greater than what he could have had spending money on less expansive goods. In this case, the last amount of saved money is of greater value than the previously saved - in clear contrast to the idea of diminishing marginal utility. Or, with an extra amount of money, a person can buy something that greatly increases his satisfaction from things already available to him (for instance, a popcorn lover who can now afford buying butter, as buttered popcorn enormously increases his enjoyment from this product).

These examples make it obvious that an egalitarian distribution may fail to maximize the aggregate utility, which is unacceptable since it goes against the very principles of utilitarianism.

Another line of argumentation Frankfurt explores deals with situations where equal distribution leads to undesirable outcomes because of shortage of resources. For instance, with the population of ten, where five units of the resource are needed for everyone to survive while only forty units of the resource are available, we would have to give only four units each — following the equal distribution pattern. This would lead to the extinction of the group. Thus, under the condition of scarcity an egalitarian distribution is morally unacceptable. The correct response to scarcity would be distributing the resource unequally — so that as many people as possible had enough of it. This way, at least part of the population would survive. This also refutes the idea that where some people have less than enough, no one should have more than anyone else. Further, it proves false the statement that where people have less than enough, no one should have more than enough. All these objections, in Frankfurt's view, drastically undermine the idea of egalitarian distribution.

Frankfurt directs sharp criticism at those who argue that economic inequality is wrong because it is unjust. In his view, their position is based not as much on the principle of justice as on emotions, or the sympathy for those who have too little. This trick becomes evident with a closer look at the argument. A typical example Frankfurt finds in Ronald Dworkin's works where he refers to poverty in support of his ideal of economic justice [2:206]. But what Dworkin really proves is merely the fact that watching someone not to have enough for a decent life is a morally disturbing experience, which brings us back to the principle of sufficiency and its primary importance.

Finally, Frankfurt discusses the “fundamental error” of egalitarianism, or the idea that “it is morally important whether one person has less than another regardless of how much either of them has” [1:34]. One source of this error lies in the assumption that people with less income have more unsatisfied needs. This error makes, for instance, Thomas Nagel in his interpretation of John Rawls’s “Difference Principle” as giving preference to most urgent needs [3:106–128]. Frankfurt objects that it is not the urgency of needs that is favored by Rawls, but it is people who are identified as worse off are given priority. Nagel illustrates his position with a family with two kids, one healthy and one handicapped, deciding whether to move in the city or stay in the suburbs. The latter option better benefits the healthy child while moving in the city would mean a great improvement in medical support for the sick boy. The preference should favor the interests of the handicapped kid because of the urgency of his needs. However, Frankfurt says that this line of reasoning, though it looks correct, is in fact wrong as in reality we choose not the kid in more urgency, but the kid whose condition is downright miserable. In other words, we choose him because he does not have enough in terms of health and medical support.

Now, the only question Frankfurt needs to answer is what does it mean to “have enough?” He claims that the threshold of sufficiency is reached when someone meets a certain standard of having enough like when someone says “That should be enough.” “To say that a person has enough money means that he is content, or that it is reasonable for him to be content, with having no more money than he has” [1:37]. It does not mean, however, that the standard of sufficiency is restricted to having barely enough, as Frankfurt points that “people are not generally content with living on the brink” [1:38]. There are certain types of circumstances, he notes, in which the amount of money a person has is enough; first, when an individual has no serious troubles with the way his life is going; second, when whatever problems one has, they cannot be alleviated by more money, for instance, when someone has a strong, but unanswered affection for another person. Of course, hardly anyone would mind having more money, or even to “sacrifice certain things he values (e.g. certain amount of leisure) for the sake of more money” [1:39]. However, when a person does not care to go the extra mile to make more money, it means that more money is inessential to his being satisfied with his life.

2.

Some of Frankfurt’s arguments are undeniably strong. The idea of economic equality shouldn’t be exempt from criticism or accepted as

an indisputable ideal of social evolution. In this respect, Frankfurt's approach deserves being endorsed and supplemented with more arguments.

For instance, a utilitarian approach allows adding more illustrations to the reasons mentioned by Frankfurt in his opposing to an egalitarian distribution. For example, it seems that people have intuitive understanding that unequal distribution is something that benefits, rather than disadvantages the majority of the population. It is clear not only from the fact that any reasonable person would prefer a state of affairs where everyone gets what he deserves to the situation where everyone has the same. Normally, people can live happily without holding grudges against richer individuals unless their income and living conditions become drastically bad. It appears that people accept the idea that there is an element of fairness in social and economic inequality, and that any large-scale rearrangement of the social system and social hierarchy would be too costly.

People might also prefer having around individuals with significant resources and with the ability to use them efficiently thereby benefiting the entire society. Governments alone cannot serve all public needs and solve all social issues, however socially oriented they might be. They simply do not have enough money for that. When a significant number of private individuals have substantial assets free from consumption needs they might use it for ambitious projects, commercial, artistic, or academic, that will eventually open new perspectives, goods, or enjoyments for larger groups of the society. It is the common truth that a fair competition brings better services and lower prices. Any monopoly on wealth, whether the monopolist is a government or a medieval tyrant, puts society's progress and prosperity in danger. An equal distribution might be no better, as it denies society large resources needed for costly and socially important projects (health care, roads, and so on).

This discussion leads to another argument against equal distribution, one that points at possible "abuses" coming from following this theory blindly. Frankfurt mentions the popular argument of the close connection between equality and poverty, but we can look at this issue at a bit different angle. When equality leads to poverty? The answer is: if the principle of equal distribution is followed religiously it denies the most talented and entrepreneurial-minded groups and individuals any material incentives (as well means) for starting ambitious and promising projects. The key word here is "religiously". Any idea when followed and implemented to the letter inevitably turns into an ideology, and any

ideology - again, being followed to the letter — generates fanaticism and disregard for individuals' needs and concerns. The history of communist regimes provides us with striking examples of poverty and fanatical beliefs going hand in hand.

3.

The list of arguments in support of Frankfurt's claim for not considering equality as a moral ideal can go on and on. It does not mean, however, that his arguments in favor of the principle of sufficiency are flawless. At least two serious objections could be raised against them.

The first one is of methodological nature and applies to a number of arguments of the same kind. Frankfurt uses a hypothetical example of a group with insufficient resources to maintain the lives of everyone. Suppose, the size of the population is ten, a person needs five units of resources to live, with only forty available. Equal distribution leads to the extinction of the entire population, therefore we should choose eight people to survive, while the remaining two would die. In this case, we have to abandon the principle of equal distribution in favor of distributing goods unequally so we could save as many people as possible. However, this kind of example is hardly appropriate for moral debates as it switches the area of discussion from ethical problems to something very different. Arguing that the ideal of equality as such is not of a "compelling moral significance" presupposes staying within the limits of moral debate. Yet referring to a situation where the main goal is a group's survival clearly crosses them.

The simplest example to illustrate this would be a self-defence situation, which allows — both legally and "morally" (quotation marks seem to be mandatory in this case) — significant liberty in how far a person can go in order to protect oneself. Apparently, this kind of dilemma goes well beyond normal moral routine. For instance, no one would argue seriously that victims should let themselves get killed instead of killing their attackers. The principle that making sacrifices for others is morally commendable obviously is not applicable here.

Another example, popular in ethical discussions, especially in "trolley problem" debates [4, 5, 6, 7], describes hypothetical cases where we must decide how many human lives to be sacrificed in "the most ethical manner." Typically, it is a couple of innocent lives that must be sacrificed to save the population of a big city. Apparently, trying to make up and solve any dilemma of this type is nothing more than exercising in frivolous things. It seems obvious that when lives of many people are at stake,

any sorts of moral duties should step aside giving way to the urgency of survival, just as it happens in self-defence cases.

Frankfurt says that equal distribution, if it leads to the extinction of a group, is immoral. Indeed, a person in charge of deciding who will live and who will not faces a horrifying dilemma. But his sense of guilt, or any other morally charged feeling, would be only an “epiphenomenal” element, not crucial to the choice he has to make. Inferring that equal distribution in this case is morally wrong is incorrect. Distributing resources equally would surely be wrong, but not for moral reasons. Preserving lives is a task that goes beyond the limits for moral judgement. A case reverse to the discussed one would be when an outstanding surgeon saves lives day after day, without having any sympathy for his patients and being driven solely by greed and ambition. Would we prefer him being more compassionate, but botching more surgeries? Of course, not.

4.

Frankfurt's distinction between having less and having too little leads, apparently, to the conclusion that what society should really be concerned with is the problem of scarcity. He criticizes some supporters of economic egalitarianism claiming that their arguments defend equality based on arguments from scarcity. For instance, Ronald Dworkin says that America falls short of achieving the ideal of equality, and in support of this claim he refers to the fact that many Americans are unemployed and others earn wages far below the poverty line [2:208]. However, using an argument from poverty in support of equality simply changes the subject. Actual poverty calls for implementing better social policies - until the poor reach the level of sufficiency. Nevertheless, it does not make a case for setting economic equality as a primary goal. Dworkin appeals to our compassion for the unfortunate and indigent, but our feeling bad for them is not a sufficient reason for making everyone equal in income and wealth.

Frankfurt believes that people who have enough are normally not concerned with having more. “In other words, if a person is (or ought reasonably to be) content with the amount of money he has, then insofar as he is or has reason to be unhappy with the way his life is going, he does not (or cannot reasonably) suppose that money would-either as a sufficient or as a necessary condition- enable him to become (or to have reason to be) significantly less unhappy with it.”[1:37–38]. He offers two criteria for determining whether a person has enough or not. The first one involves situations when someone says, “That should be enough.” When a thirsty person drinks water until he satisfies his need and does not want any more fluid, it means that a certain standard or requirement has been

met, or a limit has been reached. The second criterion determines the situations where people do not have enough, especially when the shortage of necessities makes them suffer. "People are not generally content with living on the brink." [1:38]. At first, it seems that these criteria are solid, all what society needs to do is to take people out of the "living on the brink" condition and raise them to the level where the standard of sufficiency is met.

First, it should be noted that Frankfurt clearly contradicts himself. Just a moment ago, he was claiming that the diminishing marginal utility principle is false, and now he suggests the criteria of sufficiency which is obviously in full harmony with this principle. If with each increment in the amount of money an individual has its value tends to diminish, then at some point he becomes satisfied with how much he has accumulated and stops trying to earn more. Therefore, if a person says, "that's enough," then the principle of diminishing marginal utility is right. From this, it follows that economic equality does make sense if we want to increase the total wealth of the population.

Second, Frankfurt's argument is erroneous methodologically since it is based on a situation of desperate need: "living on the brink" argument is obviously of this category. Here we are back to the objection from self-defence. Therefore, the second criterion cannot apply to moral claims, simply because morality is irrelevant to cases where individuals are fighting the threat of starving to death or other life-threatening perspectives.

5.

Could there be a middle ground between the extremes of denying the idea of economic equality of any moral value or making it the highest priority? First, it is worth mentioning that the idea of equality may, and does draw on fundamental ethical principles, and there is no need for any restrictions in this respect. Second, it is hard to deny that equality, whether economic or political, is something desirable for society and comes in one "package" with the general principle of social fairness. Third, the idea of absolute equality based on radical redistribution of wealth and benefits must be excluded from the discussion. In other words, the moral significance of economic equality can be founded on a firm basis, without running into typical arguments against it, including the popular criticism from poverty as its inevitable consequence. Intuitively, it appears that ethics and moral values cannot be separated from the idea of equality in either of its forms — political, economic, or any other.

Even more importantly, Frankfurt's (strictly utilitarian) logic leads to an impasse of relativism where only personal perceptions matter. This

wouldn't seem that bad, weren't we aware of the situations typical to totalitarian regimes where the large majority of people are always happy with their lives while living in condition of poverty and starving. Obviously, the problem in hand requires a different approach.

The ideal of equality (including economic equality) can be inspired, for instance, by the family type of relationships where the principle of mutual support and care is of primary significance. Better expressed in Kantian than utilitarian terms, this principle constitutes a duty to care of family members, which is accompanied with feelings of love and compassion. It can also prompt a sense of guilt — if a family member is in a desperate state and there are no resources available to improve it. We call this moral principle “the equality in sympathy”, and it requires treating fellow human beings as family members, close or less close, or as someone with the right to count on our sympathy and support. It also throws a different light on Nagel and Dworkin's arguments. Their appeal to conditions of scarcity makes much more sense from this perspective, unlike when it is viewed along utilitarian lines.

One might say that this argument is liable to the same objection from relativity as Frankfurt's position. The answer is that objectivity is achieved here through the power of public opinion, which in one way or another, whether it appeals to religious ethics or economic studies [8, 9, 10, 11], motivates society to help the less fortunate.

Paradoxically, we should mention, subjectivity of the feelings of satisfaction and dissatisfaction is very “objective.” “Living on the brink” may merely mean living at the lower strata of an affluent society, e.g. being in fact a rather prosperous person. Since every society has its lower strata, it necessarily has a group deeply unsatisfied with their condition. Their subjective feeling of economic hardship (however ridiculous it might seem to members of another, less well-off, society) is in this sense quite objective. (Some aspects of the stratum-dependant mentality are shown by Jerome Karabel in his brilliant study of the history of Ivy League admission strategies [12].)

This approach falls into the category of weak principles of equality (as different from the radical economic equality), and it puts pressure on society to take care of people in desperate economic situation — specific criteria for this condition should be decided by public debate. Most importantly, this approach makes redistribution of wealth morally necessary — as it is morally necessary for a family to help the younger or less successful. In this interpretation, the principle of redistribution overrides other principles and objections, including the “forced labor” argument.

At the same time, it doesn't require full equality in income and wealth. Moreover, the family approach can serve as a powerful argument against demands for full equality: since redistribution of wealth to the degree of full equality is something very rare and cannot be a norm even within a family, there are even less reasons to extend it to the entire society.

References

1. Frankfurt H. Equality as a Moral Ideal. *Ethics*, 1987, no. 95, pp. 21–43.
2. Dworkin R. *A Matter of Principle*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985, pp. 205–213.
3. Nagel T. *Mortal Questions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 106–128.
4. Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect. *Oxford Review*, 1967, no 5, pp. 5–15.
5. Thomson J. J. Killing, Letting Die, and the Trolley Problem. *The Monist*, 1976, no. 5, pp. 204–17.
6. Kamm F. M. Harming Some to Save Others. *Philosophical Studies*, 1989, no. 57, pp. 227–60.
7. Unger P. *Living High and Letting Die*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 186 p.
8. Galor, O., Zeira, J. Income distribution and macroeconomics. *Review of Economic Studies*, 1993, no. 60, pp. 35–52.
9. Banerjee A. V., Newman A. F. Occupational choice and the process of development. *Journal of Political Economy*, 1993, no. 101 (2), pp. 274–298.
10. Alesina A., Rodrik D. Distributive politics and economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1994, no. 108, pp. 465–490.
11. Persson T., Tabellini G. Is inequality harmful for growth? *American Economic Review*, 1994, no. 84, pp. 600–621.
12. Karabel J. *The Chosen*. Boston, NY: Houghton Mifflin Company, 2005. 711 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 070: 81'27

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-42-53

А. Н. Жаворонкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Интертекстуальность публицистического дискурса в свете медиалингвистики*

Статья посвящена интертекстуальности в текстах публицистического медиадискурса на примере современной сербской колумнистики. Произведен анализ текстов, опубликованных в ведущих общественно-политических изданиях Сербии и посвященных наиболее актуальным политическим событиям накануне и после выборов президента А. Вучича. Используемые авторами интертексты актуализируют исторические реалии — реалии эпохи господства турецкого владычества на Балканах, являясь средством выражения негативной оценки действий правящей власти. Гипотеза исследования: функционирование интертекстом обусловлено авторской сверхзадачей, связанной установкой ведущих сербских колумнистов на консолидацию нации.

Ключевые слова: публицистический дискурс, категория авторства, колумнистика, диалогичность, интертекстуальность, сербская колумнистика.

A. N. Zhavoronkova

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Intertextuality of Publicistic Discourse in the Aspect of Media Linguistics

The article is devoted to intertextuality in the texts of publicistic media discourse on the example of modern Serbian columnism. An analysis of the texts published in

© Жаворонкова А. Н., 2019

* Работа выполнена под руководством профессора, доктора филологических наук Н. С. Цветовой.

the leading socio-political publications of Serbia and devoted to the most topical political events on the eve and after the election of President A. Vucic was carried out. The intertextes used by the authors actualize the historical realities — the realities of the era of Turkish rule in the Balkans, as a means of expressing a negative assessment of the actions of the ruling authority. The hypothesis of the study: the functioning of the intertextem is caused by the author's most important task related to the installation of the leading Serbian columnists to consolidate the nation

Keywords: *publicistic discourse, category of authorship, columnist, dialogic, intertextuality, Serbian columnism.*

На сегодня одним из ключевых направлений медиалогии является медиалингвистика, предметом изучения которой выступает «речевая деятельность, отражающаяся в разных формах медиатекстов» [1, с. 14–15]. В рамках данной научной дисциплины выделяются четыре аспекта анализа речевой деятельности. Среди них — «грамматика медиаречи, изучающая роль отдельных языковых средств в создании медиатекстов; медиастилистика, которая рассматривает взаимодействие языковых средств с неязыковыми; критика медиаречи, в фокусе внимания которой — оценка степени соответствия выбранных речевых средств, действий и методов деятельности целям коммуникации и, наконец, медиалингводискурсология, изучающая речевые способы организации коммуникации [1, с. 14].

Все чаще через призму теории дискурса рассматривается публицистическая речь, ставшая объектом нашего исследования. Суть дискурсивного подхода, на наш взгляд, наиболее точно определили В. И. Коньков, предложивший рассматривать публицистический дискурс как речь, «вплетенную в общую практическую жизнь общества, погруженную в жизнь» [2].

Одним из фундаментальных свойств публицистической речи, рассматриваемой в свете дискурсологии, отечественные медиалингвисты называют диалогичность. По Кожиной, диалогичность как всеобщее свойство всякой речи реализует коммуникативную функцию языка и социальности мышления и проявляется через взаимодействие смысловых позиций автора и адресата. Под «смысловой позицией» в данном случае подразумевается «выражение жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления: в диалоге сходятся две позиции, между которыми и возникают диалогические отношения» [3, с. 16]. При этом смысловая структура текста может быть представлена не только в процессе общения — адресанта и аудитории, но и в процессе осмысления действительности автором посредством обращения к чужим

текстам — текстам культуры. В таком случае диалогичность может быть эксплицирована в монологе.

Диалогичность публицистического текста выражается в первую очередь в авторском стремлении учесть читательские ожидания. Ориентация на смысловую позицию читателя включена в «творческий процесс как целевая установка журналиста» [3, с. 21], поэтому характер взаимодействия смысловых позиций — журналиста и «третьих лиц» — предстает структурной особенностью публицистической речи, обуславливая жанровую природу самого текста. Особым образом эти взаимоотношения выстраиваются в текстах, относимых к жанру авторской колонки, где наиболее ярко и отчетливо выражено авторское начало.

Исследователи определяют колонку как особый жанр, «актуализирующий личные переживания автора по конкретному поводу в виде демонстрации точки зрения субъекта высказывания» [4, с. 227]. Информационным поводом к написанию колонки может быть факт, событие или явление, а также судьба или характер, однако на первый план выдвигается именно их авторская интерпретация. Текст колонки создается от имени человека, обладающего определенной биографией, чье оценочное высказывание превращается в неопровержимое свидетельство эпохи. Образ автора и формирует то смысловое ядро, которое определяет структурные и речевые характеристики текстов данного типа.

Мы относим категорию авторства к стилиобразующим вслед за Г. Я. Солгаником [5, с. 37]. Считаем, что именно в жанре колонки данная категория представлена комплексом речевых практик, реализация которых на всех языковых уровнях служит репрезентации авторского начала. Автор при этом выступает «как творческая языковая личность, речевые действия которого направлены на поиск экспрессивных средств языка с целью выражения мнений, оценок и убеждений, а также с целью воздействия на широкую аудиторию читательских масс. Задача решается привлечением экспрессии на уровне лексики, а также экспрессивного синтаксиса, который рассматривается как проявление индивидуальности журналиста в отборе экспрессивных знаков препинания с целью выражения своих собственных интенций» [5, с. 15].

Принципиально важным для нас является уточнение Т. В. Шмелевой о том, что речевое поведение автора проявляется не только эксплицитно (при помощи сочетаний «на мой взгляд» или «по моему мнению»), но и может быть «скрыто под множеством вещей от

языковой игры и оригинальной метафоричности до свободы в расположении и перерасположении фактов, от сознательного наделения персонажей художественного текста высказываниями, противоречащими кредо автора, до композиционных приемов» [6, с. 209].

Есть еще один важный нюанс, на который мы обратили внимание в начале статьи: автор-публицист, задействующий в своей речевой практике широчайший инструментарий выразительных средств, является смысловым единством для системы вводимых им персонажей, привлеченного личного опыта, отсылки к чужим текстам. Это сложное, многоуровневое взаимодействие смысловых позиций обнажает одно из фундаментальных свойств публицистической речи — внутримonoлогичную диалогичность.

«Отражение в тексте чужого слова — одна из фундаментальных проблем порождения публицистического (как правило, вторичного по своей природе) текста, автор которого дает свой комментарий прецедентному событию. В этой связи для исследователей особый интерес представляет собой вопрос интертекстуальности публицистического текста, выступающей основной текстовой категорией, принципом построения любого публицистического текста» [2, с. 84].

В свете теории интертекстуальности публицистика рассматривается прежде всего как феномен культуры, который, являясь отражением окружающей действительности, развивается в духе своего времени, подхватывая идеи и духовные импульсы эпохи, в которой существует. «Пространство культуры — это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов. Интертекст автор понимает как «продукт письма» (то есть авторской, осознанной и неосознанной, интенциональности) и вместе с тем как «эффект чтения», зависящий от неотъемлемой способности каждого из нас сопрягать различные смысловые инстанции, формирующие пространство культуры» [7, с. 4]. Идеи Пье-Гро сопоставимы с мыслью французского постструктуралиста Ролана Барта (работа «Смерть автора», 1967 год), который предлагает свою систему интерпретации текста. Ключ к интерпретации произведения, с его точки зрения, находится в руках «читателя, встающего перед вопросом «распутывания» многомерного авторского текста» [8, с. 232], сотканного из цитат, аллюзий, отсылок к другим текстам культуры. Содержание текста и заложенные в нем жанрово-стилевые индикаторы культуры, в которую погру-

жено произведение, как правило, позволяют носителю этой культуры определить источник текстового фрагмента. Например, в сознании читателя — современного представителя славянской лингвокультуры — происходит воспроизведение «единиц семантико-структурного уровня языковой личности (Ю. Н. Караулов)» [9, с. 33]. Причем уровень этот является продуктом переработки речевого опыта человека, в глубинном ярусе которого хранятся фрагменты языковой модели мира [9, с. 34], характерные для типичного современного носителя славянского языка.

Принципиально важным является уточнение о том, что для установления и поддержания контакта с реципиентом автор публицистического текста особенно эффективно использует прецедентные феномены. «Автор сигнализирует: если ты понимаешь, о чем (о ком) я, то ты — «наш человек», а значит, этот текст для тебя. Реципиент же, обнаружив в тексте прецедентный феномен, испытывает сопричастность к некоторой группе, где данный феномен известен («другие», «чужие» его не знают) [10, с. 174].

Так, интертекстуализмы, хранящиеся в сознании читателя как прецедентные имена, высказывания или ситуации, часто включаются в ряд прецедентных феноменов, «хорошо знакомых всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; актуальных в когнитивном плане, часто воспроизводимых» [10, с. 170] и служат для автора одним из мощнейших контактоустанавливающих средств.

Эмпирическим материалом исследования для нас послужили тексты сербских общественно-политических изданий, в частности материалы выдающихся белградских колумнистов, созданных как отклик на наиболее острые, актуальные события из жизни Сербии. Для анализа отобраны материалы, опубликованные в газетах «Политика» (Политика), «Вечерње новости» (Вечерние новости), «Danas» (Сегодня), в еженедельных журналах «Vreme» (Время) и «Nedeljnik» (Еженедельник) с 17 января по 10 мая 2017 года. Всего 32 текста на оригинальном языке. Выборка публикаций обусловлена общественно-политической ситуацией, которая складывается в стране: в фокус нашего внимания попали тексты, посвященные основным событиям жизни Сербии в канун выборов президента. К этим событиям можно отнести победу на президентских выборах бывшего премьер-министра Сербии Александра Вучича, породившую множество слухов о нелегитимности состоявшихся выборов и вылившуюся в массовые студенческие протесты, дливши-

еся в стране на протяжении нескольких месяцев после оглашения результатов выборов. И хотя действия протестующих в анализируемых нами текстах часто подвергаются критике, общественный настрой оказывается созвучен тональности авторского повествования. В этом отношении показательно, что главным лозунгом весенних протестов стала скандальная, уничижительная реплика в адрес нового президента — *Vučiću pederu*.

В проанализированных текстах сербских колумнистов интертекстуальность как одна из граней проявления диалогичности публицистической речи, как элемент речевой репрезентации категории авторства, стала, в первую очередь, средством выражения оценки (преобладают негативные коннотативные значения). Цель нашего исследования — доказать, что функционирование интертекстом в проанализированных текстах, их типология обусловлены авторской сверхзадачей — установкой ведущих сербских колумнистов на консолидацию нации, перед которой сегодня особенно остро стоит проблема самосохранения — сохранения национальной памяти и культурного кода.

Финальный этап президентских выборов совпал с наступлением Пасхи, что дало авторам возможность обыграть события политической жизни путем включения образов духовно-религиозной сферы (в данном случае — пасхальная символика), которые, будучи погруженными в актуальный политический контекст, приобретают иное звучание. «A ukoliko uđe do drugog kruga... Onda, na Uskrs, sledi izborna tucanijada...» (Велько Лалич, «Izborna tucanijada», *Nedeljnik*, 30.03.2017), — *Если дойдет до второго круга выборов... Тогда, на Пасху, будет «выборное» битье яйцами* (здесь и далее — перевод автора). Устойчивый ассоциативный ряд *Пасха-битье пасхальными яйцами*, отсылающий к атрибутам главного христианского праздника, разрушается. Так актуализируются смыслы, связанные с темой конкуренции в политической среде, противостоянием амбициозных лидеров — явлением, не имеющим ничего общего с христианскими ценностями.

Прецедентные феномены, фигурирующие в текстах политического дискурса, также отсылают читателей к историческим реалиям, в частности — к событиям эпохи господства на Балканах турецкого владычества. Любопытно отметить, что критические замечания в адрес правящей власти прямо или аллегорически оказываются связанными с мусульманским миром. «Ove proteste vidin kao prvenstveno kao pobunu protiv **anahronog, orijentalnog i satrapskog** načna vladavine», — *Эти протесты стоит рассматривать в первую очередь*

как восстание против анахронического, восточного и сатрапского режима правления» (Светислав Басара, «*Budućnost sadašnjosti*», Danas, 15.03.2017). В процитированном фрагменте автор обращается к истории Персидской Империи, поделенной на административные округа — сатрапы, где господствовала жестокая, деспотическая власть, с которой автор сравнивает власть современной Сербии. О представителях правящей элиты критически высказывается и автор приведенного ниже фрагмента, сравнивая сербских политиков со знатными представителями дервишских орденов, среди которых велась ожесточенная борьба за влияние на верующих. «Много је овде неправди. Галерију отвараји политичке вельможе и њихова сервилна послуга звучних титула. Делују наизглед обележени различитим квазиидеолошким странацким тотемима, а суштински су попут **дервишког братства** уједењени у опсесији за влашћу и новцем», — *Здесь много несправедливости. Галерею открывают политические вельможи и их подданные с красивыми титулами. На первый взгляд они поклоняются разным квазиидеологическим партийным тотемам, но, по сути, похожи на дервишское братство, одержимое погоней за властью и деньгами* (Бошко Јакшић. Владавина неправде. Политика, 14.04.2017). Другой автор сравнивает политиков правящей партии в Сербском парламенте с адептами исламского движения «Талибан», признанного террористической организацией: «...njegovi nezvanični talibani...momentalno lansirali zastrašujuće teorije zavere», — *его (Вучича — прим. авт) неофициальные талибаны... моментально подняли шумиху по поводу устрашающей теории заговора* (Светислав Басара. Protesti protiv ćorsokaka. Danas, 8.04.17). Политические качества самого Александра Вучича раскрываются в тексте через сравнение с действиями деспотичных турецких вельмож. «Ima Vučić dovoljno onih koji mu već šetaju opanke, ali cela Srbija peće», — *У Вучича уже достаточно тех, кто ему разносит опанцы, но вся Сербия этого делать не будет»* (Драгољуб Жаркович. Demonstracija. Vreme, 14.04.2017). В основе приведенного высказывания — трансформированный сербский фразеологизм «*Šetanje konja i opanaka*» (*выгул коня и опанцев*), значение и происхождение которого уходит корнями в историю турецкого владычества на территории современной Сербии. В частности — легенду о праве первой ночи турецкого вельможи с только что обвенчавшейся сербской девушкой. В эту ночь ее законный муж был обязан бродить по окрестностям с конем своего господина, «выгуливая» свою

обувь — опанцы. Сегодня оборот *шетати опанке* употребляется в значении «прислуживать», «унижаться» перед кем-то.

Прецедентность, связанная с историческими реалиями, выражена также на морфемном уровне — в словах *простакулук* (невежество) и *безобразлук* (наглость), где оценочную функцию выполняет заимствованный из турецкого суффикс с пейоративным значением -лук. «У српској политици нема спортског витештва и поштовања противника, већ царују необуздани **простакулук** и **безобразлук**, недостатак основној кућног васпитања...», — *В сербској политике нет места спортивному рыцарству, уважению своих противников, вместо этого властвуют невежество и наглость, отсутствие малейшей воспитанности...* (Йово Бакич. Избори. Политика, 14.03.2017).

Сербский исследователь Првослав Радић ставит лексемы *безобразлук* и *простакулук* в один ряд с такими, как *гаванлук* — большая удача; *душманлук* — сильная вражда, где суффикс -лук, выступая «средством стилистически-семантической интенсификации, является гиперпродуктивным» [11, с. 73]. «Эти лингвистические и межъязыковые процессы не могут быть полностью поняты без вовлечения более широкого, социолингвистического, аспекта, основанного на отношениях: поработенный народ — завоеватель», — утверждает исследователь. «В стилистическом плане употребление самой формы существительного с морфемой -лук несет определенные коннотативные значения» [11, с. 73–74].

В нашем случае лексемы с пейоративным значением *безобразлук* и *простакулук*, в сознании носителей сербской культуры семантически связанные с дихотомией *раб-тиран*, служат для автора средством создания негативной оценки происходящих в сербской политике событий во время предвыборной гонки.

Исследователи-слависты подчеркивают значимость лексики восточного происхождения заимствования из арабского, персидского и турецкого языков для фонда южнославянских языков. Такие заимствования занимают особое место в сербо-хорватском, боснийском и других языках, относящихся к южнославянской группе, «причем не только по количеству бытующих в них лексем, но и по лингвистическим, стилистическим и другим признакам» [12, с. 2]. Говоря о стилистической принадлежности слов-ориентализмов, исследователи отмечают, что «многие из них относятся к разговорному стилю и в большинстве своем выполняют экспрессивную функцию» [12, с. 3].

Неудивительно, что размышляя над вопросами внутренней политики — а состояние дел внутри страны, как мы видим, сербские колумнисты преподносят в критическом свете — авторы используют лексику, которая воспринимается носителями языка как экспрессивная [11, с. 1–3].

В приведенном ниже примере автором использовано выражение «politika „dobar dan čaršijo na sve četir strane”», употребляющееся, как правило, в ироническом контексте. „...Dokazao da je politika „dobar dan čaršijo na sve četir strane“, koju je vodio i njegov mentor neisplativa, čak i u Srbiji”, — *Он доказал, что политика “и вашим, и нашим”, которую проводил его учитель, невыгодна даже в Сербии* (Светислав Басара. Izborna predvidivost. Данас, 4.04.2017).

Сам фразеологизм *Dobar dan čaršijo na sve četir strane* в своем составе содержит заимствованное из персидского *čaršijo* (в одном из своих значений: “Люди!”; обращение к народу на торговой площади) и в оригинале звучит как *Merhaba, čaršijo, na sve četiri strane*, что буквально означает: «Приветствую вас, люди, на все четыре стороны». Значение фразеологизма («о том, кто никогда не противостоит общественному мнению, угождает людям исключительно из собственной корысти» [12, с. 131]) позволяет подобрать русскоязычный эквивалент — разговорное выражение *и нашим и вашим*. В сочетании с лексемой *политика* приведенный сербский фразеологизм образует устойчивое выражение, которое используется носителями языка, в нашем случае — колумнистами, для оценивания современной политической ситуации, являясь в сербской публицистической среде высокочастотным. Ученый-историк Радина Вучетич, описывая ситуацию в балканском регионе, дала данному выражению емкое определение: «Мы по-прежнему хотим всего и сразу: Косово и Европейский союз, Россию и Запад, антифашизм и четников, антикоммунизм вместе с мудрой политикой Тито. А так нельзя... Старое выражение „Приветствую вас, люди, на все четыре стороны“, которое вообще-то относится к смутьянам, ненадежным, двуличным людям, мы сегодня возводим в ранг победной философии и политической практики»¹.

Таким образом, особенности включения в сербский публицистический текст интертекстуализмов — прецедентных имен, событий и ситуаций — связаны с представлением современных авторов о правящей власти, о которой публицисты высказываются пре-

¹ URL: <http://jugoslaven-sam.info/2018/01/17/istoricarka-radina-vucetic-o-cemu-govorimo-kad-pricamo-o-jugoslaviji>).

дельно жестко. Интертекстуальность представляет наиболее распространенные варианты взаимодействия смысловых позиций автора и «третьих лиц» — читателей, политических персон, действия которых подвергаются критической оценке, исторических персоналий, наконец, самого автора, его второго «Я».

Публикации сербских колумнистов, осмысляющих положение дел в современной Сербии, актуализируют исторические реалии, хорошо знакомые носителям сербской культуры, связанные с мусульманским миром. Личностные и профессиональные качества представителей сербской власти раскрываются через аллегорические сравнения с историческими типажам, отсылающими читателей к соответствующей эпохе.

Исторические реалии в текстах колумнистов актуализируются, помимо текстового, также на морфемном уровне — путем использования лексем с морфемами восточного происхождения (заимствования с арабского, персидского и турецкого языков), семантика которых раскрывается через связь с историческими эпизодами — владычеством турок на территории Балкан. Так, суффикс *-лук* дает лексемам *простакулук* и *безобразлук* пейоративное значение и при осмыслении автором текущей политической ситуации служит средством выражения оценки, сам же характер оценивания включен в систему речевой репрезентации категории авторства.

Самые жесткие публицистические оценки современной власти — признание ее наследницей архаичной, деспотической системы правления (характеризуется самоуправством, существующим словесным разрывом) в противовес сложившейся в Западной Европе демократической традиции. Как ни парадоксально, но интертексты, актуализирующие данные смыслы, служат реализации авторской сверхзадачи — идейной консолидации граждан Сербии и оказываются созвучны царящим в обществе настроениям.

Библиографический список

1. Дускаева Л. Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 4–18. URL: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (дата обращения: 05.07.2019).
2. Русская речь в средствах массовой информации. Стилистический аспект : [монография] / [В. И. Коньков и др.] ; под ред. В. И. Конькова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 271 с.

3. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.
4. Ярцева С. С. Жанровые признаки колонки // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. С. 226–228.
5. Солганик Г. Я. Стилистика публицистической речи // Язык средств массовой информации: учеб. для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Альма Матер, 2008. С. 456–469.
6. Шмелева Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: Труды и материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и К°, 2010. С. 207–215.
7. Пьерге-Гро Н. Введению в теорию интертекстуальности: пер с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост. общ. ред. и вступ. сл. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
9. Хорохордина О. В. «Чужое» в текстовой действительности // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 32–39.
10. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
11. Радић П. Турски суфикси у српском језику: са освртом на стање у македонском и бугарском. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. 211 с.
12. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektronski izvor] / Amela Šehović, Đenita Haverić. El. knjiga. Sarajevo: Filozofski fakultet, 2017. 269 s.

Источники

1. Бакич Ђ. Избори // Политика. 14.03.2017.
2. Basara S. Budućnost sadašnjosti // Danas. 15.03.2017. URL: <https://www.danas.rs/kolumna/svetislav-basara/buducnost-sadasnjosti/> (дата обращения: 09.07.2019).
3. Basara S. Izborna predvidivost // Danas. 4.04.2017. URL: <https://www.danas.rs/kolumna/svetislav-basara/izborna-predvidivost/> (дата обращения: 09.07.2019).
4. Basara S. Protesti protiv ćorsokaka // Danas. 8.04.17. URL: <https://www.danas.rs/kolumna/svetislav-basara/protesti-protiv-corsokaka/> (дата обращения: 09.07.2019).
5. Žarković D., Demonstracija // Vreme, 14.04.2017. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=1490802> (дата обращения: 09.07.2019).
6. Lajić V. Izborna tucanijada // Nedeljnik, 30.03.2017. URL: <https://arhiva.nedelnik.rs/nedelnik/portalanews/izborna-tucanijada/> (дата обращения: 09.07.2019).

7. Istoričarka Radina Vučetić: O čemu govorimo kad pričamo o Jugoslaviji // Jugoslaven sam. 17.01.2018. URL: <http://jugoslaven-sam.info/2018/01/17/istoricarka-radina-vucetic-o-cemu-govorimo-kad-pricamo-o-jugoslaviji> (дата обращения: 05.07.2019).

8. Јакшић Б. Владавина неправде // Политика. 14.04.2017

References

1. Duskaeva L. R. Vektory praksiologicheskogo analiza v medialingvistike. *Medialingvistika*, 2019, no. 6 (1), pp. 4–18. Available at: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike> (accessed 05-07-2019). (In Russ.)
2. *Russkaya rech' v sredstvakh massovoj informacii. Stilisticheskij aspekt* : [monografiya] / [V. I. Kon'kov i dr.] ; pod red. V. I. Kon'kova ; Sankt-Peterburgskij gos. un-t. St. Petersburg, izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2007, 271 p. (In Russ.)
3. Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov*. St. Petersburg, SPbGU: Filol. fakul'tet, 2012. 274 p. (In Russ.)
4. Yarceva S. S. Zhanrovye priznaki kolonki. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2011, no. 1. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, pp. 226–228. (In Russ.)
5. Solganik G. Ya. Stilistika publicisticheskoy rechi. *Yazyk sredstv massovoj informacii* / pod red. M. N. Volodinoj. Moscow, Al'ma Mater, 2008, pp. 456–469. (In Russ.)
6. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo v stilistike medijnogo teksta. *Russkij yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i npravstvennogo zdorov'ya nacji*: Trudy i materialy Vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. O. V. Trofimovoj Tyumen', Mandr i K°, 2010, pp. 207–215. (In Russ.)
7. P'ego-Gro N. *Vvedeniyu v teoriyu intertekstual'nosti*: per s fr. / obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008. 240 p. (In Russ.)
8. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*: per. s fr. / cost., obshch. red. i vstup. sl. G. K. Kosikova. Moscow, Progress, 1989, 616 p. (In Russ.)
9. Horohordina O. V. «Chuzhoe» v tekstovoj dejstvitel'nosti. *Mir russkogo slova*. St. Petersburg, SMDZHI Print, 2009, no. 3, pp. 32–39. (In Russ.)
10. Krasnyh V. V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? Moscow, Gnozis, 2003, 375 p. (In Russ.)
11. Radih P. Turski sufiksi u srpskom jeziku: sa osvrtom na stanje u makedonskom i bugarskom. Beograd, Institut za srpski jezik SANU, 2001, 211 s. (In Serb.)
12. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika [Elektron-ski izvor] / Amela Šehović, Đenita Haverić. El. knjiga. Sarajevo, Filozofski fakultet, 2017, 269 s. (In Serb.)

В. П. Золотарев

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар

Национальный вопрос как культурологический феномен в историческом пространстве России начала XX века

В статье впервые на основе многочисленных источников рассматривается национальный вопрос в России начала XX века как культурологический феномен того времени, воспроизводятся взгляды академика Н. И. Кареева на национальный вопрос в контексте программ главнейших русских политических партий.

Ключевые слова: национальный вопрос, культурологический феномен, историческое пространство, самоопределение наций, культурно-национальная автономия, Н. И. Кареев.

V. P. Zolotarev

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

National Question as a Cultural Phenomenon in the Historical Space of Russia at the Beginning of the 20th Century

For the first time, on the basis of numerous sources, the article considers the national issue in Russia at the beginning of the 20th century as a cultural phenomenon of that time, the views of the academician N. I. Kareev on the national question are reproduced in the context of the programs of the most important Russian political parties.

Keywords: national question, cultural phenomenon, historical space, national self-determination, national culture autonomy, N. I. Kareev.

Нечего и говорить о том, сколь актуален национальный вопрос в историческом пространстве стран, на территории которых обретаются много народностей и наций, каковой была, есть, и, надеемся, будет наша Матушка Русь.

В заголовке статьи есть ключевые понятия «*национальный вопрос*» и «*историческое пространство*», которые требуют пояснений. В общественных науках утвердилась краткая дефиниция первого понятия, она гласит: «*национальный вопрос* — совокупность

политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями, национальными группами и народностями в различных общественно-экономических формациях» [1, с. 369]¹. Второе понятие *«историческое пространство»* употребляется мною в философско-культурологическом понимании как одна из основных форм существования материи, характеризующаяся **протяженностью и объемом** [4, с. 1406].

Протяженность «исторического пространства» Руси/России постепенно и неуклонно расширялась начиная с IX в. и кончая XIX в. Одновременно увеличивался и «объем» племен, народностей, наций, проживающих в нём. Первое из только что приведенных положений подтверждается историческими картами. Вот одна из них — карта *«Древнерусское государство (Киевская Русь) в IX–XI столетиях»*. Карта демонстрирует, что на этом пространстве обитало немалое количество славянских племен, нередко враждовавших между собой.

А теперь взглянем на карту *«Русские княжества в XII–XIII столетиях»*. Их территория расширилась, количество княжеств увеличилось. И так шел процесс расширения исторического пространства Руси/России. Одновременно с ним в состав Московского царства, а затем Российской империи входили многочисленные народы и народности. И эти два процесса — расширение культурно-исторического пространства и увеличение племен, народностей и наций — шли из столетия в столетие. Не надо думать, что эти процессы осуществлялись мирно — дипломатией, или, как говаривал В.С. Пикуль, «пером», но и в большинстве случаев «шпагой», а то и

¹ В либеральных же изданиях энциклопедического характера, вышедших в постсоветское время, словосочетание «национальный вопрос» отсутствует. См., напр.: Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 22 [2]. В указанном томе раскрываются понятия «нация» [2, с. 211–213], «национализм» [2, с. 176–177], «национальность» [2, с. 197], «народность» [2, с. 70], «национальное государство» [2, с. 192–193]. Однако национальному вопросу в энциклопедии места не нашлось. Ровно то же произошло и в «Новой философской энциклопедии» [3] В связи с этим нельзя умолчать тот факт, что при замене паспортов граждан РФ, осуществленной в 2002 г., графа «национальность» изъята вопреки протестам думающих россиян. Стремление изъять «национальный вопрос» из авторитетных изданий вовсе не означает, что этот сфинкс не существует в объективной реальности. А ведь он грозно дает о себе знать.

средствами более серьезными, чем «шпага — «железом и кровью». Многое из констатируемого «завязано» на национальном вопросе. Но этот самый «национальный вопрос» (в научном, а не либеральном его понимании) вырывался из оболочки времени и начинал гулять в историческом пространстве, сея смерть и разрушение. А началом его, по всей видимости, следует считать знаменитый Персидский поход Петра I (18 июля 1722 г. — 12 сентября 1723 г.). Успешно закончив Великую Северную войну (19 августа 1700 г. — 30 августа 1721 г.) против Швеции, русский император обратил свой пронзительный взор на Восток. Результат Персидского похода — овладение Россией значительных стратегически важных земель в Закавказье с немалым населением, которое попало под двойной гнет — российских и своих феодалов. Свободолюбивые горцы не мирились ни с тем, ни с другим угнетением. Началась длительная и жестокая борьба. По моим подсчетам, Россия с 1722 г. по 1864 г. (за 142 года) провела 11 войн (они длились 83 года) с Ираном и Турцией, претендовавшими на Кавказ. В этих войнах (в большей или меньшей степени) национальный вопрос занимал далеко не последнее место. И хотя 21 мая 1864 г. считается окончанием Кавказских войн, царизму пришлось подавлять еще несколько восстаний на Кавказе, в том числе в Чечне и Дагестане в 1877 г.

Самой продолжительной была Кавказская война 1817–1864 гг., она была и самой жестокой. Во многом (если не во всем) она, как и предшествующие ей Кавказские войны, была вызвана национальным вопросом. Освободительную борьбу кавказских горцев в 1834–1859 гг. возглавил Шамиль под флагом газавата. Он создал мусульмано-теократическое государство Имамат. В нем было несколько ханств, кроваво враждовавших между собой. Война между ними вливалась в Кавказскую войну 1817–1864 гг. Но столкнувшись в этой войне два государства — Российская империя и Имамат — и две войны — Кавказская и междоусобная (горцев с горцами) — длилась продолжительно и с таким ожесточением, которое трудно вообразить и еще труднее описать. Это оказалось по силам лишь великому русскому писателю Л. Н. Толстому в повести «Хаджи-Мурат», над которой он работал с 18 июля 1896 г. Последние поправки к повести Л. Н. Толстой вносил в декабре 1904 г. — итого 8 лет [5, с. 135]. Художественная мощь Толстого ярко проявилась в концовке повести, в описании убийства Хаджи-Мурата. Читаем: «...пуля попала Хаджи-Мурату в левый бок. ...Рана в бок была смертельна, и он чувствовал, что умирает. ... Он собрал последние силы, поднялся из-за

завала и выстрелил из пистолета в подбегавшего человека и попал в него. Человек упал. Потом он [Хаджи-Мурат] совсем вылез из ямы и с кинжалом пошел прямо, тяжело хромая, навстречу врагам. Раздалось несколько выстрелов, он зашатался и упал. Несколько человек милиционеров с торжествующим визгом бросились к упавшему телу. Но то, что казалось им мертвым телом, вдруг зашевелилось. Сначала поднялась окровавленная, без папахи, бритая голова, потом поднялось туловище, и, ухватившись за дерево, он поднялся весь. Он так казался страшен, что подбегавшие остановились. Но вдруг он дрогнул, отшатнулся от дерева и со всего роста, как подкошенный репей, упал на лицо и уже не двигался..., враги топтали и резали [его]. Гаджи-Ага, наступив ногой на спину тела, с двух ударов отсек голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чуваки, откатил ее ногою. Алая кровь хлынула из артерий шеи и черная из головы и залила траву. [Враги], в пороховом дыму стоявшие в кустах, весело разговаривая, торжествовали свою победу. Соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко и потом другие на дальнем конце». [6, с. 365]. Какая ужасная картина! Нарисована словом. Эта «словесная картина» требует кисти художника-баталиста. Обратим внимание читателя на последнее предложение в приведенной цитате. Жестокость борьбы (горцев с горцами) была такова, что даже соловьи смолкли во время свиста пуль и звона кинжалов. И они вновь защелкали с наступлением зловещей тишины.

Вот с таким багажом, в котором был запакован национальный вопрос, Россия переступила порог, ведущий её в XX столетие. Багаж был запакован в полусгнившую мешковину, которая в любую минуту могла расползтись при легком прикосновении к ней так называемых инородцев. К ним могли присоединиться русские рабочие и крестьяне. Во весь рост вдобавок встал и «рабочий вопрос». Вот цифры, доказывающие правильность этого умозаключения. Если в 1880 г. в России произошло 24 стачки, в которых приняли участие 4 878 чел., то в 1899 г. (без малого 10 лет) было уже 189 стачек с участием 57 498 чел. [7, с. 284]. Так оно и произошло. Народное движение переросло в Первую русскую революцию 1905–1907 гг. Царь испугался и принужден был издать «Манифест 17 октября 1905 г.», в котором, в частности, было разрешено проведение выборов в первую русскую Государственную думу и создание политических партий. И уже в первой сессии Государственной думы на обсуждение депутатов был поставлен национальный вопрос. Одним из пер-

вых в дискуссии выступил выдающийся русский историк, философ истории, социолог, общественный и политический деятель, педагог, народный демократ Николай Иванович Кареев (1850–1931)¹.

Яркой страницей в политической биографии Кареева, безусловно, является его деятельность в первой Государственной думе². Он был избран от С.-Петербурга по списку Конституционно-демократической партии (*кадеты*). Кареев принял активнейшее участие в разработке и обсуждении одного из самых сложных и жгучих вопросов как российской, так и зарубежной истории — национального вопроса, — о чём мы узнаем из стенографических отчетов первой Государственной думы [11]. Поднимаясь впервые на думскую трибуну 3 мая 1906 г., Кареев заявил, что депутаты «явились сюда защитить права и достоинства попранной человеческой личности», поскольку «человеческая личность в нашем отечестве так многообразно и разноммерно, повсеместно и во все времена подавлялась и унижалась, что на этой почве оскорбленного человеческого достоинства мы главным образом и сходимся» [11, с. 121]. Кареев призывал «основать новую Россию, которую точно так же должны будем любить, но Россию, которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций, а будет существовать для своих граждан. На фронте той России, которая была для нас подавляющей субботой, написаны совсем другие слова, не свобода, не равенство, не братство, а знаменитая формула «Самодержавие, православие и народность»³ [11, с. 121].

Кареев требовал равенства для всех народов, проживающих на огромной территории Российской империи. «В России, — говорил он, — кроме русской земли, есть земля польская, латышская, эстонская, грузинская и разных других национальностей. И тогда только

¹ Считаю, что будет уместно указать некоторые статьи и книги, дающие общее представление о Н. И. Карееве и его вкладе в гуманитарные науки, общественную жизнь России второй половины XIX и первые три десятилетия XX столетия: Золотарев В. П. *Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988 [8]; Золотарев В. П. *Николай Иванович Кареев* // Новая и новейшая история. 1992. №4 [9]; Кареев Н. И. *Прожитое и пережитое* / подг. текста, авт. вступ. статьи и коммент. В. П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990 [10].

² Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Здесь и далее даты даются по старому стилю.

³ Порядок расположения слов в триаде не таков, как у Кареева, а другой: «Православие, самодержавие, народность».

*можно будет Россию назвать русской землей, когда все эти национальности, оставаясь поляками, евреями, немцами, грузинами и так далее, будут считать себя русскими гражданами. **Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения**, и от этого, уверяю Вас, выиграет, между прочим, и самая господствующая в настоящее время национальность» [11, с. 122]. «До сих пор, — продолжил Кареев, — мы точно еще не отделались от того представления, что будущая Россия, которая должна осуществлять братство всех населяющих ее народов, будет как будто бы Россией одних только русских... Это просто старая привычка отождествлять Россию с русской землей. Россия, однако, не есть только русская земля». Содержание слов, выделенных мной жирным шрифтом, Кареев считал идеальным решением национального вопроса в России. И он яро призывал депутатов Государственной думы «стремиться именно к тому, чтобы этот идеал был осуществлен» [11, с. 122].*

Обращаясь к своим коллегам, Кареев бросил в лицо высшей власти Российской империи горькие слова: *«Я жил долгое время в одной стране [Кареев имел в виду Польшу, в её Варшавском университете он работал с августа 1879 г. по декабрь 1884 г.], которая населена не русскими племенами... И моему сердцу было больно, когда я видел, что мои соотечественники в этой стране стояли на точке зрения исключительности прав русского народа над всеми другими, которые населяют Российскую Империю. **В этой России, которая должна теперь возникнуть, должно быть не то**» [11, с. 122].*

Кареев считал, что в новой России, которая должна возникнуть, народы, её населяющие, не разбегутся по своим национальным углам, не замкнутся в своей обособленности, потому что прежняя Россия «выработала... свою духовную физиономию, которая делает её среди других наций одним из великих членов общечеловеческой семьи». Народный избранник был твердо убежден, что скрепой многочисленных народов, проживающих в России, будет «великий и могучий русский язык». «Русский язык и без того завоевал себе уже право и уважение, и в российском парламенте русский язык, как и во многих других сторонах государственной жизни, будет языком общегосударственным» [11, с. 122].

Нами воспроизведены важнейшие положения позиции Кареева на национальный вопрос и его разрешение в Российской империи, которые он огласил с трибуны Таврического дворца 3 мая 1906 г. И пусть читатель не посетует на автора этих строк за множество ци-

тат из речи Кареева в Государственной думе по национальному вопросу, потому что ему трудно было отказаться от многих из них, поскольку читатели должны иметь под рукой **все важнейшие заявления профессора** по столь важной проблематике, каковой, безусловно, являются межнациональные отношения в любой стране, на территории которой проживают несколько народов. Добавлю. В гуманитарных науках цитаты очень важны, особенно в процессе исследования дискуссионных вопросов, к каковым относится национальный вопрос. К тому же цитаты являются убедительнейшим аргументом в системе доказательств правильности или ложности взглядов, теоретических положений, концепций и т.д. В таких случаях без них нельзя обойтись.

Кареев выступал в Государственной думе (об этом уже было упомянуто) как член Конституционно-демократической партии (*кадеты*), более того, как председатель Санкт-Петербургского её комитета. Учло ли руководство кадетов при выработке программы партии предложения Кареева по национальному вопросу? Здесь уместно напомнить, что программа кадетов была принята на 1-м учредительном съезде, проходившем в Москве **12–13 октября 1905 г.**, то есть намного ранее выступления Кареева в первой Государственной думе. В примечании к тексту программы Конституционно-демократической партии, опубликованной в 1907 г., отмечено: «исправлено согласно постановлений 2-го делегатского съезда в Санкт-Петербурге **5–11 января 1906 года**» [12, с. XI]. И наконец, в программе кадетов, опубликованной в 1917 г., в скобках разъясняется: «выработ[ана] съездом партии 12–18 октября 1905 г. и дополненной и измененной **в марте 1917 года**» [13, с. 39].

Правомерно предположить, что, если в 1905, 1906, 1907 годах руководство партии кадетов не имело возможности учесть предложения Кареева по национальному вопросу в России по очень простой причине — выступление Кареева в Государственной думе состоялось позже публикации программы партии, то уж **в марте 1917 г.** оно должно было это сделать, чтобы окончательно не потерять лицо партии. Однако «лицо партии» было потеряно. Заглянем на минутку в Программу партии кадетов. В ней национальному вопросу в России посвящен пункт одиннадцатый. Читаем: «*Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям, помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, право **свободного культурного самоопределения**, как то: полную свободу употребления*

различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.»¹ [13, с.40].

Выйдем за хронологические рамки нашего эссе. В. И. Ленин в статье «Кадеты и националисты», опубликованной в газете «Правда» 24 октября 1912 г. [14, с. 157–158] в самый разгар острой политической борьбы между партиями во время выборов в Четвертую государственную думу (она работала с 15 ноября 1912 г. по 6 октября 1917 г.) призывал избирателей **не голосовать** за кадетов, поскольку «...они (кадеты. — В.З.) *вовсе не демократически* ставят национальный вопрос» [14, с. 157]. Печатный орган кадетов газета «Речь» в редакционной статье (1913, №349) заявляла, что они **«действительно ... никогда не брались защищать права «отделения наций от русского государства».**

На предыдущих страницах дано достаточно фактов, чтобы сформулировать общий вывод: **Кареев вышел далеко за рамки требований программы партии кадетов по национальному вопросу.** И программа кадетов, и выступление Кареева в Думе состоялось в 1906 г., третья редакция программы была осуществлена в марте 1917 г. Но ранее первого события была публикация Программы Российской социал-демократической рабочей партии (1904 г.), в которой сформулированы основные положения партии по национальному вопросу. Попытаемся сравнить уже известные взгляды Кареева по национальному вопросу с программой РСДРП по той же проблеме.

А теперь от кадетской программы сделаем широкий шаг влево — к Программе Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Автор настоящей статьи пользуется текстом Программы Российской социал-демократической рабочей партии, окончательно принятой на Втором съезде РСДРП на двадцать первом вечернем заседании 1 августа 1903 г.² [15, с. 418–424]. В тексте программы

¹ Пункт одиннадцатый **без изменений** публиковался с 1905 г. в последующих изданиях программы Конституционно-демократической партии. Сравните текст упомянутого 11 пункта в Программе 1906 г., принятой на 2-м съезде партии, прошедшем в С.-Петербурге 3–11 января 1906 г. [12, с. XII–XIII] с текстом в сборнике Программы главнейших русских партий. [13, с. 40–41).

² Здесь надобно привести краткую справку об изданиях протоколов Второго съезда РСДРП. *Первое издание* «Второй съезд Росс.[ийской] Соц[иал]-Дем.[ократической] Рабочей Партии. Полный текст протоколов. Издание Централь-

прямо относятся к теме нашей статьи два пункта — восьмой и девятый. В восьмом констатируется: *«Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке и на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях»*¹ [15, с. 421]. Пункт девятый гласит: *«Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»*. Видим, в программе РСДРП констатируется не только право народов на культурно-национальную автономию (как и в Программе Конституционно-демократической партии), но и право наций на самоопределение (это право отсутствует в программе кадетов) [15, с. 421]. Пункт девятый программы РСДРП вызвал немало вопросов, главным из которых был: а каково содержание термина *«самоопределение»*? Входит ли в него *право наций на отделение, на выход из многонационального государства*? Ведь в программе РСДРП термины «отделение», «выход из государства» отсутствуют. Требовалось разъяснение. В. И. Ленин предвидел складывающуюся ситуацию в процессе подготовки программы партии, и за две недели до её утверждения на съезде РСДРП газета «Искра» опубликовала 15 июля 1903 г. его статью «Национальный вопрос в нашей программе», в которой он дал нужные разъяснения [18, с. 233–242].

В. И. Ленин вслед за К. Марксом и К. Каутским категорически требует постановки национального вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. «Социал-демократия, как партия пролетариата, — писал он в 1903 г., — ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, **и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддер-**

ного Ком. [итета]. Типография Партии, Geneve, Coulonvreniere. 27, было осуществлено в Женеве в 1904 г. *Второе издание* протоколов является точной перепечаткой с Женевского издания 1904 г. со вступительной статьей, примечаниями и заключительной статьей П. Н. Ленешинского. *Третье издание* «Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 г. Протоколы» осуществлено в Москве, в 1959 г. — подробнее об изданиях протоколов съездов РСДРП см. статью И. И. Корневой [16, с. 23–31].

¹ Слова, выделенные курсивом, внесены в программу по предложению В. И. Ленина как новые ее пункты. См.: [17, с. 277].

живать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.» [18, с. 233]. Приведенные факты говорят сами за себя.

Дотошный читатель вправе спросить: но ведь кроме РСДРП и кадетов в России начала XX в. были и другие партии, а как они понимали национальный вопрос? Ну что ж, ответим. У меня на руках программы других партий. Значительной популярностью, особенно у крестьян, пользовалась партия социалистов-революционеров (**эсеры**). В ее программе выставлено требование: *«...партия признает нежелательным руководство всей государственной жизни из одного центра — столицы, а потому требует широкой автономии для отдельных областей (каких — не сказано! — В.З.) страны»* [13, с. 16]. Эсеры учитывали то, что Россия является страной многонациональной и отношения этих национальностей *«должны быть построены на началах федерализации, т. е. полного равенства этих организованных по месту их преобладающего жительства национальностей, не давая в этом отношении никакого преимущественного положения русскому народу»* [13, с. 17]. В программе партии «Союз 17 Октября» (**октябристы**), которая выражала интересы населения России, придерживающегося монархических убеждений, отмечено: *«Устанавливая начала местного самоуправления, октябристы резко и определенно высказываются против начала федерализма и автономии отдельных областей. Единственное исключение в этом вопросе они делают для Финляндии, уже существующие особенности государственного строя которой они соглашались поддерживать»* [13, с. 49].

Я позволю себе резюмировать все сказанное, чтобы представить особенности постановки национального вопроса в России в конце XIX — начале XX в. различными общественными силами как культурологического феномена. Общая концепция национального вопроса у автора настоящих размышлений состоит в том, что он рассматривает его как важнейшую часть духовной культуры народов, находящуюся в диалектической связи с культурой материальной, как один из объектов культурологии, самостоятельной дисциплины гуманитарных наук.

Начиная со времени формирования наций (конец средневековой истории и начало новой истории) возник и национальный вопрос. Идеалом его решения стала формула **«одна нация — одно государство»**. Она верна для большинства наций. А как быть с малочислен-

ными народами? Программы главнейших русских партий по-разному отвечали на этот вопрос. В их ответах было *общее* и *особенное*.

Общее состояло в том, что и социал-демократы, и эсеры, и кадеты требовали **право на культурно-национальную автономию** для всех проживающих на территории России малочисленных народов. И лишь *октябристы* резко выступали против этого требования. Упомянутые партии (в их числе и октябристы) декларировали необходимость для национальных меньшинств установления и расширения начала местного самоуправления. Ни одна партия в своих программах не фиксировала надобность **выхода (отделения)** национальных меньшинств из многонациональной России.

Особенное заключалось в том, что РСДРП констатировала право народов на выход из Российского государства *«лишь в отдельных, исключительных случаях»*.

Что же касается федерализма, то социал-демократы не исключали его применения в тех же самых *«отдельных, исключительных случаях»*. Между тем эсеры требовали широкого федерализма в политической системе будущей России без учета отдельных, исключительных случаев. Кадеты, кроме того, требовали полной свободы культурного самоопределения для всех граждан страны. О взглядах октябристов на национальный вопрос уже было сказано.

В работе первой Государственной думы национальный вопрос занял важное место. Уже на первом заседании депутат от партии кадетов профессор Н. И. Кареев выступил с яркой речью, в которой широко (выходя далеко за рамки подготовленной партийной программы) и гуманно не только поставил, но и наметил пути и средства его разрешения в многонациональной России. Кареев призывал построить «новую Россию», в которой бы все народы, ее населяющие, были **равны**. Главным средством построения такой России Кареев считал **яркий, притягательный пример** разрешения национального вопроса, который должна показать новая Россия всем народам, проживающим на ее огромной территории. Одна из идей Кареева состояла в том, что полное самоопределение народов должно состоять в требовании не только «культурно-национальной автономии», но и политического самоопределения.

Эти положения Н. И. Кареев считал **идеалом** для новой России. Если этот идеал воплотить в жизнь, тогда народы не разбегутся по своим национальным домам. Не трудно заметить, что Кареев в то время — время работы в первой Государственной думе — четко и ясно понимал и ставил национальный вопрос в России.

Минуло чуть более десятилетия со времени работы первой Государственной думы, на заседаниях которой жарко обсуждался национальный вопрос в России. Наш классик, готовя реферат (между 10 и 20 января 1914 г.) по национальному вопросу, констатировал: «Национальный вопрос — явление *мировое*» [19, с. 385]. Таковым он был во времена своего возникновения на исходе Средневековья и начале истории Нового времени. Таковым он остается в наше время. Таковым он будет еще неопределенно длительное время, до тех пор, пока человечество не построит общество справедливости, равенства и правды. Г. А. Зюганов в только что вышедшей из печати книге «Россия под прицелом глобализма» посвятил одну из глав национальному вопросу. Она называется «Глобализм и национальный вопрос». Научно обобщая исторические факты, он утверждает: «Ничего лучше, умнее и справедливее, чем социалистическая идея обустройства общества, человечеством придумано не было» [20, с. 181].

Библиографический список

1. Старушенко Б. Г. Национальный вопрос // БСЭ: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. Т. 17. С. 369.
2. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Изд-во «Российская энциклопедия», 2013. Т. 22. 767 с.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / предс. научно-редакц. совета акад. РАН В. С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 1. М., 2000. 721 с.; Т. 2. М., 2001. 634 с.; Т. 3. М., 2001, 692 с.; Т. 4. М., 2001, 605 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 11. С. 1406.
5. Дьяков В. А. Исторические реалии «Хаджи-Мурата» // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 135–148.
6. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Изд-во «Художественная литература», 1976. С. 253–366.
7. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова, Фохт А. В. История СССР. 21-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. 303 с.
8. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 155 с.
9. Золотарев В. П. Николай Иванович Кареев // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 29–43.
10. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / подг. текста, авт. вступ. статьи и коммент. В. П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 382 с.
11. Государственная дума 1906 год. Сессия первая. Том первый. Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб.: Государственная типография, 1906. 866 с.

12. Законодательные проекты и предложения Партии Народной Свободы 1905–1907 гг. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 386 с.
13. Программы главнейших русских партий. Серия «Библиотека свободного народа» / под ред. А. Стеблова и Ив. Сахарова. М., 1917. 64 с.
14. Ленин В. И. Кадеты и националисты // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 157–158.
15. Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 864 с.
16. Корнева И. И. О приемах издания протоколов РСДРП // Советские архивы. 1967. № 1. С. 23–31.
17. Ленин В. И. Предложения к пунктам общеполитических требований программы партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 277.
18. Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 7. С. 233–242.
19. Ленин В. И. Тезисы реферата по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 382–395.
20. Зюганов Г. А. Россия под прицелом глобализма. М.: Эксмо, 2019. 381 с.

References

1. Starushenko B. G. *Nacional'nyj vopros* [National issue]. *BSE* [Great Soviet Encyclopedia]: in 30 volumes. 3 edition. Vol. 17. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ. Edited by A.M. Prohorov, 1974. p. 369. (In Russ.).
2. *Bol'shaya russijskaya enciklopediya* [Great Russian Encyclopedia]: in 35 volumes. Edited by YU.S. Osipov. V. 22. Moscow, Rossijskaya enciklopediya Publ, 2013, 767 p. (In Russ.).
3. *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 volumes / Edited by V. S. Stepin. Moscow, Mysl Publ., 2000–2001. V. 1, Moscow, 2000. 721 p.; V. 2. Moscow, 2001. 634 p.; V. 3. Moscow, 2001, 692 p.; V. 4. Moscow, 2001, 605 p. (In Russ.).
4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language] Vol. 11. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press. 1961, 1406 p. (In Russ.).
5. D'yakov V. A. Istoricheskie realii «Hadzhi-Murata» [The historical realities of “Haji Murat”]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1973, no 5, pp. 135–148. (In Russ.).
6. Tolstoj L. N. Hadzhi-Murat. *Tolstoj L. N. Sobr. soch.* [Collected works]: in 12 volumes. Vol. 12. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1976, pp. 253–366. (In Russ.).

7. Bazilevich K. V., Bahrushin S.V., Pankratova, Foht A. V. A. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. 21 edition. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962, 303 p. (In Russ.).
8. Zolotarev V. P. *Istoricheskaya koncepciya N. I. Kareeva: sodержanie i evolyuciya* [The historical concept of N. I. Kareeva: content and evolution]. Leningrad, University of Leningrad Publishing House, 1988, 155 p. (In Russ.).
9. Zolotarev V. P. *Nikolaj Ivanovich Kareev. Novaya i novejschaya istoriya* [New and recent history], 1992, no. 4, pp. 29–43. (In Russ.).
10. Kareev N. I. *Prozhitoe i perezhitoe* [Lived and experienced] / Text preparation, comments and introductory article by V. P. Zolotarev. Leningrad, University of Leningrad Publishing House, 1990, 382 p. (In Russ.).
11. *Gosudarstvennaya дума 1906 god. Sessiya pervaya. Tom pervyj. Zasedaniya 1–18 (s 27 aprelya po 30 maya)* [The State Duma of 1906. Session One. Volume One Sessions 1–18 (from April 27 to May 30)]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1906, 866 p. (In Russ.).
12. *Zakonodatel'nye proekty i predlozheniya Partii Narodnoj Svobody 1905–1907 g.g.* [Legislative drafts and proposals of the Party of People's Freedom 1905–1907]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1907, 386 p. (In Russ.).
13. *Programmy glavnejshih russkikh partij* [Programs of the most important Russian parties]. Series “Library of the Free People”. Ed. by A. Steblov and Iv. Saharov. Moscow, 1917. 64 p. (In Russ.).
14. Lenin V. I. Kadety i nacionalisty [Cadets and Nationalists]. Lenin V. I. *Poln.sobr. soch.* [Full composition of writings]. Vol. 22. Moscow, Political Literature Publishing House, 1968, pp. 157–158.
15. *Vtoroj s'ezd RSDRP. Ijul'-avgust 1903 g. Protokoly* [The Second Congress of the RSDLP. July-August 1903. Protocols]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959, 864 p. (In Russ.).
16. Korneva I. I. O priemah izdaniya protokolov RSDRP [On the methods of publishing the protocols of the RSDLP]. *Sovetskie arhivy* [Soviet Archives], 1967, no. 1, pp. 23–31. (In Russ.).
17. Lenin V.I. Predlozheniya k punktam obshchepoliticheskikh trebovanij programmy partii [Proposals for clauses of the general political requirements of the party program]. Lenin V. I. *Poln.sobr. soch.* [Full composition of writings]. Vol. 7. Moscow, Political Literature Publishing House, 1967, p. 277. (In Russ.).
18. Lenin V. I. Nacional'nyj vopros v nashej programme [The national question in our program]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Vol. 7. Moscow, Political Literature Publishing House, 1967, pp. 233–242. (In Russ.).
19. Lenin V. I. Tezisy referata po nacional'nomu voprosu [Abstracts on the national question]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Vol. 24. Moscow, Political Literature Publishing House, 1973, pp. 382–395. (In Russ.).
20. Zyuganov G. A. *Rossiya pod pricelom globalizma* [Russia under the gun of globalism]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 381 p. (In Russ.).

О. Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск

Презрительное в русской лингвокультуре

В статье рассматривается презрительное как лингвистический и культурный феномен в русской лингвокультуре. Показано, что ведущими компонентами в определении степени инвективности слова с пометой «презрительное» являются «крайнее», «отсутствие» и «отношение, основанное на признании чего-л.». Представлен глубинный показатель инвективности лексики русского языка — интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний. Доказано, что презрение как специфическое проявление враждебности проявляется в оценке внешних и внутренних качеств человека, в оценке явлений, прежде всего явлений советской жизни (а точнее, советского прошлого).

Ключевые слова: презрительное, инвективность, лингвистический и культурный феномен.

O. N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic State University, Murmansk

Scornful in the Russian Linguistic Picture of the World

The article considers scornful as a linguistic and cultural phenomenon in Russian linguistic picture of the world. It is shown that the leading components in determining the degree of invectivity of a word marked "scornful" are "extreme", "absence" and "attitude based on the recognition of smth." A main indicator of invectivity of a word is presented — the interpretation of words in terms of background knowledge. It is proved that scornful as a specific manifestation of hostility is manifested in the assessment of the external and internal qualities of a person, in the assessment of phenomena, especially the phenomena of Soviet life (the Soviet past).

Keywords: scornful, invectivity, linguistic and cultural phenomenon.

Введение

Презрение считается эмоцией враждебности наряду с отвращением, гневом, злостью, пренебрежением, ненавистью, досадой, раздражением, обидой и другими. Эти эмоции лежат в основе инвективного (оскорбительного) контекста/дискурса. О. В. Саржина от-

мечает, что спецификой инвективного дискурса является высокая степень отрицательной экспрессивности, а его основной интенцией — интенция воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму объекта-адресата. Кроме того, контекст с эмоцией презрения относится к проактивной инвективе, которая представляет собой оскорбительное вербальное поведение с целью достижения различных внешних выгод [1, с. 258–265].

Концепт «презрение» включает в себя набор установок и стереотипов, которые в данной лингвокультуре выражают отклонение от нормы в отрицательную сторону [2; 3]. Обнаружить набор таких отклонений можно, выявив лексику со стилистической пометой «презрительное» в словаре. **Актуальность** такого исследования заключается не только в углублении знаний о системе оценок у данного народа, уточнении картины мира, но и в определении показателей и целей враждебности и инвективности. В последнее время исследователи все чаще приходят к мысли о том, что национально специфичным в содержательной структуре слова может быть оценочное и образное значение. Этот аспект изучения культуры народа вообще и ее яркого выразителя — лексической системы языка данного народа — относится к числу наиболее востребованных для изучения коммуникативных установок с целью решения конфликтных ситуаций.

Цель статьи — определить специфику понятия «презрительное» в русской лингвокультуре, выделив набор установок и стереотипов, имеющих языковое выражение.

В качестве **методов** исследования применялся метод сплошной выборки, компонентный и культурологический анализ. Лексемы с пометой «презрительное» отбирались методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» [4]. Выбор словаря обусловлен тем, что этот справочник по современному русскому языку является универсальным, продолжает традиции отечественной академической лексикографии (см., например: [5, с. 24]). Компонентный анализ применялся при анализе лексического значения слов. Культурологический анализ включал в себя выявление культурного компонента слова, в данном контексте культурно-коннотативного компонента, «отягощенного» культурными стереотипными ассоциациями.

Материалом исследования являются 69 лексем с пометой «презрительное». В статье, кроме словаря [4], использованы примеры из Национального корпуса русского языка [6]. Анализ пока-

зал, что лексика с эмотивной пометой «презрительное» имеет разный потенциал и разные основания создавать инвективный дискурс. Поэтому обращение к такой лексике дает богатый материал для выявления моделей отклонения от нормы, а значит, стереотипов поведения и оценки в русской лингвокультуре. Кроме того, национальная специфичность лексики в настоящее время не вызывает сомнений, а общим местом исследований является мысль, что существуют разные источники национально-культурной специфики. Культурная коннотированность данного пласта лексики, которая отождествляется с понятием «национальная специфичность», создается за счет действия культурного компонента значения, который несет в себе культурологическую информацию. Непосредственная связь между языковой единицей и культурой, образом жизни, национальным характером заключается в том, что язык не просто отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет и мировоззрение, но и хранит накопленный им культурный пласт, в который входят языковые структуры, предполагающие наличие социальных знаний, без которых нельзя ни создать языковую единицу, ни понять ее.

Новизна исследования заключается в культурологическом подходе к анализу данного языкового материала. Среди работ, рассматривающих слова с эмотивными пометами, отмечаются исследования, которые выделяют тематические группы слов с пометой «презрительное» в разных словарях современного русского языка, морфологические показатели эмотивности таких слов (обычно суффиксы). Ученые отмечают отсутствие единой четкой системы в выделении и расстановке помет такого типа в словарях, высказывается мнение, что презрительные и бранные слова близки, но отличаются по степени эмоциональности. Исследователи критикуют словари за отсутствие объективных показателей для расстановки помет, а проводимые ими психолингвистические эксперименты доказывают зависимость такой расстановки от контекста и ситуации, отмечая подчас неверные факты с точки зрения психологии восприятия слов носителями русского языка. Отмечается, что часто за эмоционально-экспрессивную окраску принимается само значение слова, которое влияет на определение стилистической окрашенности, но не подменяет его (см., например: [7; 8; 9]). В нашем исследовании помета «презрительное» представляется как внешний критерий выделения **объекта** — инвективной лексики. Основным **предметом** исследования является глубинный показатель ее

инвективности, а именно: интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний, бытующих в данном национально-культурном образовании, которые мы, вслед за О. С. Ахмановой, определяем как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке, то есть пользующимся одними и теми же лексическими, грамматическими и стилистическими ресурсами, понимать друг друга; как обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, которое является основой языкового общения [10, с. 498].

Основная часть

«Презрительное» как лингвистический феномен в современном русском языке

Лексема «*презрительное*» означает «*наполненный презрением*» [4, с. 963], а «*презрение*» — «*чувство крайнего неуважения к кому-, чему-л.*» [4, с. 963]. *Неуважение* — *отсутствие должного уважения к кому-, чему-л.; непочтительность* [4, с. 644]. *Уважение* — 1) *почтение, почтительное отношение, основанное на признании чьих-л. заслуг, качеств, достоинств и т. п.*; 2) *уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам других людей и т. п.* [4, с. 1365]. *Почтение* — *глубокое уважение* [4, с. 949]. В ситуации круговой дефиниции можно выделить следующие основные компоненты лексического значения слова «*презрительное*»: *крайнее* (сильное, исключительное [2, с. 465]); *отсутствие*; *отношение, основанное на признании кого-, чего-л.* Первые два элемента («*крайнее*»; «*отсутствие*») универсальны, третий компонент («*отношение, основанное на признании кого-, чего-л.*») варьируется: «*отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.*» (*бурбон* — грубый и невежественный (обычно заносчивый) человек [4, с. 104]) или «*отношение субъекта речи к кому-, чему-л.*» (*пачкотня* — неумело, небрежно, грязно исполненная работа (преимущественно о нарисованном, написанном); *мазня, мارانье* [4, с. 788]).

Посмотрим, как эти элементы представлены в лексических значениях слов, отмеченных в словаре как «*презрительное*».

В анализируемом материале были выделены следующие группы слов с пометой «*презрительное*»:

1. Группа лексем, у которых в лексическом значении актуализированы компоненты (непосредственно или опосредованно) «*крайнее*» и «*отсутствие*», например: *безмозглый* — очень глупый, бестолковый [4, с. 67] («*крайнее*» — очень, «*отсутствие*» — отсутствие ума); *бесхребетный* — не имеющий твердого характера; беспринцип-

ный [4, с. 76] (*«отсутствие»* — отсутствие характера, принципов); *бульварщина* — бульварная литература [4, с. 103] от *бульварный* (пренебр.) (рассчитанный на невзыскательный вкус; низкопробный, пошлый (о произведениях литературы [4, с. 102])) (*«крайнее»* — низкопробный (очень); *«отсутствие»* — отсутствие вкуса); *дикарство* — некультурность, невежественность [4, с. 258] (компонент *«крайнее»* выделяется при анализе мотивирующей основы «дикарь» < «дикий» (3 зн. — очень сильный по степени проявления, чрезмерный, переходящий границы нормального, обычного [2, с. 258]; *«отсутствие»* — отсутствие культуры (5 зн. — просвещенность, образованность, начитанность [4, с. 478])). Компонент *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* в данной группе слов представлен вариантом «отношение субъекта речи к кому-, чему-л.» и реализуется в употреблении слова в ситуации, или в контексте.

2. Группа лексем, в лексическом значении которых актуализирован компонент *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.»), представлена в словаре дефинициями «N — это» (2а) и «N — о ...» (2б). К группе 2а мы относим и действие, производимое данным субъектом.

Например:

(2а) *лизоблюд* — человек, который подобострастно, униженно прислуживает кому-л. из мелких, корыстных побуждений [4, с. 496] (ведущим компонентом в значении этого слова является *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (прислуживает), дополнительными — *«крайнее»* (униженно) и *«отсутствие»* (выделяется методом от противного: мелкие, корыстные побуждения ≠ добрые побуждения)); то же: *лизоблюдничать* — быть лизоблюдом, вести себя как лизоблюд [4, с. 496]; *отребье* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 759], *подонки* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 875] (*«крайнее»* (разложившиеся); *«отсутствие»* (деклассированные); *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (преступные)); *ирод* — мучитель, изверг [4, с. 398] (*«крайнее»* (изверг — жестокий человек [4, с. 377])); *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (причиняющий муки, сильное физическое страдание) [4, с. 563, 565]); *плюгавый* — невзрачный, жалкий на вид (о человеке),

плюгаш — невзрачный человек [4, с. 846] (*«отсутствие»* (невзрачный — непривлекательный, некрасивый [4, с. 614]); *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.») (жалкий на вид)).

(26) *вельможа* — о самодовольном, надменном человеке (обычно администраторе, чиновнике) [4, с. 117]; *дылда* — о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [4, с. 291]; *золотопогонник* — об офицере царской армии [4, с. 370]; *искариот* — о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние и т.п. [4, с. 398]; *мразь* — 1. о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном; 2. *бранно*. о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев [4, с. 561]; *недобиток* — о том, кого не добились [4, с. 618]; *пигмей* — о ничтожном человеке, ничтожестве [4, с. 830]

Особенно четко представлена разница в выделении способов определения инвективности в многозначных лексемах, где дефиниции разных значений относятся к разным выше представленным группам, например:

Политикан — 1. Беспринципный политический деятель; интриган (группа 1). 2. О человеке, проявляющем ловкость и предусмотрительность в отношениях с людьми для достижения своих целей (группа 26) [4, с. 902]. В первом значении оскорбительным слово может считаться по причине присутствия компонентов лексического значения (*«крайнее»*, *«отсутствие»*, *«отношение, основанное на признании кого-, чего-л.»* («отношение субъекта/объекта действия к кому-, чему-л.»)), а во втором значении — по наличию стилистической пометы «презрительное».

«Презрительное» как культурологический феномен с точки зрения носителя русской лингвокультуры

С позиции культурологического подхода слова со стилистической пометой «презрительное» разделяются на две группы: с ярко выраженной и скрытой отрицательной эмоциональной оценкой.

Слова, отмеченные ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой, являются оскорбительными в любом контексте, так как инвективность содержится в лексическом значении слова, например: *безмозглый* — очень глупый, бестолковый [4, с. 67]; *дикарство* — некультурность, невежественность [4, с. 258]; *крюкотворство* — намеренное использование мелочей и различных формальностей для затягивания и запутывания судебных и админи-

стративных дел [4, с. 476]. Слова этой группы усиливают отрицательную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя: *ворьё* — воры [4, с. 151]; *барыня* — о женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом [4, с. 61]; *беляк* — о белогвардейце [4, с. 71]; *отребье* — деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [4, с. 759].

В анализируемом материале была выявлена тенденция формирования компонента «инвективность» в результате употребления слова в функции номинации (дефиниция типа «о человеке...»). Дефиниция этого типа является когнитивной по своей сути, так как отражает опыт носителя языка (ср.: так говорят о том, кто...; так говорят о...): *дылда* — о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [4, с. 291]; *баба* — о робком, слабохарактерном мужчине, мальчике [4, с. 54]; *барыня* — о женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом [4, с. 61]; *вельможа* — о самодовольном, надменном человеке (обычно администраторе, чиновнике) [4, с. 117]; *дикарь* — о некультурном, невежественном человеке [4, с. 258]; *искариот* — о человеке, который ради денег способен на предательство, злодеяние и т.п. [4, с. 398]; *мразь* — о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном [4, с. 561]; *перемётный* — *сума переметная* (о том, кто легко меняет свои убеждения, переходят из одного противоборствующего лагеря в другой [4, с. 810]; *пигмей* — о ничтожном человеке, ничтожестве [4, с. 830]; *серятина* — 1. об очень скучном, неинтересном, необразованном человеке. 2. о том, что вызывает скуку; о чем-л. неинтересном, нудном по содержанию [4, с. 1180]; *скобарь* — о грубом, невоспитанном человеке [4, с. 1197]; *скот* — о грубом, низком, подлом человеке [4, с. 1201]; *совдепия* — 1. о Советском Союзе, Советской власти. 2. о том, что было характерно для Советского Союза. [4, с. 1225]; *совок* — 1. о Советском Союзе, Советской власти. 2. о гражданине Советского Союза; о том, у кого сильны привычки и навыки, сложившиеся в условиях господства коммунистической идеологии [4, с. 1227]; *трухляк* — о ненадежном, способном на предательство, подлость человеке [4, с. 1349]; *черные* — о людях с темным цветом кожи (обычно о неграх) [4, с. 1474]; *чучело* — о неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке [4, с. 1487].

Анализ материала показал, что понятие «презрительное» в русской лингвокультуре распространяется на следующие группы слов:

- во-первых, большая группа слов, обозначающих отрицательные качества человека или относящихся к его поведению, не соот-

ветствующему нормам, — характер (*баба, переметный, потаскун, скобарь, скряга, слякоть, трухляк*); склад характера и/или ума (*безмозглый, бесхребетный, серятина, совок*); физические характеристики (*дылда, плюгавый, плюгаш, чучело*); поведение (*бурбон, барыня, вельможа, лизоблюд, политикан, предатель, приспособленец, прихлебала, стукач, торгаш, чинодрал, чиновёр, ирод, искариот*); занятие (*ворьё, ворюга, крючоктвор, офицерня, политиканство, приспособленчество, шкурничество, щелкопёр, прихлебательство, пьянчуга, недобиток, отребье, рвань, свора*); презрительные названия (*кацап, черные, скот, скотина, черномазый*);

- во-вторых, слова, представляющие отрицательную оценку и/или характеристику внешних условий жизни в обществе и/или явлений, — советские/антисоветские реалии (*совдепия, золотопогонник, полицаи, советчина, совковый, буржуй, буржуйский*); явления (*бульварщина, дикарство, конъюнктуращина, пачкотня, самодельщина, чистоган*);

- в-третьих, слова, представляющие общую отрицательную характеристику (*дерьмо, мразь*).

Все вышеперечисленные слова оцениваются как отрицательно-оценочные с учетом фоновых знаний носителя языка. В этом смысле в них отмечается скрытая отрицательная эмоциональная оценка. Так, чтобы оценить слова «совдепия», «совок», «золотопогонник», «полицай» как презрительную лексику, необходимо обладать информацией, которая формируется в результате социализации. Например, носители русской культуры представляют слово «совок» как оскорбительное, ясно осознавая подтекст подобных высказываний: «Например, что во внешней, а равно и во внутренней политике России — СССР было проявлением коммунистического мессианства, что — обыкновенным империализмом, что — еще более обыкновенным инстинктом государственного самосохранения. Вместо этого — обобщенное проклятие «совок» (вар.: «коммунизм», «большевизм»), предполагающее принципиальную нерасчетливость амальгамы. С такой изрядной нищетой философии рассчитаться с наследием СССР невозможно» (М. Соколов. Многообразный Советский Союз // Эксперт. 2014. [6]); А попробуйте-ка вообразить себе «двойное гражданство» (советское и, скажем, израильское или американское) во времена Брежнева? Так что в своем преследовании двойного гражданства наш друг Ниязов а) совершенно не оригинален, выступает не как «восточный сатрап», а как банальнейший «совок» и б) вполне гуманен — в недавнем прошлом в Москве

с такими вот «двойными» расправились бы куда свирепее, чем это сегодня пытаются делать в Ашхабаде. Это — принципиально важный момент. Ниязов действует так уверенно и свободно не только потому, что держит Россию за газовую артерию (Л. Радзиховский. Государственный престиж // Время МН. 2003 [6]). В отрицающем презрении контексте презрительный потенциал слова выявляется еще ярче: «Хорошее слово! Совок? Прикусите язык! Советский человек был очень хороший человек, он мог поехать за Урал, в пустыню — ради идеи, а не за доллары» (С. Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов. 2013. [6]); Кстати, я ненавижу слово «совок» и перестану разговаривать с человеком, употребляющим этот горчайший термин, выдуманный рабами. Так вот, мне пригодился советский опыт — выносливость, умение довольствоваться малым. Ведь за всем — готовность пренебречь материальным и стремиться к духовному (Г. Хабаров. Смесь французского с Красноярским // Совершенно секретно. 2003.07.07 [6]).

Выводы

«Презрительное» как лингвистический и культурный феномен представлено в русском языке в лексемах с пометой «презрительное», с помощью дерогативных суффиксов (*офицерня, ворьё, ворюга*), а также при использовании в презрительном значении имен собственных (*ваня, степа, марушка, дунька, матрена*) (см. об этом: [11]). Кроме того, презрение выражается в русском языке и лингвокультуре с помощью междометий (*ффф*) и невербальных средств — презрительной мимики, например (см.: [4]).

Понятие «презрение» включает в себя набор стереотипов, которые выражают отклонение от нормы в отрицательную сторону. Лингвистический и культурологический анализ лексем с пометой «презрительное» в современном русском языке позволил обнаружить набор таких стереотипов.

Компонентный анализ лексики показал, что ведущими компонентами в определении степени инвективности слова с пометой «презрительное» являются «крайнее», «отсутствие» и «отношение, основанное на признании чего-л.». В семантике термина «презрительное» акцентируется крайняя степень неуважения, отношения к лицу. «Вектор» стилистической пометы «презрительное» направлен в сторону «он ниже других». Под «я» здесь выступает субъект речевого действия, под «он» — партнер речевого действия. Слова со стилистической пометой «презрительное» усиливают отрица-

тельную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя. Ведущим семантическим компонентом термина «*презрительное*» является компонент «*поставить в более низкое положение одного по отношению к другому*».

Культурологический анализ лексики с пометой «презрительное» показал, что интерпретация слов с точки зрения фоновых знаний, бытующих в данном национально-культурном образовании, представляет глубинный показатель ее инвективности. С позиции культурологического подхода слова со стилистической пометой «*презрительное*» разделяются на две группы: с ярко выраженной и скрытой отрицательной эмоциональной оценкой. Слова, отмеченные ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой, являются оскорбительными в любом контексте, так как инвективность содержится в лексическом значении слова. Скрытая отрицательная эмоциональная оценка обнаруживается при учете фоновых знаний носителя языка. Чтобы определить инвективный потенциал слов в таком случае, необходимо обладать информацией, которая формируется в результате социологизации человека в данном обществе. В русской лингвокультуре презрение как специфическое проявление враждебности, социальное отвращение к человеку/поступку/явлению (см. об этом: [13, с. 209]) проявляется в оценке внешних (*рост, одежда, вид в целом*) и внутренних качеств человека (*слабохарактерный, грубый, невежественный, заносчивый и корыстолюбивый*); в оценке явлений (*некультурность, формализм, преступность, небрежность, беспринципность, приспособленчество*), прежде всего явлений советской жизни (а точнее, *советского прошлого*). Более глубокое осмысление национальной специфики *презрительного* требует масштабного сопоставительного анализа языковых и внеязыковых явлений в разных культурах.

Библиографический список

1. Саржина О. В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 257–267.
2. Лескина С. В. Концепты безразличия и презрения как составляющие пейоративной коннотации английских и русских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 65–67.
3. Ботвинко-Ботюк Е. Н. Аксиологические предпосылки изучения высказывания презрения // Наука и современность. 2013. № 23. С. 155–159.

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Кочергина К. С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 154–173.
6. Национальный корпус русского языка. URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA (дата обращения: 11.10.2019).
7. Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики): монография. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2013. 315 с.
8. Пурицкая Е. В., Панков Д. И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–42.
9. Тихонова М. А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2004. 269 с.
11. Рамазанова А. Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. № 5 (79). С. 156–160.
12. Куличенко Ю. Н. Невербальные средства выражения презрения в русском и английском коммуникативном поведении // Наука и современность. 2011. № 8-3. С. 41–46.
13. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2013. 783 с.

References

1. Sarzhina O. V. Oskorblenie slovom (invektiva) kak agressivnyj diskurs [Insulting a word (invective) as an aggressive discourse]. *Yurislingvistika-8: Russkij yazyk i sovremennoe rossijskoe pravo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* / pod red. N. D. Goleva. Kemerovo-Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2007, pp. 257–267. (In Russ.)
2. Leskina S. V. Koncepty bezrazlichiya i prezreniya kak sostavlyayushchie pejorativnoj konnotacii anglijskih i russkih frazeologizmov [The concepts of indifference and contempt as components of the paejoint connotation of English and Russian phraseological units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2008, no. 2 (2), pp. 65–67. (In Russ.)
3. Botvinko-Botyuk E. N. Aksiologicheskie predposylki izucheniya vyskazyvaniya prezreniya [Axiological prerequisites for the study of the expression of contempt]. *Nauka i sovremennost'*, 2013, no. 23, pp. 155–159. (In Russ.)

4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language] / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Saint-Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)
5. Kochergina K. S. Teoriya i praktika primeneniya slovarej v kachestve istochnikov dlya lingvisticheskoy ekspertizy [Theory and practice of using dictionaries as sources for linguistic examination]. *Voprosy leksikografii*, 2019, no. 15, pp. 154–173. (In Russ.)
6. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&req=%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA (accessed 11.10.2019).
7. Emel'yanova O. N. *Stilisticheskaya informaciya v tolkovom slovare (analiticheskij obzor problematiki)* [Stylistic information in the explanatory dictionary (analytical review)]. Krasnoyarsk, Sib. Feder un-t, 2013, 315 p. (In Russ.)
8. Purickaya E. V., Pankov D. I. Normativno-stilisticheskaya harakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoj baze dannyh [The normative and stylistic characteristic of the vocabulary of the modern Russian language: the possibilities of description in the dictionary database]. *Voprosy leksikografii*, 2018, no. 13, pp. 23–42. (In Russ.)
9. Tihonova M. A. *Aksiologiya v kontekste leksikografii: model' «Slovarya ocenочноj leksiki russkogo yazyka»*. Avtoref. cand. diss. [Axiology in the context of lexicography: model of the Dictionary of Assessment Vocabulary of the Russian Language. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.)
10. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2-e izd., stereotip. Moscow, URSS, 2004, 269 p. (In Russ.)
11. Ramazanova A. H. Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazheniya znacheniya prezreniya v raznosistemnyh yazykah [Lexico-semantic means of expressing the meaning of contempt in multisystem languages]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2010, no. 5 (79), pp. 156–160. (In Russ.)
12. Kulichenko Yu. N. Neverbal'nye sredstva vyrazheniya prezreniya v russkom i anglijskom kommunikativnom povedenii [Non-verbal means of expressing contempt in Russian and English communicative behavior]. *Nauka i sovremennost'*, 2011, no. 8–3, pp. 41–46. (In Russ.)
13. Il'in E. P. *Emocii i chuvstva* [Emotions and feelings]. 2-e izd. Saint-Petersburg, Piter, 2013, 783 p. (In Russ.)

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург

Запрет и цензура в культуре: связь и различие

В статье раскрывается характеристика категории запрета. Рассматривается роль запрета в формировании культуры. Обозначается специфика цензуры как составной части культурных запретов. Дается краткий анализ различных форм и сфер цензуры в истории культуры. Отдельное внимание уделяется развитию цензуры в культуре Европы Нового времени. Осуществляется анализ неоднозначной роли цензуры в культуре России XX–XXI вв. Раскрывается специфика цензуры в контексте тоталитарного строя, а также в рамках исторического перехода постсоветского периода. Анализируются положительные и отрицательные стороны тотального контроля и вседозволенности как крайних форм решения проблемы культурного ценза. Обозначается задача поиска оптимальных форм и допустимых рамок цензуры в современной культуре России, ставшей на путь стабилизации.

Ключевые слова: запрет, табу, цензура, переходность, тоталитаризм, химера, псевдоморфоз, демократия, свобода.

S. N. Ikonnikova, I. V. Leonov

St.-Petersburg State Institute of Culture, St.-Petersburg

Suppression and Censorship in Culture: Connection and Difference

The article describes the characteristics of the category of suppression. The role of suppression in the formation of culture is considered. The specificity of censorship as an integral part of cultural prohibitions is indicated. A brief analysis of various forms and spheres of censorship in the history of culture is given. Special attention is paid to the development of censorship in the European culture of the New Age. The author analyzes the ambiguous role of censorship in the culture of Russia of the XX–XXI centuries. The specifics of censorship in the context of the totalitarian system is revealed, as well as in the framework of the historical transition of the post-Soviet period. The positive and negative aspects of total control and permissiveness as extreme forms of solving the problem of cultural qualification are analyzed. The task of finding the optimal forms and admissible

frameworks of censorship in modern culture of Russia which has become on a way of stabilization is designated.

Keywords: *suppression, taboo, censorship, transitivity, totalitarianism, chimera, pseudomorphism, democracy, freedom.*

В истории культуры категория запрета имеет достаточно широкий диапазон значений. Запрет отражает стремление людей к определению границ дозволенного поведения в тех или иных условиях и пределах, желание сохранить стабильность общепринятых ценностей и передать их последующим поколениям, предупредить возможные нарушения и отступления от традиций, обеспечить безопасность жизнедеятельности. На этой основе создавались многочисленные предписания, кодексы и законы, моральные, правовые нормы и каноны, поддерживаемые традициями и санкциями различной степени строгости.

«Историческую ткань» культуры во многом образуют табу и запреты на действия, названия, слова и предметы. Изучение генезиса сетки запретов дает возможность реконструировать взаимоотношения между родственниками, между обществом и властью, между культурами, этническими сообществами разной степени близости. Оно раскрывает суть многих конфликтов и психологического напряжения, связанного с нарушением запретов.

Основой табу и запретов изначально был страх, эмоции испуга, ужаса, трепета, подкрепляемые необратимостью последующего наказания, неизбежной расплатой за содеянное. Это объясняет прочную вплетенность запрета в археологию сознания человека, в его глубинные ментальные структуры, вплоть до сферы архетипического. На протяжении культурогенеза культурно-исторические реалии менялись многократно, но запреты до сих пор формируют осто́в и характер отношений между людьми, постепенно подкрепляясь не только чувством страха, но и их добровольным принятием.

Социокультурную сущность запретов и табу изучали многие ученые — этнографы, психологи, социологи, культурологи. Среди них Э. Тайлор, Дж. Фрезер, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Мид, З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Ю.М. Лотман, М. Фуко и др.

Несмотря на то, что статус запретов в ходе развития культуры менялся, многие архаичные формы запретов сохранились и по сей день, получив распространение в повседневной жизни и системе

воспитания. Весомая часть запретов утратила принудительный характер и стала восприниматься на уровне рекомендаций и пожеланий, призванных предупредить возможные последствия. К такого рода запретам люди относятся, как правило, снисходительно, не испытывая страха при их несоблюдении, исполняя их по инерции или по привычке.

Тем не менее в современной цивилизации последних двух столетий использование принудительной силы запретов сохранилось на уровне государственно-правовой системы и политико-идеологической сферы. Это привело к тому, что смысловое поле запретов подверглось изменениям и трансформациям. Выйдя из прежних локальных и строго ограниченных рамок, запрет обрел новые сферы действия, захватил новые пространства, «впитался» в отношения людей, сформировал систему тотального контроля и подозрительности. В своих крайних проявлениях объектом пристального внимания властных структур стал тотальный контроль, направленный на бессознательное подчинение граждан.

Проникновение запрета в социальную, политическую, художественную, научную сферы, в творческую деятельность повысило градус страха и напряжения, максимально раскрыв репрессивную функцию культуры как основного инструмента манипуляции сознанием человека и ограничения его свобод. Следствием этого стало появление цензуры, базирующейся на эмоционально-бессознательной структуре запрета как исторической форме принуждения. Но запрет как цензура приобретает иной смысл и назначение.

Цензура, это «недремлющее око», являет собой всеобщую форму контроля над образом мысли и поведением. Цензура включает многие психологические и социальные технологии, способные обеспечить страх и повиновение перед наказанием, а также ограничить свободу выбора и действий. Ее карательная модель располагается на границе наказания, значительно расширяя диапазон надзирательных санкций.

Цензура свидетельствует об опасности, исходящей от слова и образа мысли, от непривычных ценностных ориентаций, убеждений и иного образа жизни. Цензура берет на себя ответственность оценки произведений поэзии и прозы, веры и научной теории, политических взглядов и художественного стиля в искусстве. Цензура — чрезвычайно мощный механизм управления сознанием и поведением людей, используемый властью. Оформившись на опреде-

ленной стадии культурогенеза, она прочно внедрилась в систему социокультуры, адаптируясь к новым реалиям, «мутируя» в иные формы, впитывая новые технологические приемы, но по существу оставаясь прежней.

«Приливы» и «отливы» в работе институтов ценза, попеременная доминанта жестких санкций и борьбы за свободу слова лишь подтверждают устойчивость дисциплинарных схем, направленных на регулирование поведения человека. В свою очередь, своеобразный циклизм, выраженный в усилении и ослаблении внутрикультурного ценза, свидетельствует о бинарной динамике взаимодействия ценза и общества, при постоянном давлении первого. М. Фуко назвал подобную систему «карцерным архипелагом», переносящим технику надзора на все общество [1, с. 439].

Специфические институты ценза, распространившиеся в европейской культуре последних двух столетий, создали ситуацию «прозрачности» жизни каждого человека, подчиняющегося установленным свыше предписаниям. Используя целый спектр «гуманитарных технологий» [2], власть задействует множество приемов и механизмов, делая так, что принуждение становится добровольным, при этом власть избегает сильного давления, легализуя требования соответствующей дисциплины высокими целями. Благодаря своим методам и технологиям, цензура противостоит многим институтам либерализма и демократии, становясь основным инструментом воздействия власти на сферу духовной жизни. Опорой цензуры всегда были законы, указы, постановления и предписания, вводимые властью для стабилизации культуры и «душевного спокойствия», предотвращения пороков и преступных действий. В таком ракурсе цензура всегда была направлена на ограничение и пресечение разных форм инакомыслия, отклонений от принятой политики, распространенных стандартов поведения и стереотипов сознания.

Длительная история цензуры в европейской культуре позволяет представить систему контроля на различных, но взаимосвязанных уровнях: идеологическом, административном, образовательном, редакторском, исполнительском, карательном.

Идеологическая цензура накладывала запрет на все произведения и виды социальной деятельности, которые не соответствовали основным идейным и политическим позициям государственной или религиозной общественной мысли. *Административная цензура* означала создание целой сети специальных комитетов, комиссий,

институтов, занимающихся контролем за соблюдением идеологических требований во всех сферах социальной жизни. *Редакторская цензура* осуществлялась сотрудниками издательств, театров, радио и телевизионных студий. То же самое касается и контроля в *сфере исполнения*, проходящего через все необходимые редакторские и прочие «фильтры». Отдельное место в системе цензуры уделяется комплексу ограничений в *образовании*, содействующем «выковыванию» представителей культуры по определенному образцу. Особенно сильной была *цензура судебных органов*, применяющая карательные меры к нарушителям. Сюда же следует отнести особый внутренний регулятор сознания и поведения, защитный механизм, основанный на добровольном принятии запретов — *самоцензуру*.

Каждый из названных уровней имеет свои целевые установки и особые предписания, исполнителей и контролеров, а также систему запретов и наказаний, психологических качеств и состояний сознания и поведения.

В России цензура имела длительную историю, выраженную в постепенном ограничении книгоиздания, деятельности прессы, постановки спектаклей, бытования фольклорных произведений и т.д. в интересах существующего государственного порядка и духовного климата. Особенно возросла карательная функция цензуры после 1917 года, а в 1922-м была создана всеобщая административная система цензуры практически во всех сферах общественной и даже личной жизни [3; 4]. Молодая советская культура стала приобретать формы «монолита», создавая мощные инструменты поддержания внутреннего единства и порядка.

Процесс «закручивания гаек» растянулся на долгие годы, а «железный занавес» стал символом новых пространственных рамок культуры, отгородившейся от неблагонадежных и опасных источников информации. Особенно остро данное ограничение дало о себе знать в гуманитарных сферах деятельности. Постепенно были сформированы административные органы, призванные осуществлять цензуру рукописей, контролировать сферу книгоиздания, отслеживать и «фильтровать» репертуар театров, контролировать массовые движения, «мониторить» и корректировать настроения в обществе. Так, был наложен запрет на «идеологически несовременные и невыдержанные» произведения, на литературу эмиграции. Показательным и типичным примером подобной политики является Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звез-

да» и «Ленинград»», принятое 14 августа 1946 года и подвергнувшее критике некоторые советские периодические издания и писателей. Например, в этом постановлении М. М. Зощенко был назван «пошляком и подонком литературы», в свою очередь А. А. Ахматова характеризовалась как «типичная представительница чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» [5]. В таком климате все «несоветское творчество», а также все идеалистические и «ненаучные» теории подлежали строгому критическому разбору. Это привело к волне репрессий и арестов, к тюремным заключениям и преследованиям за «неблагожелательность» и «инакомыслие». Атмосфера подозрительности и страха пропитала общество, породив глубинные деформации в духовной жизни. Причем опасности подвергались не только художники, ученые, писатели, но и те, кто интересовался их творчеством, читая и сохраняя запрещенные произведения у себя дома, а также обсуждая их с другими людьми.

Цензура способствовала формированию «монохромности» сознания, использованию единообразных стереотипов поведения и критериев оценки действительности, внедрению в сознании людей «газетных лозунгов», укоренению «идеологических клише» в отношении интерпретации мировой и отечественной истории, в оценках событий современности. Из исторической памяти исчезали имена и достижения известных личностей, уничтожались памятники, нивелировалось значение некоторых цивилизаций и периодов истории, сокращались возможности доступа ко многим произведениям философии и литературы, перемещались в запасники и распродавались произведения неактуального искусства. Были наложены ограничения и запреты на целые направления в науке — в естествознании, медицине, психологии, социологии, философии и др. Были идеологически разгромлены гелиотараксия, тектология, кибернетика, педология, психоанализ, генетика, семиотика и т. д. В изобразительном искусстве подвергся гонениям авангардизм, в музыке — джаз и формализм. Для библиотек стало вполне привычным делом получать «списки изъятия» огромного числа книг, включая классиков литературы, а также философов и ученых, работы которых объявлялись идеологически опасными. Это выразилось в так называемом библиоциде, ограничении возможностей познания и интеллектуального роста человека.

Не менее строгий ценз коснулся всех конфессий, включая соответствующую литературу, посвященную деятельности церкви и

священнослужителей. Частичному уничтожению и изъятию подверглось религиозное искусство. Возникали барьеры, связанные с несовместимостью «карьерной лестницы» советского человека с вероисповеданием.

На протяжении истории советской культуры формировался определенный тип человека, обладающего особым массовым сознанием, для которого были характерны ясные и четко сформулированные ценностные ориентиры, разграничения между «советским» и «несоветским». Эта диспозиция даже в наше время находит свое проявление, несмотря на то, что изменились исторические условия, а прежние запреты ушли в историю. Многие наши современники до сих пор сохраняют в себе код советской культуры, с присущими ей фильтрами и цензом самоконтроля. Следует отметить, что в своей основе данный код, будучи целостным и гармоничным для определенной историко-культурной реальности, не может восприниматься как нечто сугубо отрицательное в плане тотального ограничения свобод. Напомним, что культурный «монolit» не может возникнуть и существовать без определенной степени ценза, и, кроме того, его ценз может приниматься людьми вполне осознанно и добровольно. Тем не менее осторожность, недоверие, подозрительность, осмотрительность и склонность во всем искать «умысел врагов», стремление к подчинению авторитетам и конформизм — эти и некоторые другие отрицательные черты сознания и поведения являются неременным спутником периодов тотального контроля, идеологических запретов и установок.

В постсоветской России периода перехода ситуация коренным образом изменилась. В 1991 году были упразднены многие организации, осуществлявшие функции ценза — Главлит, Главрепертком и др. Демократические преобразования провозгласили целый спектр личных свобод и защиту прав человека. В стране было создано множество независимых средств массовой информации и издательств, политических партий и движений, обществ и творческих союзов, религиозных организаций самого разного толка. Были изданы произведения деятелей культуры Серебряного века, советского диссидентства и андеграунда, труды представителей русской эмиграции, работы известных философов, экономистов, политиков зарубежных стран, которые не вписывались в политико-идеологическое пространство СССР и т. д. Значительно изменились и возросли культурные контакты и международные связи. Регулярно стали прово-

даться международные фестивали в сфере культурообмена, доступ к геокультурному пространству стал прозрачным и свободным. Все эти нововведения качественно изменили духовную атмосферу России, сделали ее открытой и восприимчивой к культурным достижениям народов мира.

Тем не менее, наряду с позитивными изменениями, отрицать которые нет смысла, возникли отрицательные последствия «переходности» в виде стремления к радикальному обновлению и раскрепощению всех сфер культуры и социума, вплоть до тотальной вседозволенности. Данные изменения, будучи встречены широкими кругами общества с большим энтузиазмом, всколыхнули культуру, породив ее глубокие метаморфозы и искажения.

И только теперь, по прошествии постсоветского этапа развития длиною в два десятилетия, становятся очевидными результаты такой вседозволенности и отсутствия сдерживающих механизмов, уравнивающих культуру и социум. Годы исторического перехода, наряду с радикальным обновлением отечественной культуры, привнесли в ее пространство множество заимствований из различных культур. И вместе с культуросозидающими последствиями данные заимствования нередко приводили к химерам и псевдоморфозам (внедрению совершенно чуждых форм в организм культуры, не приводящему к их гармоничному принятию) в области мировоззренческих и смысложизненных ориентиров, стереотипов поведения, повседневности, гендерной ориентации и т. д.

Как следствие, в современной России, избравшей путь консолидации новой культурной целостности, стали формироваться механизмы противодействия доступности любой информации некоторым возрастным группам. Под полный и действенный (не на бумаге) запрет попали источники экстремистской информации, а также ресурсы, призывающие к разжиганию межнациональной розни. Ограничиваются источники информации, оказывающие негативное воздействие на половое воспитание. Последовательно корректируется ценностно-смысловое пространство культуры детства. Ограничивается пропаганда и реклама некоторых продуктов и товаров, угрожающих здоровому образу жизни. Закрываются многие псевдорелигиозные организации и секты.

Будучи направленной на создание определенного уровня ограничений, данная ситуация рождает общественный противовес в виде тревожных предположений противников консервативно-

го пути о возвращении жесткой цензуры и тотального контроля. *В этих сомнениях выражен своеобразный парадокс относительно сути цензуры и необходимости ее ограниченного применения.*

Конечно, призывать к реанимации тотальной цензуры, как предлагают некоторые сегодняшние политики и медиаперсоны, совершенно неуместно. Ведь в своих жестких формах в тоталитарном обществе цензура себя полностью дискредитировала. Данный аспект был подвергнут сатирическому высмеиванию в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», в которой главный герой служил в «Министерстве правды» и занимался переделкой всех печатных изданий в соответствии с указаниями Старшего Брата. В романе В. Набокова «Приглашение на казнь» книги сосредоточены в тюремной библиотеке и классифицированы так, что никто не может их отыскать. Р. Бредбери в фантастическом романе «451 градус по Фаренгейту» воспроизвел приказ о сожжении всех книг.

В данном случае нельзя забывать, что отсутствие тотального ценза ведет к демократичным критериям оценки реальных процессов в науке, искусстве, культуре, обществе. Механизмы саморегуляции культуры и социума могут полноценно работать только в свободной среде. Такая среда рождает более эффективные формы управления сознанием и поведением, нежели идеологическое принуждение, которое ведет к неисчислимым бедствиям и наносит урон интеллектуальному ресурсу культуры. Страница тотального контроля и запретов перевернута в истории России и никогда не должна повториться, даже в условиях преодоления хаоса вседозволенности.

Таким образом, перед сегодняшней властью встает задача поиска баланса применения цензуры в ее мягких, но необходимых формах, не нарушающих демократических ценностей и свобод граждан. Но при этом необходимо поддерживать определенный уровень целостности становящейся социокультурной реальности, и без ценза в данном случае обойтись крайне проблематично.

Библиографический список

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
2. Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л. Идентичность как навигатор сознания: монография. СПб.: Астерион, 2016. 170 с.

3. Блюм А.В. За кулисами «Министерства Правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 320 с.
4. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 310 с.
5. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». 14 августа 1946 г. № 274 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. С. 587–591.

References

1. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow, Ad Marginem, 1999, 479 (In Russ.).
2. Tkhangapsoev K. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Soloviova V. L. Identity as a Navigator of consciousness: monograph. Saint-Petersburg, Asterion, 2016, 170 p. (In Russ.).
3. Blum A. V. Behind the scenes of the «Ministry of Truth». The secret history of the Soviet censorship 1917–1929. Saint-Petersburg, Academic project, 1994, 320 p. (In Russ.).
4. Blum A. V. Soviet censorship in the era of total terror 1929–1953. Saint-Petersburg, Academic project, 2000, 310 p. (In Russ.).
5. Decision of the Organizing Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the magazines Zvezda and Lenin-grad. August 14, 1946, No. 274. Power and artistic intelligence. Documents of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b), the Cheka — OGPU — NKVD on cultural policy. 1917–1953 / ed. Acad. A. N. Yakovleva. Moscow, MFD, 1999, pp. 587–591.

Е. Г. Курова

Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону

Кадр как способ построения значения в кино

Статья посвящена изучению семиотических концепций Ю. М. Лотмана, Р. Барта и К. Меца, рассматривающих формирование значения посредством кадра в русле общих исследований проблемы значения в кинотекстах. Выделяется специфика раскрытия проблемы значения кадра в рамках этих концепций. В ходе исследования автор приходит к выводу о значительном потенциале анализа кадров для понимания построения кинотекста. Однако ни анализ единичных кадров, ни анализ последовательностей кадров не даёт полного ответа на вопрос, каким образом создаётся значение в кинематографе. В заключение выдвигается ряд проблем формирования значения, возникающих при попытке структурирования кадра и оформления внутрикадрового содержания.

Ключевые слова: кинотекст, семиотика кино, кадр, Ю. М. Лотман, Р. Барт, К. Мец.

E. G. Kurova

Southern University (Institute of management, business and law), Rostov-on-Don

Shot as a Way of Constructing Meaning in Movies

The article is devoted to semiotic concepts by Y. M. Lotman, R. Barta and K. Metz, considering the formation of meaning through shots in line with general studies of the problem of meaning in film construct. The article highlights the specificity of the disclosure of the problem of meaning of a shot in the framework of these concepts. In the course of the study, the author comes to the conclusion about the significant potential of shot analysis to understand the construction of film text. However, neither the analysis of single shots nor the analysis of shot sequences gives a complete answer to the question of how meaning is created in movies. In conclusion, we put forward a number of problems of meaning formation that arise when trying to structure shots and design the intra-frame content.

Keywords: film text, semiotics of cinema, shot, Y. M. Lotman, R. Barthes, C. Metz.

Введение. Вопрос о том, какой способ передачи значения в кино является исходным для построения кинотекста — это вопрос о минимальном носителе значения в кинематографе. Значение — объект, замещающий знак и соответствующий знаку в своих существенных чертах или отличительных функциях. В своих коммуникативных функциях значение не синонимично сообщению [1, р. 16], что достаточно заметно при сравнении формируемых сообщений и значений фильма. Семиотические исследования в области кинематографа среди основных задач изучения выдвигают поиск минимальной единицы значения, а также рассмотрение связи кадра и сообщения, передаваемого фильмом.

Начальный этап семиотики кино был ознаменован поисками соответствий между минимальными носителями значений в кино и языковыми единицами (словами и фонемами). Исследователи находили сходство между естественным языком и языком кино. Поиск минимального носителя значения в кино был обусловлен огромной практической значимостью для установления принципов, по которым строится кинонарратив: стройная теоретическая система, аналогичная теории лингвистики, мыслилась как ключ к формированию любых кинотекстов. В рамках русского формализма была выдвинута идея анализа последовательности кадров на предмет соответствия словам в предложении — этот проект впоследствии попытался реализовать К. Мец в типологии синтагматической последовательности кадров [2; 3, р. 31].

Теоретические изучения способности кадра производить значения входят в круг вопросов о том, является ли кинематограф в целом достаточно хорошим средством для производства значений. Для доказательства своих точек зрения исследователи обращают внимание на те технические способы, которые со временем установились, как сугубо кинематографические — в первую очередь, особенности создания значения посредством кадра. Анализируя проблемы значения и коммуникации в кино, различные авторы обращаются к рассмотрению структуры и возможностей внутрикадрового построения, проблеме взаимосвязи кадров, уделяя данным вопросам различную степень внимания. Если кадр не становится объектом детального изучения, как например, в работах Ю. М. Лотмана, то используется в качестве примера или модели для доказательств теоретических принципов, которые утверждаются авторами при изучении знаковой природы кинематографа.

Сравним позиции Ю. М. Лотмана, Р. Барта и К. Меца (рассматривавших общие проблемы формирования значения в кино) относительно использования семиотических исследований кадра и на этой основе выделим специфические проблемы передачи значения посредством кадра.

Основная часть. В русле парадигмы, рассматривающей возможность создания языка кино, Ю. М. Лотман определяет кадр как основной способ построения значения в кино и уделяет особое внимание проблеме кадра в теоретических работах, посвящённых кинематографу [4; 5]. Венгерский исследователь кино Б. Балаш также ставит внутрикадровое содержание выше по значению, чем создание смыслов посредством монтажа [6]. В противоположность Б. Балашу, С. М. Эйзенштейн считал монтаж приоритетным способом построения значения, а кадр определял как ячейку монтажа. Кино, снятое С. М. Эйзенштейном — преимущественно монтажное, в котором монтаж, в различных его проявлениях, выстраивает смысловой и эмоциональный ход кинокартин. Тем не менее С. М. Эйзенштейн на начальном этапе развития собственной теории пытался утвердить кино как отдельный вид искусства, отличающийся от театра, — через модификацию понятия кадра. Понятие «мизанкадр» было призвано заменить понятие «сцена», используемое в театральных постановках, но впоследствии С. М. Эйзенштейн от него отказался [7].

Понятие кадра, укоренившееся в массовом сознании, не равнозначно киноведческому. Кинорежиссёр Сергей Штейн, пытаясь вывести основной категориальный аппарат онтологии кино, рассматривает кинокадр как первичный производный объект в кинематографе, наряду с фотокадром. Отличие фотокадра и кинокадра состоит в темпоральной соотносённости зафиксированного материала реальности: «Если моментальный фотокадр — это зафиксированное одномоментное, то кинокадр (от включения до выключения камеры) — зафиксированное одномоментное в темпорально заданной последовательности (обычно — 24 кадра в секунду). Основным свойством одномоментно зафиксированного является его уникальность и принципиальная неповторимость» [8, с. 61]. Кадр представляет собой начальный уровень построения фрагмента и часто не подвергается специальному семиотическому анализу в силу привычного восприятия только как изобразительного средства.

Ю. М. Лотман выделяет три значения слова «кадр»: 1) мельчайший изобразительный элемент на плёнке; 2) сегмент фильма во

времени (в киновремени); 3) сегмент фильма в пространстве (в кинопространстве) [4; 5]. Таким образом, определение кадра массовым зрителем сводится к фотокадру. Исследователи различают понятия единичного кадра, фотограммы (наподобие фотографии из фильма) и кинокадра как скорее совокупности кадров, из которых технически выстраивается кинематографическое изображение. Если для Ю. М. Лотмана кадром может быть последовательность единичных кадров (фрагмент и эпизод), то иностранные исследователи обычно отдельно выделяют единичный кадр (single frame, single shot) и кадр как фрагмент фильма [2; 3].

Семиотическая концепция Ю. М. Лотмана рассматривает кадр не только как конкретный кинообраз, но и как знак, который составляет «лексику» кино и выполняет функцию лексической единицы в киноповествовании. Как и более ранние исследователи, Ю. М. Лотман подчёркивает сходство языка кино и естественного языка и рассматривает совокупность кадров как «построенную во времени фразу» [4], которая может дублироваться, уточняться другими кадрами или оставаться незавершённой. Интерпретация кадра зависит от его структуры. Наиболее удачными Ю. М. Лотман находит элементы незавершённости и возможность разночтения, благодаря которым повышается информативность кинотекста.

Посредством кадров формируются два уровня значений. Первый уровень состоит в воспроизведении на экране предметов реального мира, в ходе которого устанавливается семантическое отношение между предметами реального мира и образами на экране. «Предметы становятся значениями воспроизводимых на экране образов» [4]. Второй уровень — добавочные значения (символические, метафорические, метонимические и т.д.), которые создаются благодаря смене планов, изменению скорости смены планов и другим специальным кинематографическим приёмам. Если для уровня первых значений достаточно единичного кадра, то вторые возникают посредством смены кадров, то есть необходима последовательность кадров. «Только в ряду сменяющих друг друга кадров раскрывается механизм различий и сочетаний, благодаря которому выделяются некоторые вторичные знаковые единицы» [4]. Кинозначение характеризуется именно изменением привычной для зрителя последовательности: элемент становится значимым, когда нарушаются ожидания, связанные с жизненным опытом зрителя или несоответствием с выработанными у зрителя представлениями о кино (кинематографическими штампами). Любые наруше-

ния заданного порядка расширяют возможности прочтения текста иначе. Такие возможности предоставляются зрителю через изменения внутрикадрового содержания путём создания слабой детерминированности или необъяснимости элементов внутри кадра. Данное наблюдение Ю.М. Лотмана хорошо иллюстрируют примеры пристального интереса к киноляпам и внезапным, с точки зрения линейного повествования, деталям кадров.

Согласно Ю. М. Лотману, в кадре всегда присутствует информация, представленная в виде знаков, которые необходимы для понимания замысла автора фильма. Формирование значения возможно только при условии определённого сочетания знаков. В этом отношении Ю. М. Лотман близок к идее Барта о том, что некоторые элементы кадра могут не предполагать значения, если понимать значение как более полную конкретизацию, отсылающую к глубине понимания кинообразов. Связывая кадры, режиссёр задаёт «порядок чтения», «синтаксис» фильма, который предлагается зрителю как трансформация художественного замысла. Зритель, знающий законы кинематографа, способен «прочесть» предлагаемый текст и войти в общение с автором фильма посредством текста кино.

Идеи Ю. М. Лотмана относительно знаковой природы кадра конкретизируют условия, при которых возможно понимание кинотекста как развёртывающейся истории о чём-либо и формирование тех значений, которые поддерживаются в большинстве массами. Однако концепция Лотмана не объясняет критерий отбора последовательностей кадров зрителем в процессе формирования значений, а также соотношение авторского и зрительского видения кинотекста. Также не раскрывается критерий определения элементов кадра, которые призваны нести значение, и тех, которые существенно незначимы для киноповествования в целом. Если проблема «отсева» кадров во время просмотра никогда не ставилась в рамках семиотики кино, то западные исследования кинематографа второй половины XX века скептически подходили к возможности формировать значения и тем более передавать авторскую точку зрения посредством фильмов.

В теоретических работах Р. Барта кадр рассматривается с точки зрения способности передавать сообщения и воспроизводить реальность [9–11]. Понятие кадра используется Р. Бартом для выявления специфики киносообщения, которое становится доступным для зрителя при условии знания культурного кода — общего для зрителя и режиссёра.

Актуализируя представления о структуре кадра, Р. Барт пытается доказать, что не все элементы кадра могут представлять собой сообщение, которое для Р. Барта равносильно знаку. Часть элементов кадра может просто воспроизводить действительность и ничего не объяснять. Такие элементы кадра не являются означающими и не несут значения, не связаны с означаемыми, а означаемое детерминировано, согласно Р. Барту, возможностью охарактеризовать поступок, отношение или состояние. Например, означаемым будет являться не «умереть», а «умереть по-гангстерски» [10].

По вопросу о способности передавать значение средствами кинематографа Р. Барт становится на противоречивую позицию. С одной стороны, Барт подчёркивает своё скептическое отношение к передаче значений, понимаемых как смыслы и, более того, полагает, что значение трансцендентно кинотексту: значение в фильме не показывается. С другой стороны, Барт даёт очень чёткое представление о том, что в тексте кино могут кодироваться ясные и точные значения, составляющие информативный и символический уровни смысла. Например, Р. Барт уходит от полисемичности в трактовке означающих, когда изучает первые два уровня смысла, прибегая к фотограммам Эйзенштейна. Более того, Р. Барт идёт дальше, говоря что «эйзенштейнский смысл испепеляет многозначность» [9]. Соответственно, Барт допускает существование непалисемичных кинотекстов, объявляя таковым искусство С. М. Эйзенштейна.

Достаточно категорична позиция Р. Барта и по вопросам культурной специфики кодирования кинотекста, соотносённости означаемого и означающего. Барт утверждает полисемичность как свойство восточного искусства (одно означающее выражает несколько означаемых, например «фонарное освещение» может быть прочитано как «световая дорожка на воде» или «озеро с кувшинками») и синонимичность как свойство западного (одно означаемое может выражаться несколькими означаемыми). В излишней синонимичности западного кинематографа, используемой как способ формирования значения, Барт видит недостаток: «Когда синонимия слишком обильна, то от этого возникает некоторая вульгарность: режиссёр нагромождает означающие, словно не доверяя понятливости зрителя» [9].

Говоря о западном искусстве, Барт снижает потенциал контекста при формировании значения, утверждая его важность только для восточного искусства, требующего уточнения, так как «знак там включается в сильно развитый, очень жёсткий символический

код» [9]. При анализе способов формирования значения Барт не учитывает опыт прочтения кинотекста самим зрителем и тот конечный вариант значения, который складывается после просмотра всего фильма. Если обратиться к кинотекстам, по которым выносятся суждения, то становится очевидным, что контекст присутствует всегда и существенно необходим, несмотря на свойство синонимичности. Не употребляя слово «контекст», Барт точно подмечает свойство кинематографа дублировать, удваивать и уточнять значение через синонимию, которая может в большей или меньшей степени проявляться у режиссёров. Критика некоторой «тоталитарности» в навязывании смысла, которая присутствует у Барта — это уже скорее дело вкуса и субъективное понимание целей и задач кинематографа. Режиссёр, в первую очередь тот, который снимает массовое кино, предоставляет зрителю возможность хотя бы одной ясной и точной трактовки, определённым образом выстраивая структуру кадра и повествования, — это обязательное условие для создания по меньшей мере интереса у массового зрителя. Судя по некоторым общим оценкам и трактовкам фильмов массами, первые два уровня значения, выделенные Бартом, успешно формируются кинематографистами, и многозначность, которая может иметь место при внимательном просмотре, старательно игнорируется массовым зрителем, тяготеющим к контрастным противопоставлениям и суждениям.

В работе «Третий смысл» [9] Р. Барт приходит к выводу об установке С. М. Эйзенштейна навязывать значения посредством увеличения означающих, связанных друг с другом (связь означающих — это неприемлемое условие формирования значения, по Ю. М. Лотману [4]). Согласно Барту, зритель Эйзенштейна входит в плотную систему подготовленных значений, к которым его подталкивают означающие, и может ощутить себя свободным лишь в почти неуловимых деталях, которые не включены в повествовательную структуру кинотекста и не могут быть описаны (означающие без означаемых). Барта больше всего волнует именно эта область третьего смысла, которая становится парадоксальной при попытке анализировать фильм. Новые элементы кадра, отсылающие к области третьего смысла, можно обнаружить, прибегая к фотограммам, фиксирующим недочёты или спонтанности в процессе съёмки. С нашей точки зрения, акцент на изучении способа формирования значения посредством анализа уровня третьего смысла довольно сомнителен при попытке связать третий смысл с информативным

и символическим уровнем в рамках целостного анализа повествования в фильме. Режиссёры в большинстве своём стараются избежать появления области третьего (открытого) смысла при построении кинотекста, допущение которого рассматривается как непрофессионализм и дилетантство (хотя Барт считает, что открытый смысл не подрывает повествовательности).

Выделение Бартом области третьего смысла как сферы свободы для зрителя, в которой зритель волен выбирать значения вне жёстких рамок, профессионально установленных режиссёром, ставит вопрос о возможности обнаружения таковой при стандартном просмотре фильма, не прибегая к паузам, замедлениям и фотограммам. В работе «Camera lucida», сравнивая фотографию и кинокадр, Р. Барт подмечает, что при ускоренном темпе смены кадров сознание зрителя не всегда успевает сосредоточиться на каждом из них [11]. Следует отметить, что темп смены кадров — это один из вариантов монтажа, который также является способом формирования значения. Первые и последние эпизоды бывают самыми значимыми для толкования фильма. Однако, замечание Барта необоснованно, если рассматривать кинопросмотр как процесс выхватывания или фиксирования отдельных кадров из общего ряда, что само по себе достаточно затруднительно, если кадр не остановлен во времени режиссёром или специально зрителем. Собственно говоря, кинематографическое искусство состоит и в выстраивании композиции кадра, но кадры группируются в фрагменты и эпизоды, которые вполне доступны для анализа во время просмотра. Зритель в состоянии уловить постоянные и изменяющиеся элементы больших последовательностей кадров и сделать выводы. Конечно, анализ отдельных кадров даёт очень много для понимания фильма в целом, уточняя и конкретизируя его, но составляет скорее последующий этап осмысления фильма.

Конкретизируя означаемое как «чаще всего некое состояние персонажа или его отношения с другими» [10], Барт связывает означаемое с социокультурным контекстом, что влечёт за собой разделение значений кадра на денотативные (буквальные) и коннотативные (обусловленные культурной спецификой). К. Мец выделяет коннотативный уровень значения как наиболее важный для понимания специфики кинематографа и рассматривает потенциал кадра с точки зрения парадигматических отношений (связь кадра с нашими представлениями), которые обуславливают коннотатив-

ный уровень значений и синтагматических отношений (связи кадра с другими кадрами фильма).

В противоположность Ю. М. Лотману, К. Мец подвергает критике идею о возможности создания языка кино и отмечает принципиальные отличия между кадрами как возможными единицами значений и словами. Во-первых, можно создать сколько угодно кадров, в отличие от слов лексикона, который ограничен. Тем не менее кадры близки словесным фразам: с помощью слов и кадров можно создавать множество утверждений. Во-вторых, кинокадры создаются авторами фильмов, а утверждения — говорящими или пишущими. В-третьих, кинокадры предоставляют бесконечное множество толкований. В-четвёртых, кадр означает не предмет, а скорее утверждение «здесь изображение того, что похоже на ...». В-пятых, кадры фильма предполагают альтернативы и комбинации — и их гораздо больше, чем у лексических единиц [2; 3, р. 41–42].

Хотя кинонарратив, согласно Мецу, не состоит из минимальных носителей значения, подобных словам, кадры, складываемые в фрагменты и эпизоды, составляют синтагмы наподобие утверждений, которые создаются посредством слов. Таким образом, К. Мец уходит от микроуровня кинонарратива к макроуровню, отнюдь не отрицая существования сегментов киноязыка, упорядочивающих пространство и время, благодаря монтажу. Сегменты кинонарратива подчиняются следующим принципам: единство действия, способ разграничения сегментов и синтагматическая структура. Синтагма (понятие заимствовано из лингвистики) — это система, в соответствии с которой единичные кадры могут группироваться, сохраняя целостность эпизода. Задача синтагм — объединение изображений в систему кинонарратива. В типологии синтагм К. Мец выделяет восемь синтагм разной степени сложности (автономный кадр, параллельная синтагма, дескриптивная синтагма, «сцена», последовательность эпизодов и т. д.) [2].

Теория синтагматического анализа К. Меца обладает преимуществом в плане изучения механизма построения уже существующего кинонарратива и встречает ряд возражений по вопросу определения способа формирования значения в рамках конкретной синтагмы. Например, для формирования конкретных значений требуются последовательности синтагм и целый фильм, а сам фильм может рассматриваться как большая вставка или разъяснение к кадру [3, р. 42]. Синтагматический анализ можно рассматривать как методологию анализа семиотических структур, которые формиру-

ют фильм как текст, и в этом отношении синтагматический анализ продуктивен с точки зрения возможностей изучения: 1) повествовательных составляющих (анализ последовательности кадров); 2) изобразительных средств как в отдельных кадрах, так и в последовательностях различных типов; 3) выделение ведущей последовательности кадров (ведущий эпизод), которая является центральной для формирования значений фильма. Однако синтагматический анализ, предложенный К. Мецем, не может в достаточной степени объяснить, как формируется значение посредством кадра.

Выводы. Обобщая сказанное, следует, что вышеуказанные семиотические исследования исходят из представления о кинокадре как знаке и совокупности знаков, отсылающих к означаемым различных уровней — от воспроизведения реальности до значений, имеющих социально-культурный подтекст. Композиция в кадре и последовательность кадров открывают путь для формирования значения, но не являются единственными условиями для понимания кинотекста. Способ оформления внутрикадрового содержания и способ включения кадра в последовательный ряд, взаимодействие кадров друг с другом также влияют на значение, как и означающие кадра. Кинокадр в любом значении (и как единичный кадр, и как последовательность кадров, заданная движением камерой) — это один из уровней построения кинотекста, который выделяется весомой информативностью с точки зрения повествовательных и изобразительных аспектов. Представление о фильме, исходя из кинотекста, формируется за счёт кадров и монтажа; благодаря анализу отдельных кадров и их последовательностей (фрагментов, эпизодов) можно анализировать те структуры, которые формируют систему значений фильма. Логика компоновки кадров в фильме указывает на трансформацию и изменения в кинотексте, познавая которые, зритель делает выводы о том, что происходит на экране. Как показывают массовые рецензии, восприятие фильмов массовым зрителем достаточно стереотипизировано и возможно отследить самую популярную трактовку фильма, которая не учитывает детального анализа на уровне единичных кадров и ориентируется на общие представления об эпизодах.

Кадр может служить основанием для различных интерпретаций, которые не только отталкиваются от конкретного кинотекста, но и претерпевают воздействие факторов, выходящих за его рамки: например, мировоззренческие установки зрителя и опыт просмотра кинолент. Опираясь на вышеизложенные исследования,

можно сказать, что специфические проблемы формирования значения посредством кадра сводятся к следующим. Во-первых, кадр не является минимальным носителем значения в кинематографе, так как уже состоит из означающих, связанных со значениями различных уровней. Во-вторых, существует принцип соотношения целого и частей фильма, представленных кадрами. Значение кадра не обуславливает общего значения фильма — соответственно, возникает вопрос о роли кадра в общем представлении о фильме. В-третьих, возникает проблема кодирования информации в кадре, связанная с введением кинематографического кода авторами фильма, считыванием и расшифровкой кода зрителями. В-четвёртых, остаётся проблема нахождения критерия отнесения элементов кадра к означающим разных уровней — от простого воспроизведения реальности до формирования социокультурных коннотаций.

Библиографический список

1. Danesi M. Messages, Signs, and Meanings: A Basic Textbook in Semiotics and Communication. Toronto, Ontario.: Canadian Scholars Press, 2004. P. 393.
2. Metz C. Film language: A semiotics of the cinema. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 268.
3. Stam R., Burgoyne R., Flitterman-Lewis S. New Vocabularies in Film Semiotics: Structuralism, post-structuralism and beyond. London, NY.: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 246.
4. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти-Раамат, 1973. URL: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (дата обращения: 1.06.2019).
5. Лотман Ю. Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин: Александра, 1994. URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/dialsekr.pdf> (дата обращения: 1.06.2019).
6. Балаш Б. Дух фильма. URL: http://biblioteka.teatr-obraz.ru/files/file/Teoriya_kino/Balash_duh_filma.doc (дата обращения: 23.05.2018).
7. Эйзенштейн С.М. Монтаж. М.: Музей кино, 2000. 588 с.
8. Штейн С. Онтология кино // Менеджер. Кино: журнал для профессионалов. 2009. № 8. С. 58–64.
9. Барт Р. Третий смысл. Исследовательские заметки о нескольких фотограммах С.М. Эйзенштейна URL: <http://kinoseminar.livejournal.com/103289.html> (дата обращения: 31. 05. 2018 г.).
10. Барт Р. Проблема значения в кино // Р. Барт. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2004. 512 с.
11. Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 2004. 224 с.

References

1. Danesi M. *Messages, Signs, and Meanings: A Basic Textbook in Semiotics and Communication*. Toronto, Ontario.: Canadian Scholars Press, 2004, p. 393.
2. Metz C. *Film language: A semiotics of the cinema*. Chicago: University of Chicago Press, 1991, p. 268.
3. Stam R., Burgoyne R., Flitterman-Lewis S. *New Vocabularies in Film Semiotics: Structuralism, post-structuralism and beyond*. London, NY.: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2005, p.246.
4. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki*. Tallin, Eesti-Raamat, 1973. Available at: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (accessed 1.06.2019).
5. Lotman Yu. Civ'yan YU. *Dialog s ekranom*. Tallin, Aleksandra, 1994. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/dialsekr.pdf> (accessed 1.06.2019).
6. Balash B. *Duh fil'my*. Available at: http://biblioteka.teatr-obraz.ru/files/file/Teoriya_kino/Balash_duh_filma.doc (accessed 23.05.2018).
7. Ejzenshtejn S. M. *Montazh*. Moscow, Muzej kino, 2000, 588 p.
8. Shtejn S. Ontologiya kino. *Menedzher. Kino: zhurnal dlya professionalov*, 2009, no. 8, pp. 58–64.
9. Bart R. *Tretij smysl. Issledovatel'skie zametki o neskol'kih fotogrammah S. M. Ejzenshtejna*. Available at: <http://kinoseminar.livejournal.com/103289.html> (accessed 31.05.2018 g.).
10. Bart R. Problema znacheniya v kino. R. Bart. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2004. 512 p.
11. Bart R. *Samera lucida*. Moscow, Ad Marginem, 2004. 224 p.

Ю. А. Лагутенко

аспирант, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Роль наблюдателя и концепт «камень» в христианской традиции духовной культуры Коми края

В статье на примере концепта «камень» анализируется духовная культура как личностный выбор/опыт и надындивидуальная память через возможности современной французской феноменологии. Описывая факт истории с применением христианского экзегетического метода, в исследование приводятся философские основания. Указывается на преимущество в определенный момент богословской интерпретации перед логической мыслью науки, например перед историко-критическим прочтением. Делается вывод о коннотации концепта «камень» как метафоры человека в христианской традиции, сопровождаемый не количественными, а качественными мнениями ученых, святоотеческими комментариями, актуальность которого зиждется на роли самого наблюдателя, включенного в процесс наблюдения как субъекта из объекта невы выводимого.

Ключевые слова: *пресуппозиция, герменевтика, интенциональность, духовная культура, концепт, феномен, камень, метанарратив.*

Yu. A. Lagutenko

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

The Role of the Observer and the Concept of “Stone” in the Christian Tradition Spiritual Culture of Komi Region

This article analyzes, on the example of the concept “stone”, spiritual culture as a personal choice/experience and supra-individual memory through the possibilities of modern French phenomenology. Describing the fact of history using the Christian exegetical method, philosophical grounds are introduced into the study. The advantage of theological interpretation over the logical thought of science, for example, before historical and critical reading, is pointed out. The conclusion is made about the connotation of the concept of “stone” as a metaphor of man in the Christian tradition, accompanied not by quantitative but qualitative opinions of scientists, patristic comments, the relevance of which is based on the role of the observer himself, included in the observation process, as an irreducible subject.

Keywords: *presupposition, hermeneutics, intentionality, spiritual culture, concept, phenomenon, stone, metanarrative.*

Пресуппозиция наблюдателя определяет его интенциональность, предполагающую конкретную картину мира, а значит, мышление и сознание. Это преломление восприятия, видения мира проецирующим выявляет духовную культуру наблюдателя, где в значении последнего выступает человек как Я и человек как Другие¹.

Духовную культуру в данном контексте мы рассматриваем как культуру духа, т. е. выбор и стремление к тому порождающему началу движения сознания, которое втягивает в себя образы, проецирующие смыслы, утверждающие человека экзистенциально в его деятельности, создает события, ценности; сознания, конституирующего первоначала и первопричины как Бога, предельные смыслы, эсхатологию.

Рассмотрим на примере концепта «камень», как синтез мифологического и логического мышления в духовной культуре создает характерную проекцию сознания, отражая по-своему «мгновенное схватывание вселенной»².

На Русском Севере камень использовался в строительстве с практической целью как основа фундамента. Но есть и символическое значение в закладке камня, сохраняющее, наряду с рецепцией христианской традиции, мифологическое значение божества³.

Концепт «камень» в христианской традиции определяется Книгой книг, т. е. корпусом книг, включающим тексты Священного Писания и Священного Предания. Так, например, из преданий о св.

¹ Речь идет об актуализации опыта, который приобретен в прошлом Другими. Индивидуальные опыт и память требуют поддержки культурных форм, составляющих «корсет социальности» нашего Я. См.: Макаров А. И. Понятие надындивидуальной памяти: философские аспекты // Вестник ВолГУ. Серия 7. 2008. № 1 (7). С. 33.

² Термин, который употребляется в современной французской феноменологической философии. См.: Нестерук А. В. Парадокс человеческой субъективности как центральная проблема диалога богословия и науки // Сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=651&v=nRYgH43mcfE (дата обращения: 10.07.2019).

³ Первоначально камень олицетворял собой божество. У древних людей божества выполнены были в виде стоящего камня. См.: Иванов Вач. Вс. Культ камней у хеттов в древней Малой Азии // Сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eAZ_vEhnHxI (дата обращения: 10.07.2019).

Стефане Пермском известно, что плыл он на камне против течения [1, с. 7]. Т.е. камень — это идея, в значении идеологии, как системы ориентиров, «краеугольный камень», от которого строился «дом культуры», ориентируясь на духовно-мистическую и религиозную понятность, «план», опирающийся на «энергийный» источник, который дает представление о том, как надо строить «дом»¹. Исследователь О. А. Черепанова сообщает, ссылаясь на этнографические, фольклорные материалы экспедиций, о распространенном на Русском Севере поверье о том, что нечисть может «запихать» человека под угол дома, как бы помещая его в иное пространство [2]. Таким образом, закладка камня в основание дома как краеугольного освящала пространство под ним, а в фундаменте храма, согласно евангельским словам, являлась основанием: «...и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (Мф. 16:18).

По мнению св. И. Кронштадского, «всеми святыми отцами, первых и последующих веков, признано и самыми первыми, православными папами, что под основным Камнем надо разуместь Самого Иисуса Христа — *«Камень же был Христос»* (1 Кор. 10:4)» [3]. В среде современных исследователей концепт «камень» был проработан и сформулирован культурологом и литературоведом Т. А. Касаткиной. По мнению исследователя, камень — это человек [4]. Таким образом, концепт «камень» содержит в себе метанарратив, репрезентирующий смыслы, свидетельствующие о том, что настоящее культуру обременено прошлым.

Для анализа феномена, описания предметов и результатов исследования мы обратились за помощью к герменевтике. На примере найденных артефактов в городе Сыктывкаре и районах Республики Коми мы пришли к выводу, что произошли изменения в метанарративе, а значит и в пресуппозиции наблюдателя. Возможно, стоит говорить о смещении с мифологического, в значении «мифоса», на логический, в значении «логоса», типа мышления в христианской традиции, в результате чего концепт «камня» переносится с предмета на самого человека, согласно евангельским словам, т. к. человек несет в себе архетип Христа [5]. Т. е. камень не просто оли-

¹ См.: литографию А. Дюрера «Меланхолия», где дева как персонифицированный образ души мира, безуспешно пыталась строить дом, т. к. «она потеряла план, оторвавшись от энергийного источника, который дает представление о том, как надо строить дом» (Гильманов В. Х. Из истории европейской мистики. Массонство (часть I) // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LEB32EC2vGY> (дата обращения: 10.07.2019)).

цетворяет божество/Бога, а человека, несущего в себе Христа. Приведем несколько цитат из евангельского текста.

«Я говорю тебе: ты — Петр («скала, камень» — примеч. А. Меня), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (Мф. 16:18).

«...Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Лк. 3:8).

«Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный...» (1 Пет. 2:4). Здесь человек выступает в качестве камня, т.е. строительного материала иного, высшего слоя реальности [4].

«...побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2:17). Т.е. камень как новая сущность и сердцевина человека [4].

Речь идет об интерпретации как о переинтерпретации, которая является непрекращающимся процессом. Поэтому герменевтика концепта «камень» в данном тексте культуры возможна только с позиций богословских, поскольку логическое рассуждение, основанное на обыденном знании, придет в тупик¹.

Возникновению данной гипотезы послужили материалы экспедиций. Нами были собраны сведения о деревянных храмах и часовнях XVII, XVIII, начала XIX века, которые в своем основании имеют валуны, булыжные камни. Это деревня Нижний Койтыбож, деревни Березники, Степановка² [6] села Ыб Сыктывдинского района. На месте утраченных часовен и церквей села Ыб также сохранились валуны³. Яркое выражено наличие валунов в основании стен каменной Михаило-Архангельской часовни в с. Усть-Вымь.

¹ Данное мнение высказывается рядом исследователей, в частности А. В. Нестеруком. См.: Нестерук А. В. Метод онтологии и метод теологии // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EGj3ior32Ys> (дата обращения: 25.06.2019).

² Роль фундамента играют валуны, установленные под углами и перерубами здания, между ними — фундамент из деревянных свай. См.: Описание памятника из Паспорта памятника «Часовня Святителя Стефана Пермского», 1896 года постройки. № 1.62.15. (05.08.2004) // Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ. Отдел (инспекция) по охране недвижимых памятников истории и культуры. Копия.

³ Церковь св. Параскевы в д. Чулиб села Ыб (19 в. постройки) не уцелела, но от нее также остались валуны.

В селе Кылтово Усть-Вымского района Республики Коми, на территории восстанавливающегося Кылтовского женского монастыря, находятся валуны, бывшие в основе фундамента деревянной церкви Св. Стефана Пермского, разрушенной в годы советской власти. Валуны лежат вместе, в количестве 9 штук.

***Сохранившиеся валуны от храма св. Стефана Пермского
в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре,
с. Кылтово Усть-Вымского района РК (фото автора статьи)***

По свидетельствам матушек монастыря, валуны оттеснили в сторону во время распахки колхозной земли. Поэтому установить точное местоположение церкви теперь затруднительно. Однако сам факт и их судьба породили гипотезу о том, что в Сыктывкаре, на территории современного Кировского парка, около «замка Берендея», находящиеся валуны, схожие один в один по размеру и плоским краям с кылтовскими — артефакты духовной культуры, а именно, являлись частью фундамента храмов Троицкого прихода.

***Валун на территории «Детского парка» в парке им. Кирова,
г. Сыктывкар (фото автора статьи)***

Известно, что первое поселение, давшее начало городу, располагалось именно здесь [7, с. 12]. В этом погосте стояла деревянная, срубленная в виде четырехстенной избы-клети, теплая церковь св. Георгия Победоносца, упоминаемая в писцовой книге 1586 года, а с 1646 года и холодная Троицкая деревянная церковь, простоявшие вплоть до времени постройки каменной Покровской церкви, освященной в 1740 г. А почти через 70 лет сложился и весь комплекс Троицкого собора [7, с. 141–144].

На территории парка нами было обнаружено большое количество валунов.

***Валуны на территории «Детского парка» в парке им. Кирова,
г. Сыктывкар (фото автора статьи)***

Поскольку валуны большие и довольно тяжелые, то можно заключить, что их привезли не издалека для строительства «замка» и нашли им применение на месте организованного парка для детей. Следуя этой логике, валуны и камни, вмонтированные в обрамление берендеевского пруда, тоже из церковного фундамента.

Эту гипотезу подтверждает материал, собранный нами ранее, в д. Березник села Ыб Сыктывдинского района Республики Коми. В данной деревне находится деревянная часовня св. Николая Чудотворца, 1732 года постройки [8]. Она стоит на валунах больших и плоских, расположенных под основными краями строения. Более маленькие поддерживают стены.

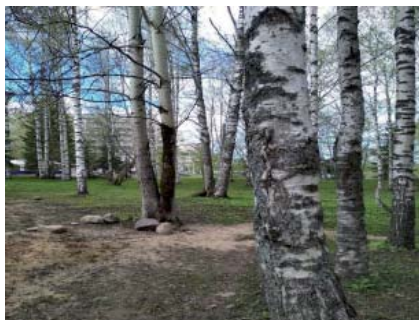

Фото валунов, вмонтированных в оформление «замка Берендея» на территории «Детского парка» в парке им. Кирова, г. Сыктывкар (фото автора статьи)

Фундамент (валуны) часовни св. Николая Чудотворца в д. Березник с. Ыб РК (фото автора статьи)

Другим примером может служить часовня св. Прокопия и Иоанна Устюжских в д. Нижний Койтыбож, 1776 года постройки. Часовня стоит на валунах и камнях, обилие которых создает буквально выстланную площадку.

***Часовня св. Прокопия и Иоанна Устюжских
в д. Нижний Койтыбож. Рисунок из книги И.Н. Щургина
«От лесной избушки до церкви дивной»***

Любопытным является и факт использования подобных валунов и камней при строительстве надвратной часовни в уже упоминаемом нами Кылтовском монастыре. Остов въездных ворот с когда-то бывшей там часовней обнаруживает в основании огромные валуны с плоской поверхностью и камни, вмонтированные в фундамент строения.

***Фундамент въездных ворот с надвратной церковью
(фото автора статьи)***

Подтверждением данного рассуждения может служить и гипотеза о найденных валунах, предположительно, от деревянной Нижнеконской церкви села Тентюково. Крестовоздвиженская церковь села, построенная в конце XIX века, была закрыта в начале 1930-х годов. По свидетельствам-воспоминаниям старожилов, церковь после закрытия сельчане разобрали и перенесли в центр Тентюково¹.

¹ Информация записана со слов старожила села Ю. В. Вавиловой, 1938 г. р.

Следует также учитывать, что ее перенесли вместе с валунами. Еще в середине 1940-х годов она стояла на новом месте. Однако, после строительства в этих местах нового микрорайона «Орбита», установить местонахождение церкви стало проблематичным. Единственным указанием сегодня может служить местоположение валунов, которые не вывозились, а, вероятно, лишь сдвигались при новой застройке. Последним местом их нахождения была территория ТЦ «ТерраНова», на Покровском бульваре города Сыктывкара.

Итак, можно заключить, что обнаруженные валуны и булыжные камни, находящиеся в непосредственной близости от местонахождения в прошлом храмовых сооружений, являются частью фундаментов церквей, часовен, ныне утраченных. При этом наше предположение о том, что найденные валуны в Кировском парке, на территории «Детского парка», относятся к более ранним по времени Георгиевской и Троицкой церквям, а не к фундаменту каменного Троицкого Собора, основывается на следующей находке, сделанной там же, в парке.

При реконструкции парковой зоны в 2017 году работы были выполнены не в полном объеме. Это послужило тому, что не все следы истории удалось уничтожить. В начале мая 2019 года, при отсутствии дождей и обильной растительности, обрушилась часть земли за скейт-площадкой, где обнажилась, предположительно, часть фундамента Троицкого собора, которая считалась давно утраченной, сползшей в реку [9]. Этот обвал открыл срез, где видно, что под слоем асфальта, бетона/цемента образовалась небольшая пустота и обнажились кирпичи.

*Предположительно, сохранившаяся кладка фундамента
Троицкого собора на территории парка им. Кирова
(фото автора статьи)*

Несколько извлеченных кирпичей оказались разными по размеру, целыми, с неровными краями отверстий в одном из них. Кирпич крепкий, плотный, тяжелый.

Предположительно, кирпич из кладки Троицкого собора на территории парка им. Кирова (фото автора статьи)

Обследование территории показало, что при продвижении от данного места в сторону «замка Берендея» оставшаяся часть асфальтированной дорожки, грубо обрезанная строительной техникой «реконструкторов», имеет в своей основе слои: асфальт, бетон/цемент, щебень. Кирпича нет в грунте. Осмотр участка в сторону здания судмедэкспертизы, т. е. в противоположную от места собора, показал, что там так же, как и за «замком Берендея», асфальтовая дорожка, срезанная по ребру, имеет в основании асфальт, цемент/бетон, щебень. Кирпича нет. Весь участок почвы, за остатками металлического строительного забора, за скейт-площадкой, имеет внутренний слой кирпича.

Предположительно, сохранившийся фундамент Троицкого собора на территории парка им. Кирова (фото автора статьи)

В нескольких метрах от скейт-площадки, в сторону «замка Берендея», в земле, под корнями деревьев, обнаружился большой фрагмент кирпичной стены со следами штукатурки.

***Предположительно, сохранившийся фрагмента стены
Троицкого собора на территории «Детского парка» в парке
им. Кирова (фото автора статьи)***

Эти находки дают основание думать, что от церквей остались валуны, а от собора — часть фундамента и фрагмент стены. Возможно, при разборе Троицкого комплекса в 1930-е годы [7, с. 174] фундамент трогать не стали, а на его месте, заасфальтировав, размещали с началом устройства парка различные объекты: выставочные павильоны, танцплощадки и т. д.

Косвенным подтверждением могут служить слова М. Б. Рогачева, ссылающегося на свидетельства кандидата исторических наук, Ольги Зезеговой, о том, что основной кирпич был неликвидный для строительства [9]. Следовательно, кирпич, который уходил/углублялся в землю, тем более был не пригоден. Вместе с тем известно, что Сухановы заготовили 200 пудов¹ камня для фундамента [7, с. 141]. Полученные сведения дают основание предполагать,

¹ Для Стефановской церкви был также заготовлен «булыжный камень» для фундамента, впоследствии храм взорвали, остатки кирпича разобрали на печи, а сам фундамент остался на Стефановской площади и покоится засыпанный землей, под возвышением со ступеньками, где стоит памятник Ленину и сквер. См.: Рогачев М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX века. Сыктывкар, 2010. С. 147; Рогачев М. Б. Храмы, которые мы потеряли // Сайт. URL: <http://respublika11.ru/2016/02/17/hramyi-kotoryie-myi-poteryali/> (дата обращения: 10.07.2019).

что при обследовании обнажившегося «фундамента» Троицкого собора в Кировском парке при дальнейших изыскательных работах археологов-историков можно будет обнаружить камни и валуны в кирпичном основании, кладке.

Но эта же находка может служить и опровержением гипотезы о принадлежности разрозненных валунов церквям деревянного Троицкого прихода, поскольку они могут быть валунами, изъятими из основания каменного Троицкого фундамента. Так как для строительства храма требовался камень для закладки фундамента, то гипотетические валуны прежнего Троицкого прихода должны были быть использованы при новом строительстве. Также найденные валуны и булыжные камни в пруду «замка Берендея» могут быть из числа упомянутых 200 пудов, заготовленных купцами для строительства собора.

Сегодня при возведении новой церкви, часовни ни валуны, ни булыжные камни не используются. Им на смену пришел новый фундамент и винтовые сваи. По словам информанта, «сейчас валуны и булыжные камни не закладывают, все на цементе, используется арматура, работы ведутся с проектами, согласно которым надо закапываться до незамерзающих слоев или глин твердых, чтоб не пучило. И только в деревнях, возможно, для дешевизны используют по-прежнему валуны»¹.

Описанный исторический факт обнаруживает, что сакральное значение камня, концептуальная значимость в его прежнем виде исчезла. Мы видим, что камни снова стали камнями. И вот уже рядом с местом, где стояла Богородичная тюремная церковь, около нынешнего здания МВД по ул. Домны Каликовой города Сыктывкара, разбита «альпийская горка», на которой покоится характерной внешности и размеров большой валун.

При анализе был применен экзегетический метод для извлечения смыслов². Таким образом, на буквально-историческом уровне истолкования установлена принадлежность камней к местам сакральных объектов, где ранее располагались христианские сооружения.

¹ Информация записана со слов иерея Сергия Минина, священника Свято-Вознесенского храма г. Сыктывкара Сыктывкарской и Коми-Зырянской епархии Московского патриархата, окормляющего приходы п. Урьель и с. Керос.

² В богословском подходе применяется экзегетическая методология св. Иоанна Кассиана Римлянина, рассматривающая текст на 4 уровнях. См.: Касаткина Т. А. Экзегеза Достоевского // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=W3iCXxzPGVk> (дата обращения: 10.07.2019).

Типологический уровень толкования обнаруживает религиозную «понимательность»¹ образа камня как прообраза самого Христа.

Богословская интерпретация извлеченных смыслов эксплицирует событие как традицию надындивидуальной памяти духовной культуры — в данном контексте речь идет о трансляции цели, основной мотив которой — это достижение спасения посредством христианского метода, артикулируемого еще в греческой патристике первых веков, — в конкретный культурно-исторический период, где при помощи концептов, подобных концепту «камень», строится та реальность, которая достигается христианским методом. Так «от абстрактного положения в акте сознания, когда мы оппозиционируем некий объект как интенциональный коррелят нашего сознания, мы идем к этому объекту в совершенно конкретном методе, в котором происходит конституирование божества в нашем сознании» [10].

Богословский подход, деконструируя символику камня как элемент сакрального искусства, указывает на «предлежащие, фактические основания сознания» [5], осуществляя онтологизацию в экклезиологическом измерении [10]. А значит герменевтика при убиении экклезиологического аспекта как «осознавание», как «селекция альтернативы» [11], будет осуществляться наблюдателем с позиций как одна из мифологических систем, определяя понимание феномена в каждую конкретную эпоху, здесь и сейчас по-своему, отражая пресуппозицию референтной группы как духовную культуру, где «культура» — результаты, проявление [10] «духа» — разума, который наружу вышел [12].

В этой связи следует учитывать, что изучение духовной культуры как феномена с точки зрения уже не философского вопрошания, а строго научного подхода, не может быть объективировано и конституируемо², т. к. наблюдатель не может быть вынесен за скобки наблюдения. Поэтому подобная проекция имплицитно, на протяжении всего хода исследования, будет содержать позицию и самого автора статьи как наблюдателя, проявляя специфику интенциональности его сознания, направленного на определенный аспект опыта, т. е. нарратив «моего» сознания, его иновоплощение, осуществляя «мгновенное схватывание мира».

¹ Термин В. Х. Гильманова.

² См.: Нестерук А. В. Философские проблемы современной космологии и богословия // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GSZcaqiyaDw> (дата обращения: 10.07.2019).

Поскольку, по мнению философа А. В. Нестерука, согласно современной французской феноменологической философии, стандартная схема представления феноменов, превосходящих субъективное познание, невозможна внутри классически понимаемых рубрик сознания, превосходя их, они становятся «насыщенными феноменами», осуществляя конституцию субъективных антропологических, когнитивных способностей. Поэтому, когда мы говорим о предельных категориях, мы пытаемся рассуждать о присутствии и удержании трансцендентного в имманентном. При этом причинный принцип мира закрыт, а это означает, что можно говорить о предлагаемом основании сознания, который дан нам как экзистенциально насыщенный феномен, в результате чего конституируется сам человек [9]. Таким образом, с позиций современной феноменологии, «Бог» и «Дух» — это насыщенные феномены, с позиций кантовского анализа — идеальные «объекты», которые определяют начало и телеологичность самого человека. Однако при построении теории человек стремится свести множественность к единству, сохраняя субъективность сознания, восприятия реальности, эксплицируя свое состояние.

Концепт «камень» проблематизирует вопрос исследования феноменов духовной культуры как «внешние» или «внутренние» феномены, как описание некоей сущности, при которой будет использоваться конкретно-исторический научный метод или анализ того, что выходит за рамки строго научного исследования, как «сокрытая» или «нескрытая» части реальности, в традиционном смысле или в духе феноменологии, возможный лишь в условиях общего поля, как бэкграунда, — философии, но без поиска метафизического единства.

Библиографический список

1. Мальцев В. И. «А на погосте церковь...» / МУК «Сыктывдинская ЦБС», Ыбский филиал ; [сост.]. Ыб, 2010. 24 с.
2. Черепанова О. А. Текст как хранитель культурной информации // Сайт. URL: https://vk.com/wall-6827569?offset=60&owners_only=1&q=%23%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%A4%D0%9D%D0%9A (дата обращения: 10.06.2019).
3. Кронштадский И. Толкования на Мф. 16:18 // Сайт. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:16:18> (дата обращения: 14.07.2019).
4. Касаткина Т. А. «Композиция текста» и анализ концепта «камень» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Сайт. URL: <https://www.>

youtube.com/watch?time_continue=5186&v=F-ewH2nCENQ (дата обращения: 10.07.2019).

5. Нестерук А. В. Парадокс человеческой субъективности как центральная проблема диалога богословия и науки // Сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=651&v=nRYgH43mcfE (дата обращения: 14.07.2019).

6. Паспорт памятника «Часовня Святителя Стефана Пермского», 1896 года постройки. № 1.62.15 // Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ. Отдел (инспекция) по охране недвижимых памятников истории и культуры. Копия (дата обращения: 20.11.2004).

7. Рогачев М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX века. Сыктывкар, 2010. 246 с.

8. НА РК. Часовни Ибского с/совета. Ф. 234, оп. 1., ед. хр. 90, л. 3.

9. Рогачев М. Б. Храмы, которые мы потеряли // Сайт. URL: <http://re-spublika11.ru/2016/02/17/hramyi-kotoryie-myi-poteryali/> (дата обращения: 14.07.2019).

10. Нестерук А. В. Метод онтологии и метод теологии // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EGj3ior32Ys> (дата обращения: 25.06.2019).

11. Менский М. Квантовый мир и сознание // Сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=kZJQeZpxhRE (дата обращения: 10.07.2019).

12. Макаров А. И. Мирча Элиаде о структуре и функциях мифа // Сайт. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=9&v=n_-EgxsZqiY (дата обращения: 22.07.2019).

13. Нестерук А. В. Философские проблемы современной космологии и богословия // Сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GSZcaqiyaDw> (дата обращения: 27.06.2019).

References

1. Maltsev V. I. "And on the churchyard by the Church..." / MOOK "Syktvykar CBS"; [comp.]. Yb, 2010, 24 p.

2. Cherepanova O. A. Text as a Keeper of cultural information. Available at: https://vk.com/wall-6827569?offset=60&owners_only=1&q=%23%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%A4%D0%9D%D0%9A (accessed 10.06.2019).

3. Kronshtadsky I. Interpretation on MT. 16: 18. Available at: <http://bible.optina.ru/new:mf:16:18> (accessed 14.07.2019).

4. Kasatkina T. A. "Composition of the text" and analysis of the concept "stone" in the novel by F. M. Dostoevsky "Brothers Karamazov". Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5186&v=F-ewH2nCENQ (accessed 10.07.2019).

5. Nesteruk A. V. Paradox of human subjectivity as the Central problem of dialogue between theology and science. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=651&v=nRYgH43mcfE (accessed 14.07.2019).
6. Passport of the monument "Chapel of St. Stephen of Perm", built in 1896]. No. 1.62.15. Ministry of culture and mass communications of the Russian Federation. Department (inspection) for the protection of immovable monuments of history and culture. Copy. (accessed: 20.11.2004).
7. Rogachev M. B. The Capital of zyryansky Krai: essays on the history of Ust-Sysolsk of the late XVIII — early XX centuries. Syktyvkar, 2010, 246 p.
8. ON RK. Chapels of the IBS s / Council. F. 234, op. 1., ed. 90, p. 3.
9. Rogachev M. B. Temples that we lost. Available at: <http://respublika11.ru/2016/02/17/hramyi-kotoryie-myi-poteryali/> (accessed 14.07.2019).
10. Nesteruk A. V. Method of ontology and method of theology. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EGj3ior32Ys> (accessed 25.06.2019).
11. Mensky M. Quantum world and consciousness. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=kZJQeZpxhRE (accessed 10.07.2019).
12. Makarov A. I. Mircea Eliade on the structure and functions of myth. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=9&v=n_-EgxsZqiY (accessed 22.07.2019).
13. Nesteruk A. V. Philosophical problems of modern cosmology and theology. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=GSZcaqiyaDw> (accessed 27.06.2019).

Т. В. Пушкарева, Д. В. Орехов

Российский государственный социальный университет, Москва

Социально-культурные функции монет: ценность, память, идентичность*

В статье рассматривается монета как социокультурный феномен, подчеркивается ее универсальный характер в истории культуры, раскрывается необходимость разработки типологии социально-культурных функций монеты. Предлагается и обосновывается авторская типология, в рамках которой различаются идеологические и внеидеологические функции монеты. К идеологическим функциям авторы относят политическую, мемориальную, идентификационную функции. К внеидеологическим функциям — эстетическую, этическую, технологическую, просветительскую, игровую, ритуальную, бытовую, медиафункцию. Также вводится разделение на первичные и вторичные функции монеты. Предложенный подход позволяет не только осмыслить место монеты в истории культуры и общества, но и проанализировать современную практику чеканки монеты как архаическую форму мемориализации и репрезентации актуальных ценностных установок.

Ключевые слова: монета, социально-культурная функция, культурная универсалия, культурная память, мемориализация.

T. V. Pushkareva, D. V. Orekhov

Russian State Social University Moscow, Russia

Socio-Cultural Functions of Coins: Value, Memory, Identity

The article considers the coin as a cultural phenomenon, emphasizing its universal character in the history of culture and revealing the need to develop a typology of its socio-cultural functions. The author's own typology is proposed and justified, within which ideological and extra-ideological functions of a coin are

© Пушкарева Т. В., Орехов Д. В., 2019

* Статья создана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)», реализуемого Региональной общественной организацией «Сообщество профессиональных социологов».

distinguished. The ideological functions include political, memorial, identification functions. Such functions as aesthetic, ethical, technological, educational, playing, ritual, and household are referred to as extra-ideological. A division into primary and secondary coin functions is also introduced. The proposed approach allows not only to comprehend the place of a coin in the history of culture and society, but also to analyze the modern practice of coining as an archaic form of memorialization and representation of relevant value orientations.

Keywords: coin, socio-cultural function, cultural universal, cultural memory, memorialization.

Монета – это экономическая и социокультурная универсалия, она появляется на стадии классового общества и продолжает свое существование по сегодняшний день. Это довольно сложный феномен, имеющий, по крайней мере, четыре стороны: это эквивалент экономического обмена, сделанный из металла; это форма манифестации социальной и политической власти; это предмет высокотехнологического художественного ремесла; это воплощение ценностных установок эпохи.

Начало чеканки монет в истории того или иного общества всегда говорит об определённой ступени его развития: социально-экономического, политического и культурного. Монеты чрезвычайно важны как источник при анализе экономической истории; именно по развитию монет можно проследить процессы изменения весовых систем, освоение обработки металлов, динамику развития государства и распределение политических сил (например, по усилению или ослаблению монетной эмиссии). В монете, как в изделии художественного ремесла, отражается уровень развития искусства, науки и техники. Очень часто это настоящие шедевры художественного творчества. Денежная эмиссия является прерогативой государства и всегда нацелена на трансляцию государственных символов и своеобразную фиксацию государственных интересов. Очевидно, что в культурном смысле монета — это сложный синтетический социокультурный феномен, получивший повсеместное распространение, а значит, заслуживающий изучения именно в этом качестве.

Однако до сих пор монета изучалась преимущественно эмпирическими, описательными методами нумизматики [1]. И сейчас появились условия для того, чтобы дополнить достижения нумизматики и рассмотреть феномен монеты в общем социокультурном контексте. Нынешние тенденции развития денежной системы — виртуализация денежных потоков в современной экономике, распространение криптовалют — позволяют нам посмотреть на монету

как на завершённый в своем историко-культурном развитии артефакт. Осмысляя пройденную монетой историческую дистанцию, легко увидеть и оценить все многообразие социокультурных функций, выполняемых монетой на всех этапах истории обществ.

Расширение научного фокуса, а именно попытка взглянуть на историю монет с культурологической точки зрения — через выполняемые монетой социокультурные функции — поможет глубже понять историю и современное состояние обществ и культур, получить новое теоретическое знание об универсалиях культуры, что позволит также обогатить и саму нумизматику.

В поставленные задачи настоящей статьи входит анализ научных традиций изучения монеты в гуманитарных науках и обоснование авторской типологии социально-культурных функций монет.

В Европе научный интерес к изучению монет начался с коллекционирования. Коллекционирование античных монет приобрело в эпоху Возрождения характер моды, и в XVI веке в Европе насчитывалось более 950 мюнцкабинетов — частных собраний монет. В качестве самостоятельных источников исторических исследований монеты стали рассматриваться в XVIII веке, именно тогда возникает метод критики исторических источников. Основоположником нумизматики называют аббата И. Экеля, в его работе «*Doctrina Numorum Veterum*» (1792) была предложена оригинальная система классификации монет, которая до сих пор не утратила своего значения. Термин «нумизматика» возник в средние века и представляет собой латинскую модификацию греческого слова «νóμισμα» («монета»), которое в этом значении было известно уже в V в. до н. э. и через города Великой Греции перешло в Древний Рим [2, с. 204]. С XIX века нумизматика важна, прежде всего, для экономической истории, она рассматривает монеты в контексте истории денег [3].

Огромный вклад в изучение монеты и денег внес отечественный экономист И. М. Кулишер (1878–1933), который, опираясь на работы К. Маркса, представил первый систематический, хотя и краткий, обзор формирования денежной системы в истории человечества [4, с. 1–20]. Зарождение денежной системы предполагает несколько стадий. Стадия первая — формирование натурального обмена и установление бартера. При переходе на вторую стадию, стадию безмонетного периода, происходит рост и расширение торговых связей, что рождает потребность в появлении товара с бивалютной конвертацией. Именно этим свойством обладает скот — наиболее распространенный товар в истории общества этого пери-

ода. Интересно, что от этого слова происходит название платежной единицы в Индии: рупа. Меха и соль также могли выступать в качестве товара во время стадии безмонетного периода. Эквивалентом могли быть и другие товары в зависимости от стран и регионов: сушеная рыба в Исландии, Ньюфаундленде, плитки кирпичного чая в Монголии, наконечники для копий и стрел в центральной Африке, куски материи на островах Малайского архипелага, раковины каури в Индии, Индокитае, Океании, Западной и центральной Африке.

При переходе в конечную, третью, стадию товары с бивалютной конвертацией начинают экспортироваться (путем обмена) в другие страны. И на этой стадии всеобщим эквивалентом становится металл — золото, серебро, медь, бронза, железо. Например, в Древней Греции в качестве денег использовали длинные прутья из железа до полутора метра длиной. Это денежное средство называлось «обол» (в переводе с древнегреческого языка — вертел). Затем благородные металлы — «естественные деньги» — вытеснили остальные эквиваленты. Интересно, что на этой стадии один и тот же объект из благородного металла мог использоваться как средство платежа и как украшение. Так, древнерусская гривна, например, представляла собой шейное украшение. Однако использование не нормированных по весу предметов украшений и слитков металла было неудобно для развития торговли: буквально приходилось носить с собой весы для того, чтобы отделять необходимые для обмена куски металла, что вело к потерям (при резке металла) и неточностям. Практика «пенсаторных», то есть взвешиваемых, денег прекратилась с изобретением монеты.

А. М. Кулишер пишет: «Монета представляет собой слиток металла определенной формы и наименования с известным штемпелем, удостоверяющим, что монета имеет тот вес и содержит в себе столько-то золота и серебра (или меди, или олова). Здесь уже заранее заготовлены, вычеканены куски определенного веса и им дано известное наименование (рубли, франки, марки и т. д.), так что нет необходимости определять вес при каждом платеже или выяснять пробу металла, а достаточно указать количество кусков этого наименования (монет), требуемых за данный товар. Платежи, следовательно, облегчаются и упрощаются» [4, с. 15].

Для перехода к чеканке монеты требовался не только экономический уровень, но также определенный культурный и технологический уровень развития, которого, как известно, впервые достигли Лидия и Финикия — два древневосточных государства, в которых в VII в. до н. э. были отчеканены первые монеты.

Если феномен денег как особый экономический и социальный регулятор общества в истории и современности со времен первой работы Карла Маркса, посвященной этому вопросу [5], можно сказать, имеет свою исследовательскую традицию [6; 7], то культурологический аспект монеты до сих пор в целом оставался за пределами научного интереса. На наш взгляд, особую эвристическую ценность для изучения монет в культурологическом измерении представляет влиятельное теоретическое направление междисциплинарных гуманитарных исследований «memory studies», которое разработали представители третьего поколения знаменитой школы «Анналов».

Memory studies, или исследования культурной и исторической памяти, — междисциплинарное гуманитарное направление, которое зародилось в 20-х годах XX века, но институционально и теоретически оформилось в 80-х годах XX века благодаря деятельности французского историка Пьера Нора. Ключевым событием здесь стало издание под редакцией П. Нора семитомника «Места памяти» (1989) [8; 9], где были систематизированы памятники, символы, тексты, праздники, важные для французов, — то, с чем связывается идентичность французской нации. Выпуск семитомника был посвящен празднованию юбилея Великой Французской революции, но оказал и продолжает оказывать большое влияние на все гуманитарное знание.

Вслед за французскими учеными с аналогичными проектами выступили голландцы, итальянцы, немцы, в 2008 году вышли в свет также и российские «Места памяти» на французском языке, авторами которых стали известный швейцарский славист Жорж Нива и известный отечественный филолог и журналист Александр Архангельский.

Благодаря исследованиям школы «Анналов», и Пьера Нора в частности, современные исследователи выделяют источники исторической памяти: художественная литература, учебники, СМИ, театр, кинематограф, материальные памятники, музыка, праздники, архитектура. В этот ряд можно с успехом разместить и монеты. Это тоже, если пользоваться терминологией Пьера Нора, своеобразные «места памяти», до сих пор в этом аспекте не изучавшиеся. Исследования исторической и культурной памяти существенно обогатили современное гуманитарное знание, выявив новое — *меморальное* — измерение в исследовании культурных и социальных практик [11]. И в предлагаемой ниже типологии социально-культурных

функций монет мемориальная функция монеты также выделяется и иллюстрируется.

Итак, для тематизации социально-культурного аспекта бытования монеты в истории культуры и общества здесь предлагается типология социально-культурных функций монеты. В рамках этой типологии различаются две группы: *идеологические* и *внеидеологические* функции.

К идеологическим функциям относятся *политическая, мемориальная и идентификационная* функции. *Политическая функция* монеты выражается в том, что эмиссия монеты во всех обществах направлена на централизацию и укрепление политической власти посредством тиражирования государственных символов, также самого образа правителя. Хороший пример реализации этой функции — ауреус — золотая монета с изображением Гая Юлия Цезаря, которую он начал выпускать в период своей диктатуры. До этого момента на римских монетах изображались мифологические фигуры.

Мемориальная функция направлена на официальное конструирование образа прошлого путем пропаганды определенных исторических и культурных событий. Примером реализации мемориальной функции монеты может служить инициированная при российском императоре Николае I традиция выпуска памятных монет (это произошло под влиянием немецкого опыта). Первые памятные российские монеты были юбилейными. Юбилейные рубли должны были увековечить определенное историческое событие или историческое лицо, а также были призваны повысить престиж правящей династии в глазах современников и потомков. Первая памятная российская монета выпущена в 1843 году и должна была увековечить победу в Отечественной войне 1812 года, воздать славу доблести русских воинов и русскому оружию. После окончания Отечественной войны прошло более двадцати лет, и нужно было закрепить в национальной памяти, какой огромной ценой досталась победа, какое непреходящее значение она имела для современников. Так был увековечен и император Александр I.

С политической и мемориальной функциями всегда тесно связана *идентификационная функция*, суть которой — в укреплении внутреннего единства общности посредством государственных и культурных символов, фиксация общих ценностей и целей.

К *внеидеологическим функциям* относятся *эстетическая, этическая, технологическая, просветительская, игровая, ритуальная, бытовая, а также медиафункция*. Повсеместно монеты используют

ся в качестве украшений. Известно, что через монетное дело в разных обществах происходит развитие художественного ремесла и высокотехнологичного ювелирного искусства, — так находит свое воплощение в культурной практике эстетическая функция монеты. Через монету государство довольно эффективно утверждает и моральные ценности, например семейные, героические. Яркий пример этической функции монеты — российский свадебный рубль 1841 года, посвященный бракосочетанию наследника российского престола Александра Николаевича и его избранницы Марии Александровны. Здесь памятная монета выполняет также и просветительскую функцию: через нее распространяется информация о выдающихся событиях, визуально сопровождаемая художественным образом. Такие монеты одновременно выполняют и *медиафункцию*: информируют население о важных событиях, политических и культурных.

Чеканка монеты предполагает высокий уровень развития производства, и поэтому в ней косвенно сохраняется и передается через поколения технологический опыт. Таким образом осуществляется, условно говоря, *технологическая функция*. Нетрудно заметить, что выполнение мемориальной и технологической функции сближает монету с медалью.

Все вышеперечисленные функции, кроме эстетической и игровой, можно отнести также к *первичным функциям*. Первичными мы здесь называем социально-культурные функции, которые сопровождают экономические, не мешая им. При реализации первичных социально-культурных функций монеты не деформируются.

Вторичные социально-культурные функции (эстетическая, игровая, ритуальная) — выявляются через те монеты, которые подвергались механическому воздействию уже после выпуска с того или иного монетного двора. Так происходит с монетами, которые, например, используются в игре. Игра в орлянку — одна из самых распространенных игр с монетами и наиболее изученная [11]. В истории культуры монеты используются очень часто как обереги, что позволяет выделить ритуальную функцию, а также используются просто в качестве украшения, что позволяет нам выделять эстетическую функцию. На таких монетах есть следы напаек в виде дуги, круглые отверстия верхней части монеты по центру. Скорее всего, такие денежные средства выполняли роли ювелирных украшений, оберегов и амулетов. Традиция создания украшений из монет начинается в античности: мастера изготавливали серьги, браслеты, ожерелья, подвязки и монисто.

Монисто — украшение, которое носится на шее, оно создается из монет, жемчуга, цветных камней. Монисто служит маркером высокого социального статуса и представляет собой неприкосновенный запас владелицы произведения ювелирного искусства. Подобно монетам, с течением времени украшения, изготавливаемые с использованием платёжных средств, стремительно распространились по всему миру. Украшение монисто, занимающее доминирующее положение среди ювелирных изделий из монет среди кавказских народов, одновременно выполняло эстетическую, мемориальную и идентификационную функцию. В это украшение можно было добавлять новые ряды с монетами, что не нарушало целостность и органичность изделия, а наоборот, добавляло ему ценности и красоты. Монисто считалось женской семейной реликвией, которая передавалась из поколения в поколение от матери к старшей дочери. И каждая новая обладательница ювелирного изделия считала своим долгом дополнить монисто новым рядом. И, таким образом, ювелирное изделие монисто выступает связующим звеном между поколениями, выполняет функцию передачи семейной и культурной памяти и укрепления семейной идентичности.

Предложенный нами подход позволяет не только осмыслить место монеты в истории культуры и общества, но также проанализировать современную практику чеканки монеты. Несмотря на виртуализацию денежных потоков и объективное сокращение оборота денежных средств на материальных носителях, монетное производство в современном мире продолжает развиваться как в драгоценных, так и в недрагоценных металлах. Но монеты перестают быть средством денежного обращения, превращаются в особый государственный товар и форму инвестиций граждан, одновременно продолжая выполнять свои социально-культурные функции — преимущественно политическую, идентификационную, мемориальную, эстетическую и технологическую. Один из ярких современных примеров: памятная монета, выпущенная в 2019 году Банком РФ номиналом 25 рублей, — «Российская (советская) мультипликация — Бременские музыканты» из мельхиора. Уже сейчас, в год выпуска, на антикварном рынке ее цена колеблется от 500 до 1500 тысяч рублей [12]. В целом развитие чеканки монеты, а также развитие монеты медального типа в современном мире можно рассматривать как архаическую форму мемориализации и репрезентации актуальных культурных ценностей.

В заключение отметим, что монета представляет собой сложный синтетический экономический, социальный, культурный феномен, имеющий универсальное распространение, однако в качестве социокультурного явления недостаточно изученный. Для изучения монеты как культурного феномена предлагается типология социально-культурных функций, в основе которой лежит различение идеологических и внеидеологических функций. Внутри подгруппы идеологических функций можно выделить политическую, мемориальную, идентификационную. Внутри подгруппы внеидеологических функций можно назвать эстетическую, этическую, технологическую, просветительскую, игровую, ритуальную, бытовую. Также можно выделить первичные, осуществление которых не предполагает изъятие монеты из денежного оборота, и вторичные социально-культурные функции монет, выполнение которых чаще всего предполагает деформацию платежного средства и изъятие его из денежного оборота. К первичным социально-культурным функциям можно отнести политическую, мемориальную, идентификационную, этическую, технологическую, бытовую, медиа-функцию. К вторичным функциям — ритуальную, игровую, эстетическую.

Выявление социально-культурных функций монет и разработка соответствующей типологии позволяет нам по-новому осмыслить проблемы связи культуры и экономики, раскрыть на конкретном примере специфику социокультурного измерения важного экономического феномена, выявить новые механизмы функционирования социокультурной памяти, и, наконец, по-новому осмыслить культурное единство мира и истории.

Библиографический список

1. Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. М.; СПб.: Искусство, 2016.
2. Специальные исторические дисциплины / С. В. Белецкий, И. В. Воронцова, З. В. Дмитриева и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
3. Пачкалов А. В. Нумизматика как источник по экономической истории // Актуальные проблемы историко-экономических исследований. Вып. 3. Т. 2. М., 2010.
4. Кулишер И. М. Денежное обращение в прошлом и настоящем. Пг., 1922.

5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 42. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 41–174.
6. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: Пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13–21.
7. Зиммель Г. Философия денег // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. СПб.: Университетская книга, 2015. 416 с.
8. Нора П. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 100 с.
9. Джадт Т. К. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 44–71.
10. Пушкарева Т. В., Шемякина Е. М. «Memory studies» в развитии социогуманитарного знания: современное состояние и перспективы // Вопросы культурологии. 2016. № 4. С. 28–32.
11. Кривоносов Е. В. Истоки орлянки. М., 2015.
12. «Антикварио». URL: https://www.antiquario.ru/catalog/monetyi_rossiyskaya_sovetskaya_multiplikatsiya (дата обращения: 29.08.2019).

References

1. Potin V. M. *Monety. Klady. Kollekcii: Ocherki numizmatiki* [Coins. Treasures Collections: Essays on numismatics]. Moscow; St. Petersburg, Iskusstvo, 2016. (In Russ.)
2. *Special'nye istoricheskie discipliny* [Special historical disciplines] / S. V. Beleckij, I. V. Voroncova, 3. V. Dmitrieva i dr. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2003.
3. Pachkalov A. V. Numizmatika kak istochnik po ehkonomicheskoj istorii [Numismatics as a source on economic history]. *Aktual'nye problemy istoriko-ehkonomicheskikh issledovanij* [Actual problems of historical and economic research]. Vyp. 3, vol. 2. Moscow, 2010. (In Russ.)
4. Kulisher I. M. *Denezhnoe obrashchenie v proshlom i nastoyashchem* [Money circulation in the past and present]. Pg., 1922. (In Russ.)
5. Marks K. *Ehkonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Sobranie sochinenij*. [Collected works]. Vol. 42. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, pp. 41–174. (In Russ.)
6. Zarubina N. N. Den'gi kak sociokul'turnyj fenomen: Predely funkcional'nosti [Money as a sociocultural phenomenon: The limits of functionality]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2005, no. 7, pp. 13–21. (In Russ.)
7. Zimmel' G. *Filosofiya deneg* [Philosophy of Money]. Zimmel' G. *Izbrannoe. Problemy sociologii*. [Favorites. Problems of sociology]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2015, 416 p. (In Russ.)
8. Nora P. *Franciya-pamyat'* [France-commemoration]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, 100 p. (In Russ.)

9. Dzhadt T. K. «Mesta pamyati» P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat'? ["Places of Memory" Pierre Nora: Whose places? Whose memory?]. *Imperiya i naciya v zerkale istoricheskoy pamyati: sbornik statej* [Empire and the Nation in the Mirror of Historical Memory: a collection of articles]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, pp. 44–71. (In Russ.)

10. Pushkareva T. V., Shemyakina E. M. «Memory studies» v razvitii sociogumaniranogo znaniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [«Memory studies» in the humanities and social sciences: current status and prospects]. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2016, no. 4, pp. 28–32.

11. Krivonosov E. V. *Istoki orlyanki* [Origins of the toss]. Moscow, 2015. (In Russ.)

12. «Antikvario». Available at: https://www.antikvario.ru/catalog/monetyi_rossiyskaya_sovetskaya_multiplikatsiya (accessed: 29.08.2019).

Культура и цивилизация Арктики

(по материалам Круглого стола «Холод и Цивилизация»,
проведенного в рамках Дней Якутии в Москве,
посвященных 385-летию вхождения Якутии
в состав Российского государства, 95-летию образования
Якутской АССР и 25-летию Конституции
Республики Саха (Якутия))

УДК 008(98)(082)

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-130-142

И. Л. Набок

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Мифология холода в контексте концепции арктической цивилизации

Статья посвящена концепции арктической цивилизации, представляющей гуманитарно-экологическую альтернативу традиционному технократическому пониманию феномена цивилизации. Анализируется новая мифология — «Мифология холода», которая органично вписывается в концепцию арктической цивилизации и рассматривается в качестве её фольклорно-мифологической составляющей. Утверждается, что концепция арктической цивилизации и мифологии холода имеет большое значение для выработки адекватного объекту методологии исследования смысла и направленности процессов в жизнедеятельности и культуротворчестве коренных народов циркумполярной зоны, для определения путей и способов сохранения и развития уникальных языков и культур арктических народов — отечественного и мирового достояния.

Ключевые слова: арктическая цивилизация, коренные народы Арктики, традиционная мифология, мифология холода, культуротворчество, традиционное общество, коэволюция, экогармоничная личность.

I. L. Nabok

North Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The Mythology of Cold in the Context of the Arctic Civilization Concept

The article is devoted to the concept of Arctic civilization, representing a humanitarian and environmental alternative to the traditional technocratic understanding of the civilization phenomenon. The article gives an analysis of a new mythology, "The mythology of the cold", which organically fits into the concept of the Arctic civilization and is considered as its folklore and mythological component. It is argued that the concept of the Arctic civilization and the mythology of cold is of great importance in developing a methodology adequate to the study object of the methodology of meaning and direction of life processes and culture of indigenous peoples of the circumpolar zone, in determining ways and means of preserving and developing unique languages and cultures of the Arctic peoples which are of both Russian and world heritage.

Keywords: Arctic civilization, indigenous peoples of the Arctic, traditional mythology, the mythology of the cold, cultural development, traditional society, co-evolution, eco-harmonious personality.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена особой значимостью решения социальных и гуманитарных проблем Севера и Арктики для дальнейшего цивилизационного развития России. Речь идёт, в частности, о роли в этом развитии коренных малочисленных народов циркумполярной зоны.

Концепция арктической (циркумполярной) цивилизации, разработанная и представленная У. А. Винокуровой и Ю. В. Яковцом [1; 2], находится в русле новой парадигмы цивилизационной теории, отрицающей односторонний технократический подход к феномену цивилизации и предлагающей её гуманитарно-экологическую альтернативу. Значительный интерес, на наш взгляд, представляет и разработка «новой мифологии» Севера и Арктики, которую можно было бы назвать «мифологией холода» и которая достаточно органично вписывается в контекст концепции «арктической цивилизации», представляя её фольклорно-мифологическую составляющую. Поэтому целью данной статьи является обоснование роли и значения концепта арктической цивилизации и «мифологии холода» для адекватного понимания смысла и направленности процессов в жизнедеятельности и культуротворчестве коренных наро-

дов циркумполярной зоны, выработка релевантной и сообразной специфике этих процессов методологии исследования. А это, в свою очередь, является важнейшим условием для определения стратегических путей сохранения и развития уникальных языков и культур арктических народов — отечественного и мирового достояния. Сложность и многоуровневость предмета исследования обуславливает необходимость комплексного анализа, междисциплинарного подхода, использование методов культурологического, исторического, этнологического, аксиологического анализа.

Концепт «арктическая цивилизация»

Каковы основания для рассмотрения «арктической цивилизации» в качестве самостоятельного типа (вида) цивилизации? *Во-первых*, особый ареал существования. Ареалом циркумполярной цивилизации является огромная арктическая и приарктическая территория, населяемая большим числом самобытных, разноязычных и «разнокультурных» коренных народов, продемонстрировавших удивительную выживаемость, способность адаптации человека к экстремальным природно-климатическим условиям. При всём этническом многообразии населения Арктики есть основания говорить о некоем его единстве, в которое оказалось включённым и пришлое, иноэтническое (прежде всего так называемое старожильческое, преимущественно русское) население, большая часть которого занимается прежде всего экономическим освоением Арктики. Главная детерминанта этого единства — указанные экстремальные природно-климатические условия, обусловившие повышение уровня взаимозависимости и взаимодействия в сосуществовании людей. Причём, авторы концепции циркумполярной цивилизации не сводят арктическую культуру к *традиционной культуре коренных народов*, но рассматривают её как «исторически сложившийся тип культуры, состоящий из сосуществующих традиционных культур коренных народов и полиэтнических социокультурных организмов техногенной модернизации, сформировавшихся в процессе креативной трудовой коэволюции в суровых природно-климатических условиях Арктики» [3, с. 76–77].

Во-вторых, для Арктики оказываются неприемлемыми привычные для современного так называемого цивилизованного мира критерии принадлежности к цивилизации, так как они связаны прежде всего с уровнем индустриального техногенного (природоразрушающего по существу) развития. Для адептов «техногенной цивилизации» *традиционное и технократическое* совершенно

несовместимы. Приведём характерное высказывание на эту тему: «Главным успехом перехода от традиционного общества к технократии можно считать изменение ценностей. Сегодня самым важным для общества является любая инновация, что-то новое как явление. Традиционная и техногенная цивилизация не могут сосуществовать вместе. Поэтому современное общество отличается динамичным распространением во все уголки планеты. Традиционные общества сами собой изживаются при контакте с новейшими технологиями. У адептов традиций и ненавистников прогресса есть только один способ выжить в сегодняшнем мире — поставить свое общество на путь изоляции...» [4]. Здесь цивилизационное развитие представляется как безальтернативный, практически неуправляемый и неконтролируемый процесс технического развития, не коррелирующий с природными процессами, с состоянием природной среды существования и деятельности человека. Хотя, очевидно, что это путь разрушения и природы, и человека, путь «техносферизации человека».

Альтернативный вариант развития связан с концепцией «*ноосферы*». Хотя первым термин «ноосфера» ввёл ещё в 1927 г. французский математик и философ-бергсонианец *Э. Леруа*, самую фундаментальную разработку концепция ноосферы получила в работах выдающегося российского учёного *В. И. Вернадского* [5]. В концепции ноосферы В. И. Вернадского сформулирована идея, что дальнейшее развитие человечества связано с особым состоянием *биосферы* — *ноосферой*, т. е. сферой разума, в которой решающую роль играет именно человеческий разум, который не должен допустить саморазрушающего для человека обращения с природной средой его обитания. В то же время, по мнению учёных, продолжающих развитие концепции В. И. Вернадского, ноосфера «как оболочка планеты — сфера разума — это пока еще не существующее, а гипотетическое будущее состояние общества и его взаимодействия с природой, в котором приоритетное место будет занимать коллективный общечеловеческий разум, направляющий социоприродную эволюцию» [6, с. 122].

Арктика — регион Земли, где природно-климатические изменения наступают раньше всего и в наиболее острой форме. «Именно в Арктике, — по мнению Ю. В. Яковца, — лежит ключ к экологическим трансформациям и изменениям климата на планете в наступившем столетии. Не все здесь зависит от человека и общества, существуют объективные тенденции» [1].

Но именно в Арктике, на наш взгляд, может быть выработан такой цивилизационный вариант развития, в котором взаимодействие традиционного и современного строилось бы на основе *взаимодополнения*, а не конфронтации. Здесь этот вопрос касается, в частности, соотношения неразрушающего, рационального традиционного природопользования и деятельности нефте- и газодобывающих компаний.

Таким образом, одним из ключевых признаков цивилизации и, соответственно, специфической особенностью арктической цивилизации, несомненно, оказываются *особые отношения с природной средой*. Не случайно некоторые исследователи называют арктическую цивилизацию *экологической*, сложившейся в наиболее неблагоприятных для человека экобиологических условиях. Сравнивая арктическую цивилизацию с технократической, А. В. Беликович отмечает три существенных различия: *первое* касается «отношения к потреблению». Вся жизнь арктических народов нацелена на ограничение потребления, экономичность и эффективность хозяйствования. Кредо «цивилизованного мира» — бесконечный рост потребления» [7]. *Второе различие* — «отношение к природным процессам. Европейская технология предполагает внешнее вмешательство человека в природные процессы для подвижки их в нужном ему направлении... В экологических цивилизациях... человек никогда не стоял над природой, он просто жил в природе, старался жить как ее гармоничная часть. Это не овладение природой и не управление ею, а разумное участие в процессе, который выходит за пределы социума и отдельного человека» [7]. *Третья* отличительная черта так называемого цивилизованного мира — нетерпение. «Нетерпение проистекает из стяжательства, алчности и вожделения от обладания материальными ценностями и славой прямо сейчас, именно лично мной. В этой системе мировоззрения главное в мире — это Я, это мое «эго», цель — создание рая при личной жизни. Трудно представить себе северного человека, который был бы столь же нетерпелив и поклонялся сам себе. Лишенный потребности властвовать над природой, он не склонен проявлять эту власть и в социуме» [7].

Можно, на наш взгляд, выделить в качестве характерной черты отношений и взаимодействий с природой, свойственной арктическим народам, *коэволюцию*, т. е. совместную с природой эволюцию человека. Это чрезвычайно интересно перекликается с идеями английского историка А. Дж. Тойнби, который, среди историче-

ских типов цивилизаций выделил так называемые задержанные цивилизации. Речь идёт как раз о коренных северных народах, в частности об эскимосах (инуитах). Эту «задержку» можно объяснить, на наш взгляд, именно коэволюцией человека с природой. Человек в традиционном северном обществе подчиняет темпоритм своей жизни темпоритму окружающей среды, природы, следует в его русле. Это способствует формированию особой личности, которую можно назвать «экогармоничной». Особой тонкостью и одновременно сложностью этот процесс отличается в Арктике, в экстремальных природно-климатических условиях, где исключительную остроту приобретает и культууроформирующий «вызов природы» (по А. Дж. Тойнби) [8].

В технической цивилизации, отличающейся отмеченным выше «нетерпением», происходит *искусственное нарастание темпоритма*, природе навязывается новый темпоритм. Технические цивилизации постепенно меняют ландшафт, адаптируют его к себе, к технике, наконец, создают новый ландшафт (в частности, городской, индустриальный), коэволюция искусственно нарушается, нарастает экологический кризис. Не случайно среди лозунгов молодёжной контркультуры, потрясшей американское и западноевропейское общество в 60–70-х годах XX века, был лозунг «Назад к природе!». Именно отношение к природе, по мнению У. А. Винокуровой, является главной отличительной особенностью циркумполярной цивилизации.

Наконец, сегодня можно дать однозначный ответ на вопрос: представляют ли коренные народы Севера и Арктики и их традиционные культуры для современной науки интерес только как «пережитки» доисторического, точнее, этнографического, неисторического времени, или их культурный опыт может быть востребован сегодня, осмыслен в русле теории цивилизации и способен даже содействовать внесению в неё определённых изменений и корректив. Безусловно, возрастающий в современном обществе интерес к природосообразным традиционным этническим культурам коренных народов Севера и Арктики говорит об актуальности этого опыта.

Если обратиться к истории цивилизационных теорий и концепций, то можно утверждать, что идея существования особой «циркумполярной», или «арктической», цивилизации находится в русле *теории локальных цивилизаций*, родоначальником которой был итальянский философ XVIII века, автор трактата «Основание новой науки об общей природе наций» Джамбаттиста Вико,

идейно предвосхитивший к тому же появление этнологии как науки. История человечества им понималась как целый ряд отдельных «потоков» — историй различных народов с их самобытными культурами, т. е. как некий круговорот *культурно-исторических форм*. Свойственное его концепции отрицание какого бы то ни было прогресса, возможности поступательного «линейного» развития цивилизаций, разумеется, вступило в противоречие с историческими реалиями. Но идея «локальности» цивилизаций нашла впоследствии развитие, в частности, в теории «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского. В то же время Данилевский не был знаком с культурами северных народов и, более того, упоминание северных народов (в частности, финнов) у Н. Я. Данилевского связано с его идеей о трёх культурных типах народов, в частности с третьим типом, *который не играет во всемирной истории какой-либо существенной роли* и оказывается своеобразным «этнографическим материалом» для более значимых, вершащих историю народов, точнее культурно-исторических, типов.

Социокod арктической цивилизации, по мнению У. А. Винокуровой, состоит из системы *трёх ценностей*: «власть над судьбой; культурная целостность как принадлежность к жизнеспособной местной культуре; ценность природы, выражающейся в коэволюции с исконной средой обитания» [9, с. 164]. В противовес привычному технократическому пониманию цивилизации У. А. Винокурова и Ю. В. Яковец опираются на чисто гуманитарное её понимание, изложенное Е. Б. Черняком, для которого цивилизация — *«целостная саморазвивающаяся система сущностных отношений между людьми, созданная в соответствующей среде обитания и самовоспроизводящаяся в системе ценностей»* [10, с. 11].

Мифология холода

Именно в русле такого гуманитарного подхода лежит и создаваемая сегодня *новая мифология*, опирающаяся на фольклорно-мифологические традиции народа саха, — «мифология холода» с её главным героем — Чысхааном. С одной стороны, это художественно-мифологическое образное воплощение идеи особой циркумполярной цивилизации, с другой — форма массовой презентации этой идеи, использующая современные технологии туристского дела и исключительную эстетическую выразительность и привлекательность арктических образов.

К мифу, рассматриваемому как способ моделирования образа мира и социального поведения, обращались многие исследователи — Э. Кассирер, К. Хюбнер, К. Леви-Строс, Р. Барт, К. Юнг, М. Элиаде, Я. Парандовский, Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев, В. Н. Топоров, А. Л. Топоров, В. В. Налимов, Э. Я. Голосовкера, С. В. Лурье, Е. М. Мелетинский. Миф считается одним из самых древних и сложных явлений культуры, трудно поддающихся дефиниции. Более того, до сих пор нет научного консенсуса по поводу определения мифа и мифологии. Примерно с начала XX века начался и продолжается до сих пор процесс *ремифологизации*, связываемый многими исследователями с кризисом *рационализма*. Во второй половине XX века это стимулируется также так называемым «*этническим Ренессансом*», усилением внимания к этничности. Мифология начинает играть всё более возрастающую роль в современной культуре. Параллельно существует *традиционная мифология*, связанная и с религиозными представлениями, и с традиционными знаниями, и с фольклором того или иного народа, и *современная мифология*, включающаяся в самые разные сферы общественной жизни. Широко известно высказывание выдающегося русского философа и культуролога А. Ф. Лосева из его знаменитой работы «Диалектика мифа» (1930 г.): «Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола». Достаточно сложно определить соотношение мифологии и фольклора — между ними есть глубокая генетическая связь: с одной стороны, фольклор в значительной мере развивается из мифологии как более древнего источника (так, например, одним из главных продуктов эволюции мифа в фольклор является *сказка*); с другой — и то, и другое в древних социумах имеет коллективную природу, принадлежит коллективному сознанию и сосуществует в нём. В то же время миф является исторически первой формой коллективного сознания — нерасчленённого, синкретичного *образа мира*, а фольклор — художественно-эстетическое творчество народа, имеющее свои особые виды и жанры.

В современном бытии мифологии и фольклора границы этих культурных феноменов оказываются чрезвычайно размыты. Авторитетный теоретик фольклора В. Е. Гусев писал: «Следует сказать,

что фольклор как субкультура в целом создается любой социальной и этнической общностью, любой группой или любым коллективом, ощущающими потребность в «неофициозном» самовыражении, в общении между составляющими их индивидуумами и в передаче произведений своего творчества другим группам и коллективам (солидарным или оппозиционным...)» [11]. Сегодня мы имеем дело с «фольклором» туристов, пожарных, офисных менеджеров, полицейских, заключённых и проч. Фольклором объявляется «творчество» любой социальной, профессиональной или возрастной группы.

Но ведь вся история отечественной фольклористики, связанная с бережным собиранием и осмыслением образцов народного творчества (словесного, музыкального, танцевального, изобразительного), основывалась на другом, этнонациональном, понимании фольклора, рассматривая его как носителя духовных ценностей, традиций, как выражение национального мироощущения, как один из тех элементов культуры, который обеспечивает преемственность в её развитии, сохранение базовых, фундаментальных национальных ценностей.

Границы мифологии размыты в ещё большей степени — она становится поистине универсальной категорией. Это касается прежде всего *современной мифологии*. Говоря о мифологии, профессор Т. А. Апинян отмечала: «Культура XXI в. будет основываться на символе, образе, о чем свидетельствуют системы коммуникаций и информации, мыслящие и говорящие знаками: от знаков на улицах и в метро до компьютерного языка и визуальных картин, на которые приходится основная доля всей информации. “Компьютерная” эпоха создает виртуальную реальность по своим законам, форме существования и характеру, аналогичную мифологической. Одновременно в массовом сознании усиливается влияние астрологии, магии, мифологического *fantasi* и т. п. Все это позволяет говорить не только о принципиально новом типе культуры, но и возврате на новом витке цивилизации к дорациональному, мифологическому сознанию — о мифологическом ренессансе» [12, с. 68].

Известный теоретик фольклора Л. А. Топорков выделяет четыре основные группы современных мифов: 1. Мифы политической и общественной жизни; 2. Мифы этнической и религиозной самоидентификации; 3. Мифы, связанные с нерелигиозными верованиями (например об НЛО, снежном человеке и т.п.); 4. Мифы массовой культуры.

Интересующая нас «*мифология холода*» плохо вписывается в указанную классификацию, хотя более всего связана с *этнической самоидентификацией*. Главное, очевидно, состоит в том, что данная мифологическая «конструкция» построена на традиционных фольклорных образах и имеет *художественно-сказочно-мифологическую природу*. Основным источником стал фольклор, в котором значительное место занимала тема Севера, северного холода. Якуты, переселившись с юга в долину реки Лены примерно в начале XIII в., спасаясь от монгольских завоевателей (это основная версия), отводили свою свободу и независимость не у врагов, а у природы. Сложный процесс адаптации к новым суровым северным условиям наложил отпечаток и на мифологию, и на фольклор, и на традиционную одежду, и на другие сферы традиционной культуры. Мифологический образ «*Великого быка зимы*» стал одним из фольклорных мотивов: «С первого разу, как собирается наступить восьмимесячная грозная, горькая зима, да восьмой день второй половины шестого месяца (октября) прямо с западной стороны, в глубоком ущелье снежно-ледяной горы темный, как тень, БЫК зашевелился, из уголка, из дальнего края Ледовитого моря, чёрный, как земля, бык встал на ноги. Когда я посмотрел на него, он сильным морозом задышал, дыхание у него — густой туман, доха — из ледяных сосул, нос — из ледяной глыбы, глаза — как до дна промерзшие проруби, ресницы — из ледяной бахромы, имел длиннее длинного острокопечные рога, спину такую огромную, что застилали солнце, брюхо из иглистых льдин, загривок из громадных льдин, пот из кухляного снега, из подмышек шёл резкий холод, из паха — редкая стужа, хвост его — знойная засуха, спутник — великий голод, доха его — алчность и жадность, ребра его — ненасытность и обжорство, вот какое страшилище оказывается!» [13, с. 70–73] Фольклорная вариативность состоит в том, что бык представляется то «чёрным, как земля», то «белым с голубыми пятнами». Но неизменно — *большие рога* (по одной из версий — как впечатления от длинных бивней ископаемых мамонтов) и *морозное дыхание*. Известно, что, в отличие от мифов хуннов, *огузов, бурят* и других народов Южной Сибири, у которых бык — тотемное животное, прародитель племени, у якутов он *олицетворение зимы и холода, существо из нижнего мира — вредное и тяжёлое*.

Развитие этнического туризма привело к трансформации мифологемы холода в новые образы, главный из которых — *Чысхаан* — Повелитель холода (чыс по-якутски — ужасный холод, а *хаан*

— кровь, должность или чин). Первоначально в 1990-х годах этот образ был воплощён жителем Оймяконского района *Семёном Сивцевым* в статуэтке (представленной на республиканском конкурсе «Создание символа Полюса холода»). Затем в 2002 г. известным якутским модельером *Августиной Филипповой* был создан костюм *Чысхаана*, в образе которого соединились мамонт и *дух-хозяин* зимнего времени в образе быка. С этим новым мифологическим образом связано проведение двух фестивалей «*Зима начинается в Якутии*» и «*Полюс холода*». Конструирование «Мифологии холода» включает в себя и создание своеобразного «мифологического пространства» — «Царства вечной мерзлоты» — необычного *музея ледяных скульптур* (фольклорных и мифологических героев), расположенного в сопке (где температура весь год от -4 до -10°C).

Каждый год 1 декабря Дед Мороз из Великого Устюга прибывает в Якутск, где принимает у Повелителя холода Чысхаана символ зимы и едет с ним по всей предновогодней России, а затем возвращается в «Царство вечной мерзлоты» [14].

Таким образом, концепция «циркумполярной цивилизации», утверждающая новый цивилизационный тип, получает своё современное фольклорно-мифологическое дополнение, подтверждающее особый характер культурно-цивилизационного развития коренных народов Севера и Арктики, способного противостоять нивелирующей этнокультурные оттенки глобализации.

Библиографический список

1. Яковец Ю. В. Арктическая цивилизация: особенности, исторические корни, перспективы. М.: МИСК, 2011.
2. Винокурова У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты. Якутск, 2012.
3. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 12.
4. Новичков М. Техногенная цивилизация: описание, история, развитие, проблемы и перспективы. URL: <http://fb.ru/article/237875/tehnogen-paya-tsivilizatsiya-opisanie-istoriya-razvitie-problemyi-i-perspektivy> (дата обращения: 11.03.2018).
5. Урсул А. Д. Феномен ноосферы. Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: Озон, 2015. 336 с.
6. Урсул А. Д., Урсул А. А. Кноосферной цивилизации через устойчивое развитие // Партнёрство цивилизаций. 2012. № 4.

7. Беликович А. В. Арктика: земля и люди. Анализ национальной земельной политики северных федераций. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995. 128 с.
8. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. Т. 3. Рост цивилизаций. Задержанные цивилизации. С. 188–216.
9. Винокурова У. А. Геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации // Культура Арктики: коллективная монография [под общей ред. д-ра социол. наук У. А. Винокуровой]. Якутск: ИД СВФУ, 2014. Вып. 1. (Серия «Культура Арктики»).
10. Черняк Е. Б. Цивилиография: Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.
11. Гусев В. Е. Фольклор как универсальный тип субкультуры // В диапазоне гуманитарного знания: сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
12. Апинян Т. А. Мифология: теория и событие: учебник. СПб., 2005.
13. Якутские народные песни. Песни о природе. Якутск: Книжное издательство, 1976.
14. Семёнова Н. Мифология холода. Выпускная квалификационная работа. СПб., 2015 (Рукопись).

References

1. Jakovec Ju. V. *Arkticheskaja civilizacija: osobennosti, istoricheskie korni, perspektivy*. Moscow, MISK, 2011. (In Russ.)
2. Vinokurova U. A. *Cirkum-poljarnaja civilizacija: idei i proekty*. Jakutsk, 2012. (In Russ.)
3. Vinokurova U. A., Jakovec Ju. V. *Arkticheskaja cirkumpoljarnaja civilizacija // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija*, 2016, no. 12. (In Russ.)
4. Novichkov M. *Tehnogennaja civilizacija: opisanie, isto-rija, razvitie, problemy i perspektivy*. Available at: <http://fb.ru/article/237875/tehnogennaja-tsivilizatsiya-opisanie-istoriya-razvitie-problemyi-i-perspektivy> (In Russ.) (accessed 11.03.2018).
5. Ursul A. D. *Fenomen noosfery. Global'naja jevoljucija i noosferogenez*. Moscow, Ozon, 2015, 336 p. (In Russ.)
6. Ursul A. D., Ursul A. A. *Knoosfernoj civilizacii cherez ustoj-chivoe razvitie. Partnorstvo civilizacij*, 2012, no. 4. (In Russ.)
7. Belikovich A. V. *Arktika: zemlja i ljudi. Analiz nacional'noj zemel'noj politiki severnyh federacij*. Magadan, SVNC DVO RAN, 1995, 128 p. (In Russ.)
8. *Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii. Sbornik, Per. s angl. E.D. Zharkova*. Moscow, Rol'f, 2001. Vol. 3. Rost civilizacij. Zaderzhannye civilizacii, pp. 188–216. (In Russ.)

9. Vinokurova U. A. Geokul'turnye osobennosti arkticheskoy cirkumpol'arnoj civilizacii. *Kul'tura Arktiki: kollektivnaja monografija [pod obshhej red. d-ra sociol. nauk U. A. Vinokurovoj]. Serija «Kul'tura Arktiki. Vyp.1. Jakutsk, ID SVFU, 2014. (In Russ.)*
10. Chernjak E. B. *Civiliografija: Nauka o civilizacii*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija 1996. (In Russ.)
11. Gusev V. E. *Fol'klor kak universal'nyj tip subkul'tury. V di-apazone gumanitarnogo znaniya. Sbornik k 80-letiju professora M. S. Kagana*. SPb., Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. (In Russ.)
12. Apinjan T. A. *Mifologija: teorija i sobytje: uchebnik*. SPb., 2005. (In Russ.)
13. *Jakutskie narodnye pesni. Pesni o prirode*. Jakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1976. (In Russ.)
14. Semjonova N. *Mifologija holoda. Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota*. SPb., 2015 (Rukopis') (In Russ.)

Е. П. Винокурова

Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск

Туристический потенциал Якутской Арктики

Этнокультурное многообразие Якутии, культурные ценности коренных народов являются привлекательными факторами для развития этнографического туризма. В статье рассмотрены ресурсы в арктических районах республики, приведены результаты опроса по выявлению основных туристических интересов. Привлечение в туристскую деятельность учреждения культуры и местного населения с применением научно-образовательного подхода в поселениях исконного проживания этносов может стать охранительным механизмом против разрушения культур и позволит им адаптироваться в протекающих глобализационных процессах, которые несут определенные угрозы сохранению традиционного уклада бытования.

Ключевые слова: этнокультурный туризм, этнографический туризм, Арктика, коренные малочисленные народы Севера, музеи, туристический потенциал.

E. P. Vinokurova

Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk

Tourist Potential of the Yakut Arctic

Ethnocultural diversity of Yakutia and cultural values of indigenous peoples are attractive factors for the development of ethnographic tourism. The article discusses the resources in Republic's Arctic regions, and gives survey results in identifying the main tourist interests. The involvement of cultural institutions and local population in tourism activities with the use of scientific and educational approach in the settlements of indigenous ethnic groups can become a protective mechanism against destruction of cultures and will allow them to adapt to the ongoing globalization processes that pose certain threats to the preservation of the traditional way of life.

Keywords: ethnocultural tourism, ethnographic tourism, the Arctic, indigenous peoples of the North, museums, tourism potential.

Введение

Туризм играет одну из главных ролей в мировой экономике, обеспечивая десятую часть мирового валового национального продукта. Индустрия туризма в жизни людей, регионов, государств, а также в межгосударственных отношениях сегодня является существенным фактором социально-экономического развития.

В «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» туризм рассматривается «как источник финансовых доходов бюджетов бюджетной системы РФ, средство повышения занятости и качества жизни населения, способ поддержания здоровья граждан, основа для развития социокультурной среды и воспитания патриотизма, а также мощный инструмент просвещения и формирования нравственной платформы развития гражданского общества» [1].

Согласно прогнозам, туризм с этнокультурной мотивацией станет одним из устойчивых видов международного туризма, ведь именно этнографический фактор во многом определяет ценность того или иного объекта туристского интереса [2].

Учитывая его растущую значимость, полное исследование туризма не обходится без рассмотрения этнокультурной составляющей территории. Этнокультурное многообразие Якутии и характерное для него историческое взаимовлияние различных культур вызывают интерес не только у жителей нашей страны, но и у иностранцев, которые приезжают с целью ознакомления и изучения исторических и культурных особенностей коренных народов. Этнографический туризм, не имея содержательного сходства с другими видами туризма и предоставляемой туристам возможности ощутить и поучаствовать в самобытной жизни народа, дает дополнительные возможности в развитии Республики Саха и России в целом. В результате повышения интереса и внимания к этнокультурным особенностям региона, а также привлечения их к созданию туристских проектов, необычных туристских продуктов, этнотуризм может стать одним из стратегических направлений популяризации культуры малочисленных народов Севера и народа саха, сохранения и усовершенствования традиционного уклада жизни, историко-культурного наследия и являться двигателем устойчивого развития региона.

Однозначного определения «этнокультурный туризм» до настоящего момента не выведено, но значительное количество доступных трактовок имеют множество сходств по своей сути. Боль-

шинство исследователей определяет это понятие как туристскую поездку, заинтересованную к культурному наследию малых этнических групп или территорий [3]. Основное понятие этнотуризма лежит в культуре и быте местных сообществ, которые характеризуются разнообразием народов, этнических групп и языков в различных областях мира. Соответственно, турист заинтересован в определенных этносах, чьи культурные ценности имеют заметные отличия от его культуры и которые он может познать и прочувствовать через жизненные устои местных жителей, традиции, быт и национальную кухню. Этнотуризм предполагает обращение не только к этнографическим объектам, но и к элементам нематериальной культуры, таким как [4]:

- фольклор;
- обряды и ритуалы, праздники и фестивали;
- народные обычаи и традиции; традиционные ремесла;
- традиционная медицина;
- национальная кухня [5].

Развиваясь, этнографический туризм является фактором возрождения и развития национальных культур. Идет поиск забытых традиционных ремесел, создаются школы мастерства, сохраняется и популяризируется язык, традиции, обряды и обычаи. Таким образом, в этнографическом туризме заложена идея сохранения, преумножения и передачи потомкам историко-культурного наследия.

Основная часть

Арктика является отличной площадкой для создания именно этнографического туризма. Арктическая зона России является крупнейшей в мире — ни одна страна не имеет столь обширных территорий за Полярным кругом. Несмотря на то что в Арктике проживает менее 1,5 % всего населения России, северные регионы дают стране около 11 % национального дохода и около 20 % ВВП [6].

География арктического туризма Республики Саха (Якутия) охватывает территорию Анабарского, Булунского, Усть-Янского, Аллаиховского, Нижнеколымского, Оленекского, Жиганского, Эвено-Бытантайского, Верхоянского, Абыйского, Среднеколымского, Верхнеколымского, Момского районов. Из них 7 полностью находятся за линией Северного полярного круга, а территория других 6 районов пересекает Северный полярный круг [7].

Оймяконский муниципальный район позднее был добавлен в географический ареал зоны развития Арктического туризма в связи с его местоположением на границе с Арктической зоной республики, а также наличием на его территории самой холодной точки мира, что ставит его в один ряд с экстремальными климатическими условиями остальных районов Арктической зоны и формирует интерес к посещению данного экстремального места определенной целевой аудитории, ориентированной на арктический туризм. Оймяконье — единственное место на Земле с большим годовым колебанием температур: в среднем от -62°C зимой до $+39^{\circ}\text{C}$ летом. Район расположен в зоне вечной мерзлоты, глубина которой составляет 160–240 м. В селе Оймякон находится полюс холода, где была зафиксирована одна из самых низких температур в северном полушарии $-71,2^{\circ}\text{C}$.

Территория представляет единый природно-климатический и народно-хозяйственный комплекс, характеризующийся наличием большого количества водных ресурсов, включая пять рек — Лену, Яну, Индигирку, Оленек, Колыму, Анабар, 9 уникальных озер, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий республики. Прибрежная территория омывается водами моря Лаптевых и Восточно-Сибирского, являющихся частью знаменитого и малоизученного Северного Ледовитого океана. Архипелаг Новосибирские острова находится на территории Булунского района, в состав которого входят Новосибирские и Ляховские острова, овечьи тайны тайной земли Санникова.

Таблица 1

Количество коренных малочисленных народов РС (Я)

	<i>2002 год</i>	<i>2010 год</i>
Эвены	11657	15071
Эвенки	18232	21008
Юкагиры	1097	1281
Долганы	1272	1960
Чукчи	602	670

Расселенные частично на огромной площади арктического пространства, коренные малочисленные народы Севера сформировались как этнос именно на этой территории. На протяжении веков они ведут своеобразный кочевой и полукочевой образ жизни, превратившийся в их уклад. Эти народы обладают самобытными древ-

нейшими культурами, их жизнедеятельность неразрывно связана с исконными землями и традициями.

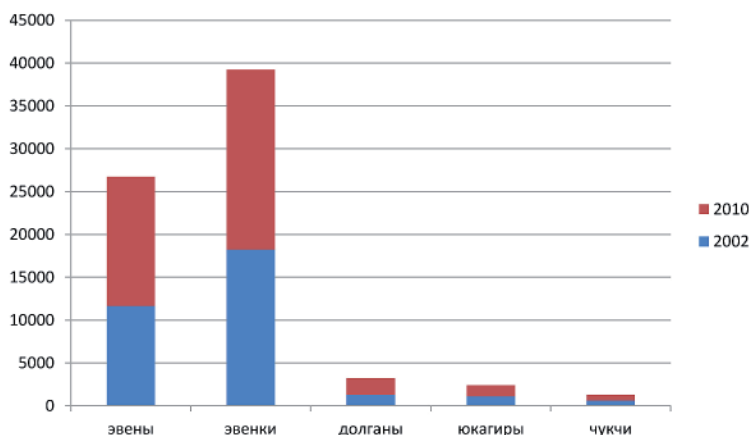

Диаграмма 1. Численность КМНС РС (Я)

В Арктической группе улусов развернута музейная сеть. Действует 29 музейных экспозиций. Общая музейная сеть — 19 единиц. Интерес у посетителей вызывает музей-экспозиция под открытым небом «Как жили наши предки», музей природы тундры и охотничьего промысла им. Д. А. Лебедева (Аллаиховский улус), Нижнеколымский музей истории и культуры народов Севера (Нижнеколымский улус), Тиксинский музей изобразительного искусства и культуры Арктики (Булунский улус), Верхоянский краеведческий музей «Полюс холода» (Верхоянский улус), Улахан — Чистайский музей истории и культуры эвенов (Момский улус), Музей истории ГУЛАГа в с. Томтор (Оймяконский улус), Частная музейная экспозиция «История Оймякона, как «Полюс Холода» ИП Васильева Т. Е. (Оймяконский улус).

Для выявления факторов развития этнографического туризма в северных районах Республики Саха (Якутия) было проведено анкетирование с охватом более 500 респондентов, которые были опрошены с помощью разработанной нами электронной анкеты. Опрошенные 200 респондентов были представлены студентами из Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации и Института зарубежной филологии и регионоведения, а также иностранными студентами из Австрийского университета

Альпен-Адриа, обучающимися по туризму. Остальные опрошенные — это российские и зарубежные респонденты, интересующиеся туризмом и Якутией как самобытным регионом.

Анкетирование проводилось электронным способом через сайт Anketolog.ru, а также вопросы были распространены через социальные сети Instagram и Facebook.

В начале анкеты задавались вопросы, связанные с их местом учебы и работы, а также с тем, представителем какого города или района является человек для понимания его компетентности в интересующем нас вопросе.

На вопрос, какие значимые достопримечательности, туристские объекты / маршруты или природные ресурсы имеются в Якутии, студенты СВФУ ответили следующим образом: 66 % — Национальный парк «Ленские столбы», 27 % — нетающий ледник «Булуус», 50 % — река Лена, 34 % — водопад «Күрүлүүр», Орто дойду, в 30 % добавили горы Кисилых, реки Индигирку, Колыму, море Лаптевых, озеро Кемпендйай, Лабынкры, Берелехское кладбище мамонтов. Иностранные студенты знают только о национальном парке «Ленские столбы» и золотодобывающем руднике трубке «Мир», 100 % студентов отметили «Полюс Холода». Остальные ответы: 82 % — «Ленские столбы», 74 % — зоопарк «Орто Дойду», 68 % — водопад «Курулуур» и «Булуус», 34 % — добавили Оймяконский район, 77 % — «Горы Кисилых».

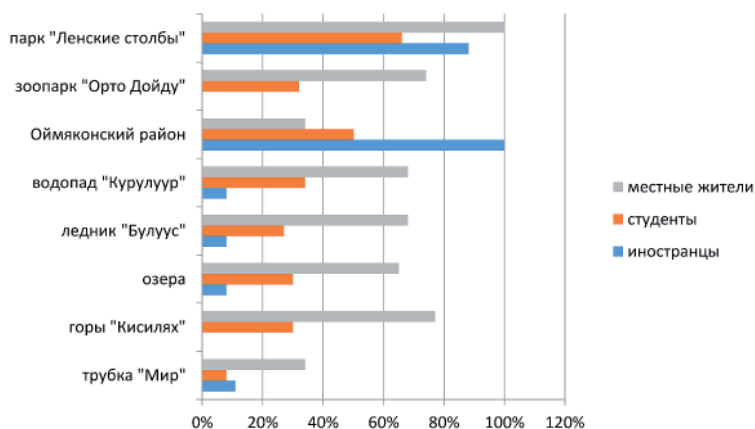

Диаграмма 2. Количество респондентов с аналогичными вариантами ответов

На вопрос, какие районы из северной группы могли бы стать отличным местом для туризма, 87,5 % опрошенных российских респондентов ответили Верхоянский район, 70 % — Момский район, 56 % — Жиганский, 54 % — Булунский, 50 % — Нижнеколымский, 42 % — Анабарский районы. Средний процент: 38 % — Оленекский, 34 % — Эвено-Бытантайский, 28 % — Нижнеколымский, 22 % — Усть-Янский, Наименьший процент — 14 % — получили Среднеколымский, Верхнеколымский, Аллаиховский, Усть-Янский, Абыйский районы. 80 % вариантов ответов были обоснованы тем, что районы, собравшие наибольший процент, имеют популярные достопримечательности среди туристов или богатые природные ресурсы. Около 50 % ответов были выбраны за красоту природы и за нетронутые места. Также 45 % опрошенных отметили районы с компактным проживанием малочисленных народов Севера перспективными для создания этнографического туризма. 13 % ответа были отрицательными, так как респонденты указали, что никогда не были в этих районах и не знают, какие памятники природы имеются на Севере республики. 17 % ответов были разъяснены тем, что в северных районах водятся олени, и это делает их примечательными. Районы, собравшие наименьший процент, были обоснованы тем, что в данных районах отсутствуют значимые объекты.

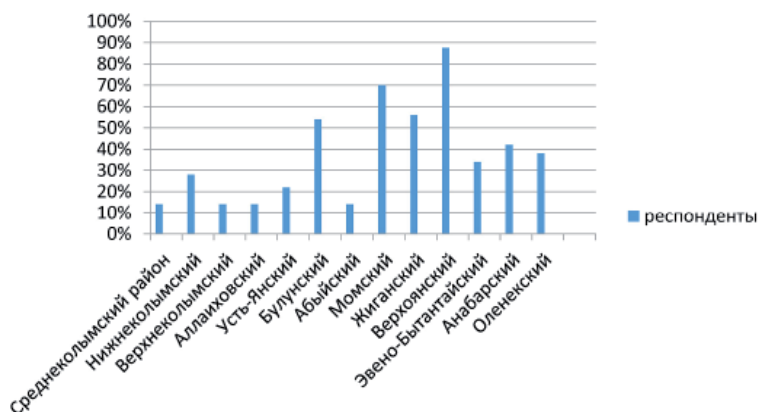

Диаграмма 3. Привлекательность арктических районов (улусов) для этнографического туризма

Для иностранных респондентов вопрос был перефразирован на «Какие туристские объекты необходимо развивать Якутии для

привлечения иностранных туристов?». 100 % студентов ответили, что холод является главным фактором развития туризма в республике; отметили Оймяконский район, где максимальная минусовая составляла -72° по Цельсию, также 100 % студентов ответили, что попробовали бы национальную кухню, 36 % оказались ведущими вегетарианский образ жизни и отметили негуманную основную составляющую якутской кухни. 56 % респондентов указали, что охотно переночевали бы в ледяном домике и покатались на оленях. 42 % студентов были удивлены тому, что при поиске в Интернете туристских маршрутов в Якутии практически отсутствует информация на иностранном языке, и оставили комментарий — обратить внимание на иностранную аудиторию, так как для них посещение экзотических стран намного приятнее, чем отдыхать на пляже. 81 % побоялись отдыха на морозе и заинтересовались погодой в летний период.

Основными проблемами развития туристской отрасли 62,5 % местных жителей отметили дороговизну цен, 75 % — наземные / воздушные пути, 50 % — слаборазвитую инфраструктуру, 43 % — географическое положение, 37 % — климат и маленькую численность населения, тогда как 79 % иностранных респондентов не видят данные факторы тормозящими развитие туризма. 81 % иностранцев отметили, что малочисленная населенность и климат являются отличающейся от многих стран особенностью в развитии этнографического туризма. Проблему в менталитете и слаборазвитой инфраструктуре увидели 65 % студентов австрийского университета.

80 % опрошенных отметили развитие экономики, прогресс и процветание республики и популяризацию народов Севера и сохранение национальной культуры при развитии этнографического туризма в северных районах. 55 % ответили, что туризм приведет к регулированию цен на авиаперевозки и ввиду большого общественного внимания к данной проблеме к вливанию средств на развитие самих арктических районов республики. Около 40 % дополнили список появлением новых рабочих мест, признанием ценности родного края, знакомством с культурой и бытом малочисленных народов и увеличением количества въездных туристов.

Наиболее интересными видами туризма в Республике Саха по мнению жителей являются: 84 % — экологический, 57 % — этнографический, 53 % — экстремальный и событийный, 42 % — лечебный туризм. Иностранные студенты предпочитают: 88 % — экстре-

мальный, 79 % — экологический, 75 % — этнографический, 68 % — событийный, 37 % — лечебный. Развлекательный и шопинг-туризм выбрали 24 % местных и 21 % иностранных респондентов.

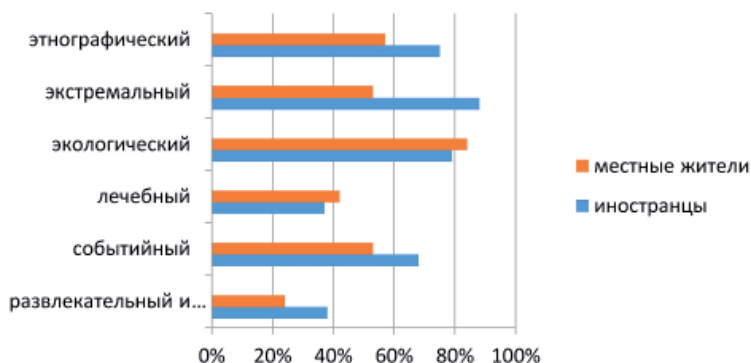

Диаграмма 4. Привлекательность видов туризма в Республике Саха (Якутия)

Немаловажным аспектом в развитии и организации туризма является гостеприимство как обычай северных народов, существующий издавна и сохранившийся до сих пор. Так же как обычай «Нимат» у эвенов и эвенков, «Закон угощения» в понимании тунгусов пронизывал все сферы их жизни: он имеет объяснение и с точки зрения экономики, в частности обычаев распределения, и с точки зрения социальной жизни как механизм установления дружеских и при благоприятных обстоятельствах родственных связей по поводу обмена.

Выводы

Таким образом, туристский потенциал арктических районов Республики Саха (Якутия) не используется в полной мере для комплексного развития туристской деятельности как совокупности участников туристской индустрии. Предполагается, что слаженное взаимодействие администраций муниципальных образований, культурных и образовательных организаций в виде программно-проектной деятельности позволит местным сообществам из числа коренных народов стать активным участником туристской деятельности.

Внедрение туристской деятельности в поселениях исконного проживания этносов может стать охранительным механизмом против разрушения культур и позволит им адаптироваться в протекающих глобализационных процессах, которые несут определенные угрозы сохранению традиционного уклада бытования. Привлечение в туристскую деятельность с применением научно-образовательного подхода может способствовать самозанятости местных жителей, предпринимательству, развитию туристской инфраструктуры, готовности приема туристов в любом количестве в любой сезон времени, популяризации культур малочисленных народов Севера, повышению интереса к их условиям жизни, трудностям, вовлеченности со стороны туристов. Таким образом, туризм станет дополнительным стимулом развития арктических территорий республики.

Библиографический список

1. Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года.
2. Суртаев Б. М. Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. 2012. № 1 (8). С. 178–182.
3. Федорова С. Н. Этнокультурный туризм как форма освоения природно-культурного наследия: на примере Республики Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2016. 27 с.
4. Зорин И. В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма: справочник. М. : Финансы и статистика, 2003. 368 с.
5. Бабкин А. В. Специальные виды туризма. Ростов н/Д: Феникс, 2008, 229 с.
6. Государственный доклад о состоянии и развитии туризма в Российской Федерации в 2014 году. М.: Министерство культуры Российской Федерации, 2015. С. 111–120.
7. Концепция развития арктического туризма в Республике Саха (Якутия) до 2025 года. URL: <https://minprom.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1304241>

References

1. *Strategii razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda* [Tourism development strategies in the Russian Federation for the period up to 2020].
2. Surtaev B. M. *Etnograficheskij turizm kak sposob sohraneniya i vozrozhdeniya etnokul'turnogo naslediya* [Ethnographic tourism as a way of preserving

tion and revival of ethno-cultural heritage]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2012, no. 1 (8), pp. 178–182.

3. Fedorova S. N. *Etnokul'turnyj turizm kak forma osvoeniya prirodno-kul'turnogo naslediya: na primere Respubliki Saha (Yakutiya): avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii* [Ethno-cultural tourism as a form of development of natural and cultural heritage: the example of the Republic of Sakha (Yakutia)] Vladivostok, 2016. 27 p.

4. Zorin I. V., Kvartal'nov V. A. *Enciklopediya turizma* [Encyclopedia of tourism]. Spravochnik. Mosow, Finansy i statistika, 2003, 368 p.

5. Babkin A. V. *Special'nye vidy turizma* [Special types of tourism]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2008, 229 p.

6. *Gosudarstvennyj doklad o sostoyanii i razvitii turizma v Rossijskoj Federacii v 2014 godu* [State report on the state and development of tourism in the Russian Federation in 2014]. Moscow, Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, 2015, pp. 11–120.

7. *Koncepciya razvitiya arkticheskogo turizma v Respublike Saha (Yakutiya) do 2025 goda* [Concept of Arctic tourism development in the Republic of Sakha (Yakutia) until 2025]. Available at: <https://minprom.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1304241>

А. Ю. Шачина, С. В. Шачин

Мурманский Арктический государственный университет, г. Мурманск

Эстетический характер нации: сохранение национальной культуры на Севере и универсальный смысл этой деятельности

Статья посвящена проблеме педагогического смысла сохранения национальной культуры на Севере в эпоху глобализации. За основу определения этого смысла берутся идеи И. Канта о том, что воспитание возможно только в сообществе людей, обладающих высоким художественным вкусом, Ф. Шиллера — именно через игру воображения в процессе развития художественного вкуса человек приобщается к нравственной культуре и И. Гердера — истина рассеяна по планете, и каждая культура позволяет найти свой способ выражения всеобщей идеи человечества. Эти идеи дополняются опытом катарсиса, восходящим к Аристотелю, и экзистенциалистской категорией решимости в смысле способности человека увидеть красоту Севера и внутренне преобразиться. В результате показывается, что национальная культура северных народов способна открыть человечеству новые источники креативности, что позволит найти пути выхода из всемирного кризиса.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, моральное воспитание, катарсис, решимость, Арктическая идентичность.

A. Yu. Shachina, S. V. Shachin

Murmansk Arctic State University, Murmansk

Esthetic nature of the Nation: Preserving National Culture in the North and Universal Sense of this Activity

The article is devoted to a pedagogical problem of preserving national culture in the North in the age of globalization. The following ideas are taken as a basis of determination of this sense: I. Kant's idea that education is possible only in a community of people possessing artistic taste; F. Schiller's idea that it is through flight of imagination in developing artistic taste that people become acquainted with moral culture; I. Herder's idea that the truth is disseminated all over the planet, and that each culture allows to find the way of expressing the general idea of mankind. These ideas are complemented with a catharsis experience going back to Aristotle and existentialist category of determination in the sense of a person's ability to see

the beauty of the North and to change oneself internally. As a result, it is shown that the national culture of the northern people is capable of demonstrating new sources of creativity to the mankind that will allow to find means of egress from the global crisis.

Keywords: *esthetic education, moral education, catharsis, determination, Arctic identity.*

1. Введение: к вопросу об универсальности в условиях глобализации

Глобализация стала атрибутом современной эпохи, это обогатило нашу жизнь настолько, что мы постоянно имеем дело с различными представлениями о хорошей жизни. Это таит в себе опасность утраты отдельными, особенно малыми, народами, своей идентичности, забвения того, что истина не единична, но «рассеяна по планете» [1, S. 197]. И. Г. Гердер, наряду с Кантом и Гегелем не потерявший актуальность как учитель подлинной свободы, в произведении «Идеи к философии истории человечества» писал, что было бы кошунством искоренение единичного (пусть даже малого) в богатстве разнообразия «в бескрайней гармонии единого мира Божия» [2, с. 15], и было бы варварством такое воспитание, которое не внушало бы с ранних лет «глубокого впечатления красоты, единства и многообразия, царящих на нашей Земле» [2, с. 21]. «Вращается шар, вращаются на нём и умы, и климаты, нравы и религии, сердца и платья. Несказанная мудрость — не в том, что всё так многообразно, но что на Земле, на этом шаре, всё создано столь единообразно и настроено в унисон. Яблоко красоты и заключено в законе: многого достигать одним, величайшее многообразие вести из непринуждённого единства» [2, с. 22]. И совершенно гуманно понимать, что каждый человек как образ и подобие Бога имеет, следовательно, своей задачей обогащение этого единства многообразия в его гармоничном развитии и должен «упражнять свои силы, чтобы обрести более прекрасную и свободную жизнь» [2, с. 429].

В настоящей статье будет рассмотрен смысл деятельности по сохранению и развитию северной художественной культуры с позиции глобализации, понимаемой как процесс становления духовной общности человечества, предполагающей синтез нравственности и красоты (что позволит найти новые смыслы и для экономической деятельности, вошедшей в последние годы в кризисное состояние). Северная художественная культура при этом сумеет развить свой гуманистический и универсальный потенциал и перестанет быть подчинённой плоским смыслам массовой культуры.

2. К вопросу об универсальном смысле эстетической деятельности: идеи Ф. Шиллера и И. Канта

Со времён Фридриха Шиллера мы знаем, что «...только через красоту ведёт путь к свободе» (Письмо 2) [3, с. 291]. Это положение великий классик философии и литературы обосновал в «Письмах об эстетическом воспитании человечества», целью которых было создание государства прекрасной видимости не как какого-либо политического учреждения, а как основанного на непрерывном эстетическом опыте жизненного мира его граждан (Письмо 27). У нас также есть все основания полагать, что, словами Шиллера, «...только общение в прекрасном соединяет людей, так как оно относится к тому, что всем общее» (Письмо 27) [3, с. 385]. От прекрасного самого по себе нельзя ждать какого-нибудь конкретного результата: оно не может просвещать, не способствует формированию характера, не занимается поисками правды и не требует исполнения долга. И всё же только благодаря общению с прекрасным человек может сделать из себя то, каким он хочет себя видеть, так как прекрасное вводит его в состояние свободы между чувственностью и разумом [4, с. 85–86].

Ф. Шиллер развил и обосновал основное положение: «...человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» (Письмо 15) [3, с. 335], благодаря чему он занял прочное место в истории теории образования на рубеже XVIII–XIX веков. «Игра» подразумевается здесь как встреча с прекрасным и искусством. Его основное правило: «Нет иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим» (Письмо 23) [3, с. 359]. Он исходит из того, что следует развивать эстетический характер, «который делал бы возможным переход от господства голых сил к господству законов и, не препятствуя развитию морального характера, служил бы чувственным залогом незримой нравственности» (Письмо 3) [3, с. 294]. Шиллер требует воспитания целостной личности: «Человек же двояким образом может быть противопоставлен себе: или как дикарь, — когда его чувства господствуют над его правилами, — или как варвар, когда его правила разрушают его чувства. <...> Образованный человек создаёт себе из природы друга и уважает её свободу, обуздывая её произвол» (Письмо 4) [3, с. 297]. Шиллер требует привести к гармонии разум и чувственность. В человеке два побуждения: побуждение к форме (это побуждение разума и его нравственного закона, категорического императива (Кант)) и чувственные побуждения (склонности, потребности). Между ними лежит пропасть и происходит борьба. Шиллер вводит новое понятие — побуждение к игре, оно не заполняет пропасть,

но, будучи посредником между ними, так уравнивает разум и склонности, что они больше не тяготеют друг друга, а пребывают в гармонии (Письмо 20).

Представляется необходимым подчеркнуть, что под влиянием «Критики способности суждения» И. Канта Ф. Шиллер отрицает дидактическую функцию искусства и выступает против его инструментализации: понятие эстетического в философии Канта и Шиллера исключает любую возможность поставить искусство на службу чему-либо.

Эстетическое воспитание Шиллера основывается на толковании красоты в «Критике способности суждения» Канта. Суждение вкуса «это красиво» не передаёт, согласно Канту, объективное свойство предмета, наоборот, выражает субъективное отношение наблюдателя, что ему предмет нравится. Это отношение происходит из гармонии двойственной чувственно-интеллектуальной природы человека. Как «красивое» обозначают нечто, что не интересует ни чувственность, ни интеллект, но «нравится незаинтересованно», без всякого интереса. Такое состояние вызывает «свободную игру» между чувственной силой воображения и интеллектуально-осознающей способностью познания. Эта «свободная игра» обосновывает у Канта автономию вкуса по отношению к чувственному влечению с одной стороны и по отношению к познанию — с другой.

Ф. Шиллер основывает свои рассуждения на этой автономии прекрасного, чтобы сделать его средством морального и политического воспитания. Он хочет доказать, что политическая свобода достижима не на политической арене, а косвенно — посредством эстетического воспитания. По его убеждению, только восприятие прекрасного способно сделать человека совершеннолетним для осуществления его свободы. Кантовская эстетика видится здесь как воплощающая принципиальную взаимосвязь между прекрасным и свободой, так как она обосновывает опыт прекрасного через «свободную игру» чувственности и понятийного логического мышления. Суждение вкуса возникает из непринужденной взаимосвязи (*Übereinkunft*) свободы и закона: «Свобода силы воображения (следовательно, чувственная сторона нашей способности суждения) в суждении прекрасного представляется созвучной с закономерностью рассудка» (Кант). Здесь Шиллер объявляет описанный Кантом опыт эстетической свободы как подготовительную ступень для политического и морального поведения. Свободная игра противоположностей и непринужденное сочетание свободы и закона — те структурные формулы, при помощи которых Шиллер выводит из эстетики политическую этику. Но таким образом он порывает с кантовской философией. Конечно, Кант также усматривает формальное сходство между эстетикой и этикой («в моральном суждении

свобода воли мыслится как согласованность последней с самой собой согласно всеобщим законам разума»), но Кант отсюда приходит к противоположному выводу, нежели чем Шиллер. По Канту, «развитие нравственных идей и культуры морального чувства — настоящая пропедевтика к образованию вкуса» — иначе говоря, только нравственно хороший человек обнаруживает вкус к прекрасному. Шиллер поворачивает это отношение на 180 градусов: только тот, кто обнаруживает в себе вкус к прекрасному, может стать хорошим и совершеннолетним в отношении политической свободы человеком [Данный абзац был написан на основе работы: 5, S. 134–135].

При этом надо заметить, что сам Иммануил Кант (без которого педагогическое мышление сегодня можно представить только как карикатуру [цит. по: 6, S. 126]) очень ценил общество высокого вкуса и утверждал, что общение в таком обществе — лучшее воспитательное средство [7, S. 578, 896].

Все мыслители высоко ценили собственную активность человека в процессе формирования и преобразования окружающей действительности: так, Шиллер в произведении «О возвышенном» подчёркивает, что мы не должны стремиться непременно окружать себя красивыми вещами, но должны делать вещи, которые нас окружают, красивыми: «Чтобы имеющееся было красивым и хорошим, мы можем требовать, а вот чтобы красивое и хорошее имелось в нашем распоряжении — только желать» [8, S. 86]. Это понятно, когда он проповедует такую свободу, при которой мы, люди, не должны быть связаны ни в одном пункте, даже в старении и в смерти. Для этого мы должны постоянно укреплять силы нашего духа, чтобы суметь снять природную необходимость через осознанное и добровольное ей подчинение (потом эта глубокая мысль Шиллера нашла своё выражение в знаменитом высказывании «Свобода есть осознанная необходимость»¹). Это также относится к его требованию «прекрасной души», которая ни в коем случае не позво-

¹ Вот как комментирует эту мысль, восходящую к Б. Спинозе, но разделяемую в каких-то смыслах и Ф. Шиллером, Д. Косой: «Волшебство заключается в осознанности. Именно она обращает необходимость в свободу. Необходимость становится свободой в момент её постижения. Постигание переживается как огромное облегчение, подъём, освобождение. Ведь постижение необходимости есть не что иное, как раскрытие истины. Раскрытие истины есть неизбежно и принятие её. Постигающий принимает необходимость (истину) в себя. Он как бы сам становится этой необходимостью, начинает ощущать её как свою собственную природу, как своё я. В этот момент необходимость перестает быть внешней принуждающей, ограничивающей силой. Она обращается в свободу, т. е. в собственную волю постигающего. Осознанная необходимость становится природой и соответственно свободой того, кто её постиг. Это так просто». См.: [9]

ляет себе малодушие или уныние. Практическое применение этому можно найти в обосновании необходимости умения изготовления одежды из имеющихся в наличии средств, умения находить такие материалы (вместо требования роскоши, которая вела бы к пассивности и угасанию фантазии).

3. К проблеме эстетического воспитания в контексте нравственного образования человека

Надо заметить, что русские мыслители, как, например, основоположник российской педагогики К. Д. Ушинский, делали большой акцент на различении понятий полезного (что относится к ремеслу) и прекрасного (что относится к искусству), оставляя последнему место в музее и на художественных выставках (следуя мысли того же Канта, что прекрасное должно нравиться незаинтересованно). Полезность произведений искусства усматривается при этом исключительно в их красоте: К. Ушинский отмечает, что «цена вещей – в нас самих, а не вне нас» [10, с. 333]. Но «художественное чувство человека ловит черты красоты везде, где их видит» [10, с. 336], поэтому естественно и придание красоты полезному и практичному: сюда с древних времён относится украшение посуды, одежды, жилищ и оружия, что когда-то стало первым шагом к развитию человеческой культуры, когда интерес человека перестал получать удовлетворение только лишь от овладения средствами самосохранения и выживания [11, с. 28].

Чему мы можем научиться на основании данных основоположений? Несмотря на то что развитие чувства прекрасного, наряду с чувством возвышенного, и есть важная задача воспитания, мы должны понимать, что желание лично обладать прекрасным имеет следствием страсть корыстолюбия, что недопустимо для человека хорошего вкуса. Поэтому дорогим прекрасным произведениям искусства лучше оставить место в музее, чтобы сделать их доступными для восприятия другими людьми (это относится и к дорогому по стоимости национальному костюму как произведению искусства). Но человек, обладающий высоким вкусом, свободен только тогда, когда он творит в общении с прекрасным, то есть стремится украсить полезное и практичное. При этом, украшая полезное, человек должен иметь возможность выразить свою идентичность, то особенное, благодаря которому он занимает свою нишу в гармонии целого и тем самым обогащает человечество. Такой человек будет стремиться показать то, что он любит (т. е. вещь, произведение искусства, красивый природный вид, свой образ жизни и пр.) не потому, что оно, с его точки зрения, есть самое лучшее (или лучше, чем у других), а потому, что это — его творение и тем самым оно лучшее

среди лучших (то есть этот человек вложил в его создание душу) и особенное (то есть он постарался сделать эту вещь по высшему качеству, на которое он был в данном случае способен). Пошив красивой национальной одежды и оформление быта как нельзя лучше способствует данной цели — воспитанию общечеловеческого и национального эстетического характера свободного гражданина в «государстве прекрасной видимости».

4. К вопросу о возможности формирования на Севере сообщества эстетически образованных личностей

Что касается применения данных методологических идей великих немецких и российских философов и педагогов к Арктике, то сразу же напрашивается целая сокровищница смыслов. Исходным пунктом будет идея, которая давно известна мировой философии начиная с Платона: истину может постигнуть тот, кто уже находится в истине, кого она коснулась каким-то образом, хотя бы интуитивно (поэтому познание есть на самом деле припоминание глубинного знания). Если мы перенесём эту идею в нашу тематическую область, то мы поймём, что Арктику может осознать только тот, у кого есть исходное позитивное отношение к Северу, и эстетически-разумное переживание творческой деятельности может получить только тот, кто уже является человеком творческим по своей глубинной настроенности духа. Поэтому первый уровень проекта по созданию особого художественного мира на Севере заключается в том, чтобы сделать этот мир полюсом притяжения творческих личностей отовсюду, как с других концов огромной арктической «циркумполярной цивилизации» (У. Винокурова и В. Яковец), так и из других районов Земли, не обязательно арктических. Надо, чтобы на Севере было сгенерировано особое поле повышенной пассионарности, то есть человеческой активности, превышающей узкоматериальные задачи, активности, нацеленной на улучшение мира, и тогда это поле будет притягивать лучших людей со всей Земли; а дальше может исполниться тот смысл, что заложен в русской поговорке: «Свояк свояка увидит издалека», то есть творческие, художественно одарённые люди найдут общий язык друг с другом.

Интересно, что они смогут донести друг другу разный духовный опыт, так как они будут принадлежать разным социальным сообществам. А для этого наиболее подходящей будет именно атмосфера игры, как она описана Шиллером: только в игре будет снято напряжение конкуренции, соревновательности (ведущей к разного рода «рейтинговости», когда творческих людей некое жюри будет расставлять по местам). Вместо этого задачей будет именно взаимное осознание чужого духовного опыта и передача свое-

го опыта на символическом языке, который будет понятен партнёру, использующему иные, чем я и моё сообщество, средства выразительности. Такая игра, которая не ставит перед собой задачи узко-прагматического характера, будет путём для создания этого поля пассионарности и ареной, в которой будет совершаться адаптация людей к Арктике.

Поэтому надо проводить продуманные фестивали народной культуры в единстве с какой-либо деятельностью, которая будет снимать дистанцию между зрителями и исполнителями, то есть совершать нечто вроде коллективных акций по творению художественной реальности. Надо, чтобы каждый из участников данного фестиваля нашёл в нём своё место, чтобы любое движение души нашло бы свою оценку и признание хотя бы в узком кругу (а взамен человек постигнет такой же творческий момент и в результатах труда другого). Каким образом составить программу этих фестивалей — это уже задача конкретных организаторов; философия же может дать только общую идею, которая затем начнёт воплощаться в жизнь. И при этом не надо географически локализовывать арктическую жизнь в самой Арктике; вместо этого нечто подобное надо создавать и в не-арктических регионах Земли в особый период, например зимой: скажем, жителям средних широт благодаря таким фестивалям будет доноситься особый эстетический и духовный опыт холода, что приведёт к пониманию у них того, что Север не есть обязательно холод, а холод не есть обязательно чуждость души: внешний холод может сопровождаться осознанием внутреннего тепла человеческих душ. И наоборот, на севере летом может быть в отдельные дни достаточно жарко, вот и было бы интересно провести в это время нечто вроде праздника встречи Севера и Юга; при этом северная жара совершенно неповторима и отличается по восприятию человеком жары, например, степной зоны; и надо передать людям, которые будут приезжать на такие фестивали, духовный опыт тёплых летних дней в Арктике (хотя бы, скажем, через переживание очарования белых ночей и полярного дня в Заполярье).

5. Опыт определения глобальной миссии северного сообщества эстетически образованных личностей

Однако если с творческими людьми всё более-менее понятно: они всегда собираются там, где почувствуют неповторимый дух творения (возможно, это творческий человек ощущает даже подсознательно), то гораздо сложнее будет найти доступ к душе человека, который в результате тяжёлых жизненных условий в эпоху кризиса, в результате социализации (или пребывания) в атмосфере ли-

шённости любви, в результате каких-то своих ошибок, заблуждений, стереотипов или безнравственных поступков (или отсутствия самой способности постигнуть нравственный закон из-за слабости развития в себе практического разума в Кантовском смысле) окажется *лишённым* этого творческого духа, этой творческой настроенности своего самосознания. А ведь таких людей сейчас очень много, и в этом и состоит одна из причин всемирного кризиса... Для таких людей единственно реальным является сиюминутная материальная выгода, ибо они задыхаются в своей скорлупе эгоизма, себялюбия, страстности или пребывают в депрессии как под гнётом внешних обстоятельств, так и из-за того, что испытали страдания от разрушительного и саморазрушительного действия своих страстей или слабостей... Эти люди посчитают всё здесь написанное жалкой поэзией или абстрактным умствованием. Они на самом деле ищут возмещения в материальных благах и утехах того самого главного, чего они лишены, но не находят утешения, почему начинают идти по спиралям судьбы, пока наконец не будут поставлены перед некоей экзистенциальной задачей, которую надо будет решить... Чем мы сможем помочь таким людям, причём надо их не оттолкнуть, а снять их внутренние конфликты, исправить их неправильно направленные душевные силы, поднять их из трясины страданий и темноты заблуждений?

Ответ на этот вопрос прост в теории и парадоксален на практике, когда мы постараемся его воплощать в жизнь: надо помочь таким людям выработать новые смыслы своего личностного существования. Дальше, если этот первый шаг уже будет сделан, разум человека сможет найти выход из лабиринта запутанности, сможет дать новый ориентир для страстей, чтобы они перестали быть «раковыми опухолями разума», как их охарактеризовал И. Кант в работе «Антропология с прагматической точки зрения», а здоровые силы души высвободились бы из ложных отождествлений с недостойными объектами внимания, которые вели к нарушению равновесия в человеке. Парадоксальность состоит в том, что это коренное изменение в своей душе, ведущее к пробуждению в человеке нравственного и эстетического образа мыслей, может сделать только сам человек; ему невозможно не только навязать эту способность совершить внутренний переворот; он даже не будет понимать, что такое игра, что такое творчество и пр., потому что в его душе будет отсутствовать орган для такого понимания. То есть разум, чтобы активизироваться, нуждается в поддержке со стороны воли — она должна быть собрана воедино и возвышена на служение высокой цели, а это возможно только в том случае, если воля не рассеяна или не парализована ленью и трусостью (два главных препятствия для самостоятельного мышления, как об этом написал И. Кант в рабо-

те «Ответ на вопрос: “Что такое Просвещение?”») и не пребывает в плену страстей и заблуждений. Паралич или неправильная направленность воли — это одна из самых распространённых болезней современного человека, причём не только в России, но и на Западе. Причин у этого феномена множество, и не последнюю роль тут играет разрушение среды обитания человечества (вплоть до дегградации генетического кода человечества из-за ГМО), кризис коллективной идентичности, потеря влияния религий и духовных учений прошлого (которые ставили перед собой задачу помочь верующему человеку соединять разум и волю, разум и сердце в целостное существо), разочарование в идеалах Просвещения, всемирный кризис капитализма, приносящий массовую нисходящую мобильность и делающий неизбежной повседневную борьбу за выживание и многое другое. С этими глобальными причинами проекту по созданию художественного мира арктического человека не справиться; но если не суметь хоть как-то этим разрушительным процессам противодействовать, то этот проект обречён на неудачу. Как же нам бросить вызов мощным разрушительным силам, не находящимся в нашей власти, и рассчитывать при этом на успех?

При ответе на этот вопрос нам поможет такая важная категория экзистенциализма М. Хайдеггера, как решимость. Вот как метко характеризует эту категорию Хайдеггера О. Ф. фон Болльнов, который сам был первоклассным философом-экзистенциалистом: «Это есть форма подлинной временности, где мгновение обретает окончательную и безусловную ценность... В “решимости” достигается такое состояние человеческой жизни, в котором абсолютная внутренняя ценность отдельного мгновения делается независимой от его временного протяжения. Строго говоря, нельзя даже говорить о состоянии, поскольку речь идёт о совершающемся в мгновении процессе, чья сущность заключается именно в напряжённейшей деятельности. “Решимость”, следовательно, означает такой склад подлинного человеческого бытия, где деятельность получает свой смысл более не из какой-либо требующей достижения цели, но неколебимо несёт этот смысл в самой себе. Речь идет о предельной напряжённости человеческого бытия, в котором оно вырывается из состояния прежней сумеречности и самоизгнанности и соединяет все свои силы в единое активное остриё. Своё собственное бытие, рискующее разрушиться в огромном количестве предоставляющихся возможностей, человек собирает в определенном результате, обретающем окончательный смысл исходя не из достижимого (или же, возможно, и недостижимого) успеха, но исключительно из безусловности самой вовлечённости... И здесь существенным оказывается отчётливость выделенного предельно заострённым образом мгновения» [12]. То есть мы как представители творческого со-

общества должны прийти на помощь человеку, который оказывается помещённым в такую ситуацию решимости. Она наступает тогда, когда человек уже проведёт достаточно сильную работу по отрицанию своей предыдущей жизни, её ориентаций, её идолов, осознаёт раздвоенность или слабость своей воли и т.п. и поймёт, что дальше так жить нельзя, но пока ещё не совершит шага в сторону положительности и не осознаёт сокрытый в себе творческий дух (потому что он ещё не имел опыта его раскрытия). В этот момент человек рискует попасть в пустоту нигилизма и окончательного разочарования, после чего выберет путь быстрого или медленного саморазрушения (и разрушения социального мира вокруг себя). И сам акт приезда такого человека на Север можно будет рассматривать как обусловленный этим состоянием решимости: для человека сам выбор направления не к тёплому морю и местам курортных развлечений, а на Север будет обусловлен этим самым духом решимости (который он испытает в некий важный момент своей жизни независимо от нас, т. е. людей, которые образуют творческое сообщество Севера). Первый, самый сложный шаг к коренному изменению образа мыслей человек сделает самостоятельно (мы всё равно над ним не властны), а вот потом мы уже должны будем не упустить такого человека и поместить его в такую обстановку, где он поймёт, на что же конкретно он решился.

А для этого нам поможет ещё одна категория эстетики — категория катарсиса, которую Аристотель понимает как способность дистанцироваться от своей чувственной природы и ослабляющих аффектов за счёт сопереживания трагедии; при этом в момент дистанцирования возникает эффект очищения души, и способности человека начинают идти по новому руслу, восстанавливая целостность человеческой личности. В ходе драматического действия страх заменяется страхом осознанным, сострадание становится истинным, а подавленное настроение сменяется настроением гармоничным и уравновешенным — таким образом сознание человека очищается от аффектов [об этом см.: 13]. Этот эффект катарсиса и должен достигаться, причём мы не должны быть привязаны к жёсткому пониманию того, что катарсис может быть только в трагедии (как это считал Аристотель): именно искусство национальной одежды, костюма, рукоделия, в единстве с особой художественной средой и образом жизни на Севере и введёт человека в состояние удивления, от которого недалеко до катарсиса. А через катарсис в нём будет активизирован поиск подлинных смыслов, которые в конечном счёте и помогут осознать себя, тот подлинный дух креативности, что дремлет в каждом и ждёт благоприятных условий, чтобы пробиться наружу. Человек испытает опыт любви к миру и поймёт, где же лежат подлинные ценности, после чего он включит-

ся в деятельность по созданию «креатосферы Севера» как полноправный участник. Именно так на Севере и будет сформировано поле повышенной пассионарности, которое сумеет сгенерировать разумные энергии, противодействующие неразумным силам разрушения. Север станет не краем земли, а началом пути... И, может быть, в этом и заключается его подлинное предназначение в человеческом бытии. И именно в контексте универсального смысла реализации этого предназначения и будет понятна цель воссоздания народной культуры народов Севера.

6. Вывод: об универсальном смысле эстетической деятельности на Севере

По сути дела, нет никаких педагогических, социально-культурных, практических и пр. целей, если нет единой цели, и эта цель — самоопределение человека и человеческого рода в целом. А самоопределение постулирует трансцендентное, сверхприродное, почему подлинная культура и образование получает снова своё религиозное обоснование (по образу и подобию Божьему). И даже если мы ограничимся идеей о том, что религиозное есть просто постулат разума, то эта мысль наполняет нашу душу возвышенным; а отсюда — прямой путь к преодолению отчуждения и восстановлению целостности, причём как в человеке, так и в отношениях человека к миру, и в отношениях людей друг к другу. Возможно, именно на этом пути и может быть найден выход из всемирного кризиса: он будет преодолен в результате подвижнической жизни лучших людей Земли, а «креатосфера Севера» будет и формироваться такими подвижниками, и сама формировать способность к нему на основе описанных во второй части статьи социальных практик.

Библиографический список

1. Zdarzil, Herbert: Johann Gottfried Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit // Hauptwerke der Pädagogik / Hrsg. von W. Böhm, B. Fuchs, S. Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. S. 195–198.
2. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Шиллер Ф.И.Х. Письма об эстетическом воспитании человечества. // Шиллер И.Х.Ф. Сочинения: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1956. Т. 6. С. 251–358.
4. Rittelmeyer, Christian: Über die ästhetische Erziehung des Menschen: Eine Einführung in Friedrich Schillers pädagogische Anthropologie. Weinheim und München: Juventa Verlag, 2005. 231 S.
5. Matuschek, Stefan: Kommentar für Friedrich Schillers „Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen“. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 125–273.

6. Fischer, Wolfgang: Immanuel Kant. In: Philosophen als Pädagogen: Wichtige Entwürfe klassischer Denker / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Dieter-Jürgen Löwisch. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1998. S. 125–139.

7. Kant, Immanuel: Vorl. Anth. In: Kant, Immanuel: Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Bd. XXV (IV/2). Berlin, 1997.

8. Schiller, Friedrich: Über das Erhabene. // Schiller, Friedrich: Vom Pathetischen und Erhabenen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. S. 83–100.

9. Косой Д. Свобода как осознанная необходимость. URL: http://philosophystorm.org/otto_pyrin/3127 (дата обращения: 18.08.2019).

10. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К. Д. Избранные труды: в 4 кн. Кн. 3. М.: Дрофа, 2005. 560 с.

11. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

12. Болльнов О.Ф. 4. Решимость // Болльнов О.Ф. Философия экзистенциализма. URL: <https://fil.wikireading.ru/2499> (дата обращения: 18.08.2019).

13. Долгов К. М. Катарсис // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд. М.: Мысль, 2010. См.: URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86bd742c788c9ed5da>

References

1. Zdzarzil, Herbert: Johann Gottfried Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. // Hauptwerke der Pädagogik / Hrsg. von W. Böhm, B. Fuchs, S. Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. S. 195–198. (In German.)

2. Herder J.H. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of the mankind]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.)

3. Shiller, Friedrich. Pis'ma ob esteticheskom vospitaniji chelovechestva. [Letters about aesthetic education of mankind]. Shiller, Friedrich. *Sochinenija v vos'mi tomah. Tom 6* [Schiller, J. C. F. Works in eight volumes. Vol. 6]. Moscow – Leningrad, Goslitizdat, 1956, pp. 251–358. (In Russ.)

4. Rittelmeyer, Christian: Über die ästhetische Erziehung des Menschen: Eine Einführung in Friedrich Schillers pädagogische Anthropologie. Weinheim und München: Juventa Verlag, 2005. 231 S. (In German.)

5. Matuschek, Stefan: Kommentar für Friedrich Schillers „Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen“. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 125–273. (In German.)

6. Fischer, Wolfgang: Immanuel Kant. In: Philosophen als Pädagogen: Wichtige Entwürfe klassischer Denker / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Dieter-Jürgen Löwisch. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1998. S. 125–139. (In German.)

7. Kant, Immanuel: Vorl. Anthr. In: Kant, Immanuel: Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Bd. 25 (IV/2). Berlin, 1997. (In German.)

8. Schiller, Friedrich: Über das Erhabene. Schiller, Friedrich: *Vom Pathetischen und Erhabenen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. S. 83–100. (In German.)

9. Kosoj D. *Svoboda kak osoznannaja neobhodomost'* [Freedom as a conscious necessity]. Available at: http://philosophystorm.org/otto_pyrin/3127 (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)

10. Ushinskij K. D. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opit pedagogicheskoy antropologii [Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology]. Ushinskij K.D. *Izbrannije trudi v 4 knigah, kniga 3* [Selected works in 4 books. Book 3]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 560 p. (In Russ.)

11. Hessen S.I. *Osnovi paedagogiki. Vvedenije v prikladnuju filosofiju*. [Basics of the Pedagogy. Introduction to the applied philosophy.] Moscow, Shkola-Press, 1995. 448 p. (In Russ.)

12. Bollnow, Otto Friedrich. Reshimost' [The Decisiveness]. Bollnow, Otto Friedrich. *Filosofiya existenzialisma* [The Philosophy of Existentialism]. Available at: <https://fil.wikireading.ru/2499> (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)

13. Dolgov K.M. Catharsis. *Novaya filosofskaya enciclopaediya* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow, Misl', 2010. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86bd742c-788c9ed5da> (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)

**Материалы, публикуемые
в рамках международного Симпозиума
«RELATE NORTH — 2019: традиции и инновации
в образовательном пространстве искусства и дизайна»
(10–16 ноября 2019 года, г. Сыктывкар)**

УДК 7.03; 74

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-168-173

M. Yu. Spirina

University associated with the Interparliamentary Assembly of EurAsEC,
St. Petersburg

Traditional Applied Art and Design: Tradition and Innovation

The topic of the article is the interaction of traditional applied art and design, it is very relevant, although many researchers considered the traditional applied art a bygone past. Such opinion is due to the extremely poor knowledge on the theory of folk art. Such kind of art contains a huge potential for the further development of culture as a whole, professional art, design, and sociocultural activity. Possessing incredible integrating potential it opens up unprecedented prospects for a modern person. Traditional Folk Art contributes to the successful evolution of arts and crafts, design. Note that the most important unresolved issue is the question of terminology. It is necessary to expand the study of the interconnections that define traditional applied art as the primary source of design activity and show the possibilities of using the potential of this art form for the further evolution of design as a whole.

Keywords: *traditional applied art, design, interaction, history, art theory, scientific study.*

М. Ю. Спирина

Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

Традиционное прикладное искусство и дизайн: традиции и инновации

В статье характеризуется весьма актуальная проблема взаимодействия традиционного прикладного искусства и дизайна, хотя этот вид искусства зачастую считается ушедшим в прошлое. Подобная точка зрения определяется крайне слабой изученностью истории и теории традиционного прикладного искусства, хотя оно содержит в себе огромный потенциал дальнейшего развития профессионального искусства, дизайна, социокультурной деятельности, культуры в целом. Необходимо расширить изучение тех взаимосвязей, которые определяют традиционное прикладное искусство как первоисточник дизайнерской деятельности и показывают возможности использования потенциала данного вида искусства для дальнейшей эволюции дизайна в целом.

Ключевые слова: традиционное прикладное искусство, дизайн, взаимодействие, история, теория искусства, научное изучение.

Today the term “design” in theoretical and practical aspects is increasingly replacing other concepts (“decorative art”, “arts and crafts”, “traditional art”). Most authors advocate the thesis that, although the design appeared not so long ago (in the beginning of XX century), it is the future, while applied arts are receding into the past. The authors of one design textbook affirm that “In essence, decorative-applied art, once recognized as self-sufficient sphere of culture, has given way to the new projecting structures of developing society, because the importance of ideological and public relations of human being and his environment, in former times hidden in the works and the ideas of applied art, acquired its true scale” [1, 11]. Authors of a number of design manuals are absolutely convinced that design is “the most sought-after, the most widespread and the most influential of the arts”, while forgetting about the primary source of design that are traditional crafts.

Most researchers do not deny that design creation occurs within such important, self-sufficient phenomenon of artistic culture, as traditional art, but they forget about it when exploring different aspects of the phenomenon. Anciently man himself created objects which surrounded him. And this process is not interrupted at the moment, although its scope somewhat narrowed. Household items, as well as items with which people decorate the interiors of residential, public and industrial buildings partially made with hand art work, rightfully occupy an exclusive

place in the aesthetic sphere of human habitation and they relate to the traditional arts and crafts. Design as an artistic and technical projecting begins to appear formally inside the various kinds of arts and crafts from the XVIII century.

Peasants-masters need to be recognized like the first artist-designers, they are the real creators of what later became known as the folk, household or production art. Le Corbusier, having got acquainted with folk ceramics in Hungary, noted: “<...> a peasant artist so skillfully combines color and line, line and form, that we literally fell ill with envy!” [2, p. 9]. For all the similarities of peasant “production” with a modern design researchers must clearly distinguish the traditional peasant or urban craft culture of the past and the modern design, constantly bearing in mind that the peasant applied art is the source of design. It was in the course of evolution of this art that a new form of project activities emerged in the second half of the XIX century. Mikhailov and Kuleeva believe that “Design became a phenomenon of the artistic culture of the XX century. It quickly burst into our lives and became one of the most popular and influential forms of art-project activities” [3, 5]. Vladimir Mayakovsky at the World Exhibition in Paris in 1925 noted that the artists in Russia are carriers of advanced ideas in this kind of projecting. We must emphasize that the term “design” got the exact wording not immediately.

The traditional arts and crafts from the very beginning and to this day retain the integrative character. It combines very different disciplines and areas of human activity (art, science, economy, education, spiritual culture, advertising, design). They are developed within the applied art and later (at different times) formed as independent kinds of human activities. Contemporary design is analogously coming out of traditional art. Design acts as a branch of this art, inherit a number of features from it. The earliest masters made significant efforts and spent many centuries developing such forms of objects that meet the aesthetic needs of the social strata and take into account the properties of the materials from which they are made. Such forms were created in accordance with the guiding principle of traditional art (the unity of beauty and benefit or unity of good and beauty). In 1930-s Anatoly Lunacharsky very accurately called material culture as “a culture, dressed in a thing”.

Gradually the projecting of art objects removed more and more from the process of materialization of idea by the artist of applied art. The learning of projecting becomes the main content of the education of the artist, while the making of the designed product is transferred to the master-executor (the master-artist).

Education of designers in Russia can be attributed to Peter the Great's time, when it was still associated with the manufacture of household items. It is assumed that it was a relatively short period of training of the most highly qualified traditional art's master-artists, masters of a new type, differing from the artisans of ancient Russia [4, 123]. The art industry begins to put forward its own conditions of production of household items. In art industry a need for an engineer emerges, that is an engineer who also would have the art knowledge. In fact, the work of such a professional is considered as a special form of creative activity whose aim was to determine the formal qualities of industrial products. Today prevailing view is that in this period "traditional artistic and industrial professions (potters, furniture makers, shoemakers, goldsmiths) turned in a relatively isolated group of "applied art' masters", who supports the main strike force (designers of industrial and graphic guilds)"[5, 11].

New materials and techniques were mastered, but the appeal to the historical experience of traditional applied art was preserved. Such appeal took various forms: both giving some external resemblance to hand-craft items that were considered an ideal, and the mechanical combination of various historical styles. On the other hand, the second half of the 19th century is also marked by the formation of a completely new style in art, which is emerging within the era of historicism. Artists, and not only them, carefully studied antiquity, the Middle Ages, various historical styles of European art, turned to the artistic experience of distant countries of the East, including Africa, as well as to the national artistic past, including folk art. The result of all this was the formation of the "modern" style, a complex phenomenon, not fully developed and not sufficiently studied. However, in this conglomerate of repetitions, reminiscences, analysis, such a direction as functionalism was synthesized, the ideology of which turned out to be much in common with the basic principles of artistic design at the beginning of the 20th century.

Gradually a new profession of industrial art artist — designer — has been formed. In Russia for a long time the terms "industrial art" and "technical aesthetics" were used instead of the term "design". Mass production of goods, the development of technology and economy have made radical changes in social structure and social conditions of people's lives. New materials and techniques of manufacturing of products were mastered, but the consideration of the historical experience of the traditional arts and crafts is also preserved. It took different forms: as giving some external similarities with hand-made things, which were seen as the ideal, and as the mechanical connection of various historical styles.

As a phenomenon that is in its infancy, the design is in a constant search and seems to not completely sever the umbilical cord that connects it with the traditional arts and crafts, from which he was born. An example is the “people’s design”, which appeared during the 1960s. In the dwelling of that time people felt uncomfortable and sometimes even awkwardly. Then many residents of dwellings-“boxes” reshaped such dwelling in their own way, sometimes without regard to its original functional and aesthetic principles, sometimes professional designers were depressed. Most of these “natural” designers turned to subjects of traditional folk arts and amateur creativity. It should be borne in mind that in 1960-1980s the process of mutual influence of folk and professional arts and crafts was continuing. Traditional folk art served as a kind of school of excellence for all employees and self-taught, working in this field. The world of forms and methods of processing materials, based on folk traditions, turned out to be extremely rich and diverse. That’s why mode of life of our contemporaries has undergone changes; handicrafts began to enter into new homes, among them was miniature lacquer painting, woodworks, wood painting like Khokhloma and Gorodets painting; straw and bark weaving, woven goods, carpets, lace and many more else. The task of traditional arts and crafts became to imbue vivid emotions into the abstract space, i.e. creation of an individual’s own sphere necessary for the individual, associated with the characteristics and originality of the personality itself. And this constitutes a direct correspondence to one of the main characteristics of traditional applied art — its humanity. Thus, the cheerfulness and optimism of the subject environment is returned to a person, which ensures the preservation of his physical and mental health [6]. That’s why folk traditions laying in projecting base must be scrutinized.

The products of the masters of traditional applied art show that tradition, an appeal to the past, and the national are manifested not only in various external signs, but also mainly in the informative meaningfulness of a thing in the subject medium, which gives it the character of uniqueness. In the design, the simultaneous presence of art and technology is noted. They can be considered as varieties of the same creative and practical activity. They are able to merge so closely with each other that sometimes there is no way to distinguish where technology ends and art begins.

Now it is well known that a person considers its objective environment not only as a tool for functional processes, but also as the individual sphere; its needs are associated with features and originality of the personality. Such individual sphere needs be associated with features and

originality of the personality. Design, do not abandon family ties with the traditional arts and crafts and do not forget about them, so meets human needs. This design is manifested in modern interiors of different nature.

K.A. Makarov once argued that decorative art can never be replaced by design, because it has its own function, another nature of forming, and that its position is highly relevant today, when the boundaries of art blurred; some omnivorous dominated in artistic activity, and in theory manifests blur criteria [7]. Traditional applied art continues to maintain its position as vital society phenomenon that is closely knit with other components and form with them society's life-support system. We can assume that art and design are those kinds of creative activity, where the process of objectifying ideas is usually carried out of the materials given by the very nature; Let us recall that human being is a part of the nature, exists in the nature, preserving his own integrity with the world.

This position is very relevant today, when some omnivorousness dominates in the artistic activity, and the theory shows the blurring of criteria. Traditional applied art continues to maintain its position as a vitally important phenomenon for society, closely welded to others and constituting together with them its life support system.

References

1. *Minervin G. B., Shimko V. T., Efimov A. V., Yermolaev A. P. and others.* Design. Key provisions. Kinds of design. Features of design projection. Masters and theorists. Illustrated Glossary. M.: Architecture-C, 2004.
2. *Le Corbusier.* Journey to the East. Per. With rench Candidate of Technical Sciences M.V. Forerunner. M. ; Stroyizdat, 1991. 120 p.
3. *Mikhailov S. M., Kuleeva L. M.* Design Basics. Moscow Union of Designers, 2002.
4. *Pronina I. A.* Decorative arts at the Academy of Fine Arts: From the history of Russian art school XVIII — first half of XIX century. M.: Visual Arts, 1983.
5. *Pronina I.A.* Decorative arts at the Academy of Fine Arts: From the history of Russian art school XVIII — first half of XIX century. M.: Visual Arts, 1983.
6. *Spirina M. Yu.* Traditional applied art in the era of globalization / III Khudoyarov readings. Collection of reports and messages [Text]. Under the total. Ed. L.A. Pavlenko, A.Kh. Fakhretdenova. Nizhny Tagil: Media-Print, 2008. 276 p. P. 14-26.
7. *Makarov K. A.* From the creative heritage. Unrecognized genius (sculptor Dmitry Tsaplin). Decorative arts in the culture time. M.: Research Institute of the Russian Academy of Arts, 1998. 158 p.

**Материалы, публикуемые в рамках
XIV Международной научной конференции
«Семиозис и культура: человек, общество, культура
и процессы социальной трансформации»
(6–7 декабря 2019 года)**

УДК 316.346.32

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-174-187

А. А. Бесчасная

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

**Образ детства в зеркале урбанизации: от традиций
к мозаике**

Урбанизация выступает фактором как развития городов, так и их дифференциации, мерой вовлеченности в процессы технологической модернизации и трансформации повседневных социальных практик горожан. Специфика взаимодействий в городском пространстве, участие жителей в функционировании социальных институтов, использование инноваций, разнообразие форм и характера проведения досуга образуют паттерны повседневности и модели жизни детей в городах. Противоречия в повседневности детей, возникающие между сохранением традиции как олицетворения стабильности и нововведениями как отражением динамики урбанистических трансформаций, сформировали традиционно-ориентированный, остаточно-традиционный, партнерский и мозаичный паттерны урбанистического детства.

Ключевые слова: *детство, урбанизация, город, образ, паттерн, пространство, повседневность, хронотоп.*

A. A. Beschasnaya

North-West Institute of Management — branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg

The Image of Childhood in the Urbanization Mirror: from Tradition to Mosaic

Urbanization is a factor in both development of cities and their differentiation, a measure of involvement in the processes of technological modernization and transformation of citizens' everyday social practice. Peculiarities of interactions in the urban space, participation of residents in the functioning of social institutions, use of technical innovations, variety of forms and nature of leisure activities form the patterns of everyday life and models of children's lives in cities. Contradictions in children's daily routine arising between preservation of tradition as the embodiment of stability and innovations as a reflection of the dynamics of urban transformations have shaped the traditionally-oriented, obsolete-traditional, partner and mosaic patterns of urban childhood.

Keywords: *childhood, urbanization, city, image, pattern, space, everyday life, chronotope.*

Введение. Интенсивные процессы глобализации, наблюдаемые в настоящее время, обусловили очередной исторический виток урбанизации. Урбанизация представляет собой процесс изменения и развития общества, наглядность и очевидность которого выражается в возникновении, увеличении количества и росте городов, во внедрении производственных технологий, сокращающих зависимость человека от природы в вопросах добычи средств существования, в распространении городского образа жизни и притягательности культурных артефактов. Технологические трансформации, обеспечивающие сетевое объединение городов, одновременно ранжируют их по степени вовлеченности в социально-экономические изменения и привлекательности для жизни людей. Согласно данным Росстата, на 1 января 2019 г. в РФ проживало 146,8 млн человек, среди которых городских жителей было 109,5 млн человек, или 75 % от общей численности [1]. Динамика городского населения демонстрирует его увеличение, но при этом — сокращение самого числа городских населенных пунктов. Конкурентоспособность и стратифицирование городов по уровню комфорта указывают на различный уровень комфорта жизни детей городских жителей, привлекательность или неприятие городского устройства и организации городского пространства, способствующих или препятствующих формированию идентичности горожан, а также на различающиеся между собой повседневные социальные практики населения [2, с. 71; 3, с. 286; 4]. Поэтому успешное развитие городов все в боль-

шей мере детерминировано индивидуальным опытом, отношением к месту проживания, возможностью построения и реализации дальнейших жизненных стратегий населяющих их людей, нацеленных на удовлетворение разнообразных потребностей и самореализацию. Дети, по причине естественного отсутствия возможности выбора места рождения и проживания, вынужденно оказываются в дифференцированных условиях, отличающихся потенциалом социализации и саморазвития и моделями повседневности и жизненного мира. В статье предпринимается попытка описания детства как собирательного образа повседневности детей в городах, не одинаково затронутых процессами урбанизации и, следовательно, имеющих различную динамику развития. Города как самореферентные системы (Н. Луман) посредством сформировавшейся повседневности «программируют» детей на реализацию определенных сценариев настоящего и будущего, закладывая, таким образом, основы собственных перспектив существования и развития.

Основная часть. Изучение городов с точки зрения их неравномерного развития является одним из популярных направлений. Хронотоп как отражение расположения объекта в координатах пространства и времени позволяет выделять различия в степени вовлеченности городского или сельского поселения в урбанистические процессы, в формировании дифференцированных моделей жизни и образа мыслей населения как в индивидуальном, так и в общественном измерении. Например, Ф. Э. Шереги в начале XXI в. выделяет аграрно-провинциальные, провинциальные, крупные административно-промышленные и столичные российские города, для жителей которых характерно, соответственно, аграрно-провинциальное, промышленно-урбанистическое и индустриально-столичное массовое сознание [5]. Н. В. Барабошина, анализируя хронотоп городского развития и формирования сознания горожан, выделяет историко-бытийный, профанный и глобальный хронотопы, различаемые соотношением силы влияния пространства и времени в формировании коммуникаций, деятельности, образа жизни и мысли населения [6, с. 16–17]. Е. С. Ковшова, используя типологию морального сознания С. П. Парамоновой, характеризует жителей больших городов и мегаполисов как гедонистов и прагматиков, а жителей малых и средних как коммюнитаристов [7]. Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш обнаруживают асинхронность развития российских городов. Согласно теории дифференциальной урбанизации центростремительная динамика сменяется центробежной, поэтому концентрация населения сменяется на деконцентрацию. Это отражается на иерархии городских населенных пунктов и трансформирует их лидерские и низовые позиции [8, с. 73–74]. Таким образом, в развитии и функционировании городов,

в формируемых образах и ритмах жизни, в трансформации сознания горожан отражается процессный характер самой урбанизации, неравно распространяемой в пространстве.

Дифференцированный характер развития городов обнаруживает себя в различных аспектах жизнедеятельности горожан, в том числе в жизни детей. Городская среда, физическое и социальное пространство, темпоритм социальных отношений формируют определенные модели повседневности детей. Специфика территориального расположения городов, место в региональной структуре, площадь и плотность отношений отражаются в социально-психологических характеристиках взаимодействия ребенка с городским социумом. Социальная среда и образ жизни города формируют и специфичный «жизненный мир» детей. В совокупности это способствует возникновению определенных социальных практик, из которых происходит «сборка» настоящего и будущего жизненного пути индивида, а их дифференцированные характеристики имплицитно конструируют образы жизни детей и детства в целом. Осваивая городское пространство с точки зрения его физических и социально-психологических характеристик, ребенок усваивает особенности территориального поведения, диапазон «ограничений-возможностей» для действий [9, с. 11], приобретает навыки самостоятельного перемещения по городу, что приближает его к формированию ощущения взрослости [10, с. 64–69].

Детство является социальным конструктом и своими характеристиками также выражает результат социального эволюционирования человечества [11, с. 15]. Или, как отмечает И. Д. Демакова, детство является проявлением цивилизации и отражает «особенности времени, страны, государственного и общественного устройства, ментальности» [12, с. 19]. Поэтому повседневная жизнь детей и образ детства не только обусловлены социальной реальностью, но и также могут выступать прообразом для подражания и конструирования настоящего и будущего.

Понимание механизма взаимообусловленности города и детства как социальных явлений возможно с позиций структурного функционализма Т. Парсонса и модели цивилизационного хронотопа Ф. Броделя. Согласно теории структурно-функционального анализа, система «город» состоит из подсистем, которые функционируют в соответствии с идеалами и целями системы в целом. Насущными «проблемами» социальной системы «город» являются ее адаптация к новым условиям и сохранение равновесия функционирования. Дети как участники городской жизни вовлечены в формирование функциональных императивов AGIL (адаптация, целеполагание, интеграция, поддержание образца). Социальное взаимодействие, возникающее и кристаллизующееся в координатах конкрет-

ных городов и их сегментируемых городских пространствах, происходит в повседневности и формирует социальный паттерн (шаблонное поведение человека в повседневной деятельности, которое складывается в человеческом сознании [13, с. 60]). Благодаря тому, что шаблон социальных практик задается самим городом в соответствии с исторически формируемыми у него функциями, целями и ценностно-нормативными ориентирами, то сам город и общество в целом посредством паттерна получают «запрограммированный» образ детства.

С другой стороны, стремление людей к проявлению индивидуальности, поиску разнообразных способов самовыражения, а также событийность городской жизни, вносят коррективы в имплицитность образа детства. Нарушение однообразия жизни детей и гомогенности развития городов прослеживается в их хроно-топном анализе: их расположение в осях времени и пространства усиливает культурно-исторические и социально-экономические, социально-территориальные и этнорелигиозные характеристики. Например, одной координате времени соответствует множество точек пространственных различий детства: в провинции и столице, в центральных населенных пунктах и на периферии. Наоборот, пространственная неизменность обнаруживает трансформации во временных рядах истории прежде успешных, например, ярмарочных или моногородов и их упадок в сочетании с изменением благополучия их жителей. Объяснением этим трансформациям служит модель цивилизационного хронотопа Ф. Броделя, компонентами которой выступают устойчивые структуры большой длительности, конъюнктуры и события [14, с. 123], создающие остов и оболочку повседневности, которые обеспечивают ее стабильность и пластичность одновременно.

Одной из основных характеристик структур большой длительности, помимо глубокого культурного контекста, является их пространственная распределенность. Именно сочетание этих факторов обеспечивает континуум жизненного порядка на протяжении нескольких поколений людей. Структуры большой длительности подвергаются трансформациям под воздействием событий. События как социокультурные, технологические и индивидуально-личные явления, нарушая привычные конъюнктуры повседневности, внедряют и закрепляют нововведения в обыденности. Интенсивность этих преобразований в аспектах жизни детей в городских условиях определяет внутреннюю дифференциацию детства и города. Так, конъюнктурные компоненты детства и города обеспечивают принятие новаций согласно историческому течению времени, а структуры большой длительности в ситуации инновационно обу-

словленной дестабилизации обеспечивают сохранность и повторяемость социальных явлений.

Таким образом, событийные нововведения проникают в повседневную жизнь людей и городов, по мере расширения своего влияния разрушают конъюнктурные модели повседневного взаимодействия и трансформируют базис AGIL, обеспечивающий связь времен и постоянство традиций. Интенсивность инноваций в итоге сокращает срок существования структур большой длительности в жизни детей и городов, а также общества в целом, создавая альтернативы для моделирования их жизнедеятельности.

Следовательно, образы детства возникают в результате надындивидуальной рефлексии положения детей и отношения к ним обществе, отображая контуры жизни детей. Детство в условиях активных урбанистических процессов преобразуется из статичного состояния в динамичное. То есть проникновение в жизнь инноваций, характеризующих урбанизацию, разрушают зафиксированные в определённых границах городов социальные практики детства, активно изменяют и дифференцируют их, формируя особый феномен современного общества — урбанистическое детство. В связи с этим специфика урбанистического детства связана не только с городскими условиями жизни детей, но и с активным характером внедрения атрибутов и новшеств (в характеристиках насыщенности, интенсивности, разнообразия) модернизируемой жизни в повседневность, обусловленных глобализационными процессами. Дифференцирование особенностей детства в урбанистических условиях позволяет моделировать паттерны, в которых фиксируется информация о жизни детей «здесь и сейчас» [15; 16]. В паттернах детства находит отражение в основном специфика жизни детей в городских условиях, их участие в рутинных и ярких событиях города, вовлеченность в ритм жизни, использование ими для самореализации ресурсов и возможностей городской жизни [17].

На основе методологического базиса, созданного Т. Парсонсом и Ф. Броделем, нами определены компоненты конструирования паттернов: структурный, функциональный, историко-генетический и информационно-коммуникационный стороны жизни детей. Конъюнктуры, по Ф. Броделю, как компоненты, обеспечивающие пластичность и адаптивность к изменениям, соответствуют функциональным и информационно-коммуникационным аспектам повседневности детства [18]. В них отражены смысл и значение, которыми наделяет социум детей, что проявляется во взаимодействиях, в интеграции детей в детское сообщество и общество в целом. К структурам большей длительности можно отнести структурные и историко-генетические аспекты жизни детей, в которых проявляется себя социальная дифференциация и иерархия детского сообще-

ства с учетом сложившихся в обществе историко-культурных традиций, обеспечивающих «связь времен» в социуме. Детерминантами трансформационных процессов в различных аспектах жизни детей выступают разного рода события, в том числе урбанистического характера, — технологии, приобретающие атрибутивный статус обыденности и преобразующие образ жизни, модернизированные культурно-развлекательные мероприятия, насыщение городского пространства энергетикой общественных и производственных отношений, ускоряющих ритмологию городской жизни. Дифференцированный уровень интенсивности вовлеченности городских поселений в урбанизацию позволяет формировать множественные представления о детстве, строить его типологию.

Сбор эмпирической информации с целью конструирования паттернов детства в городах с разной численностью населения позволил применить таксонометрию к различным аспектам жизни детей (структурному, функциональному, историко-генетическому и информационно-коммуникационному) в корреляции с динамикой развития их мест проживания. Так, в городах с численностью населения до 100 тыс. человек наблюдается тенденция сокращения численности населения и количества самих городов. В этих городах воспроизводятся традиционно-ориентированные модели поведения детей и одноименный паттерн детства. В городах с численностью населения от 100 до 500 тыс. человек просматривается неустойчивая тенденция роста населения с чередованием периодов сокращения и увеличения численности населения. В таких населенных пунктах обнаруживается остаточно-традиционный паттерн детства. В городах-миллионниках, не превышающих 2 млн человек, очевиден устойчивый рост численности населения и партнерский паттерн детства. Крупнейшие города России (Москва и Санкт-Петербург) характеризуются активным миграционным притоком и многообразием повседневных социальных практик детей, что позволяет сформулировать мозаичный паттерн детства.

Очертим некоторые контуры паттернов, определяемые структурными, функциональными, историко-генетическими и информационно-коммуникационными аспектами жизни детей. С увеличением размера городов в структурных аспектах жизни детей происходит нарастание социально-дифференцирующих характеристик детей как представителей детских сообществ. Эти особенности отражают как возможности самореализации и достижения ребенком социальных позиций, так и преемственности статуса. В традиционно-ориентированном и остаточно-традиционном паттернах сообщество детей отличается слабой дифференциацией, оно в основном гомогенное. В контексте партнерского и мозаичного детства нарастает потенциал социальной дифференциации де-

тей по причинам личной активности детей, участвующих в работе социальных институтов организации досуга, дополнительного образования и культуры, и одновременно с этим черты симуляционных дифференцирующих признаков, создающих мнимую структурированность и стратифицированность детского сообщества.

Функциональные аспекты жизни детей отражают изменения в содержании и смыслах взаимодействия детей и общества, ребенка и взрослого, в понимании сообществом социальных ролей детей и родителей и результатов их взаимодействия. Функциональный контент отношений является исторически и культурно обусловленным, в связи с этим происходят трансформации в ролевых ожиданиях от действий и деятельности детей и взрослых. Современное отношение к детям характеризуется ростом детоцентризма. Так как в прежние времена оно было детерминировано индустриальным развитием, то и в настоящее время с связи с очередным витком технологической модернизации детоцентристское отношение сопровождается усложнением и увеличением периода социализации. Поэтому в условиях роста индивидуализма и по мере увеличения размера городов среди взрослых наблюдаются практики отложенного рождения детей или полностью добровольный отказ от него. В совокупности это выражается в сокращении желаемого и фактического количества детей, в дифференцированных критических оценках взрослыми качеств социальных институтов, в удовлетворяющих потребности и интересы детей социальных институтов, трансформации характера их трудового участия, периода родительской опеки, а также в самооценках родителей в вопросах выполнения ими социальных ролей в городских условиях. Так, например, пространство семьи в паттернах традиционно-ориентированного и остаточного-традиционного детства является основным местом реализации роли детей в качестве субъектов. Однако распространение информационных технологий и развитие социальных институтов, функционирующих в интересах детей, позволяет детям формировать позиционирование во внесемейных институциональных отношениях. В партнерском и мозаичном детстве наблюдаются частые и активные проявления детей как субъектов деятельности в институциональных отношениях социального пространства города. Но ускоренное освоение общественного пространства и «вытеснение» детей из семейного круга в отношения в социуме с целью достижения и демонстрации высоких индивидуальных результатов, главным образом образовательных, приводит к увеличению времени социализации их опеки со стороны взрослых, что формирует представление об увеличении периода детства.

Историко-генетические аспекты жизни детей как отражение связи времен, поддержание преемственности культуры общества и

внутрисемейных традиций также претерпевают изменения в условиях современных урбанистических процессов. С увеличением численности городов изменяется интенсивность и характер межпоколенных отношений, которые проявляются в сокращении числа расширенных семей, нарушении трансляции социокультурных межпоколенных связей, трансформации старых и внедрении новых традиций и отношений. Обновление традиций происходит в соответствии с потребностью общества в формировании оберегающих «зон стабильности» [19, с. 306], благодаря которым возникает доверие к миру, необходимое для формирования идентичности личности ребенка.

Анализируя специфику осуществления коммуникаций и информационного сопровождения социальных взаимодействий в городах, можно отметить, что с увеличением их размеров наблюдается сокращение установления и поддержания непосредственных межличностных отношений между детьми. В связи с тем, что в пространстве городов традиционно-ориентированного и остаточного детства коммуникации носят общинный характер, то в них нередко ситуации, когда оказавшийся поблизости с ребенком взрослый в случае необходимости принимает на себя роль «child helper». В условиях же укрупнения городов при мозаичном и нередко партнерском детстве дети в подобных ситуациях остаются одинокими. Информационно-коммуникационный аспект их повседневности различается по степени насыщения предметной среды и характеру применения детьми технических новинок и электронных средств связи. Наибольшее количество подобных случаев обнаружено в мозаичном детстве. Их использование связано с коммуникациями детей в многочисленных социальных сетях. Можно утверждать, что в большей степени трансформации в вопросах межличностных коммуникаций проявляют себя в активно развивающихся городских поселениях.

В результате кумулятивных характеристик повседневных социальных практик детей, проживающих в городах, дифференцированных численностью населения вовлеченностью в урбанистические процессы, можно определить следующие характеристики паттернов детства.

Паттерн традиционно-ориентированного детства характеризуется повседневными практиками детей, соответствующими традиционному укладу жизни. Это непосредственное межличностное взаимодействие в детских сообществах, ограниченное количество дифференцирующих факторов, наличие у ребенка деятельного социального статуса и роли в семье, налагаемые на него в городском пространстве ограничения.

Паттерн остаточного-традиционного детства характеризуется «остаточными» проявлениями элементов традиционной модели

организации жизни детей и их постепенным замещением нововведениями, детерминированными урбанизационными процессами. В этом паттерне продолжает сохраняться высокий уровень непосредственных межличностных отношений в детских сообществах, формируются активно-деятельные межличностные взаимодействия. При этом социальный статус и роль ребенка в кругу семьи носят субъектный характер, а в городском пространстве детям принадлежат позиции объектов.

Паттерн партнерского детства характеризуется формированием отношений сотрудничества с детьми, в которых они имеют возможность выступать равноправными партнерами и быть активными деятельными субъектами как внутри семьи, так и за ее пределами в институциональном взаимодействии и в городском пространстве. Благодаря этому, детское сообщество обладает многочисленными дифференцирующими основаниями и широким спектром социальных практик детей.

Паттерн мозаичного детства характеризуется сочетанием дифференциации детей по основаниям как индустриального, так и постиндустриального общества, которые генерируют гетерогенные социальные практики. Они характеризуются тем, что в условиях регулярного обновления ценностно-нормативных основ общества, насыщения городского пространства информационно-коммуникативными технологиями наблюдается смещение субъектного социального статуса и ролей ребенка за границы семьи в область институциональных отношений. Сокращается также непосредственное межличностное взаимодействие между детьми, но, напротив, интенсифицируются коммуникации в интернет-пространстве.

Выводы. Перечисленные паттерны урбанистического детства характеризуют последовательное преобразование образов и практик детства, соответствующее урбанизационным изменениям городов. Сами модели городской жизни детей характеризуют доминирующую повседневность в городах различных типов. Конструкты не являются ни абсолютными, ни единственными, т. к. одновременно с основным паттерном в меньшей степени выраженности в городах присутствуют и другие образы, имеющие исторически более раннее и позднее происхождение как отклик на внедряемые новшества. Механизм трансформации детства заключен в том, что в прежних «жизненных мирах» детей зарождаются и постепенно разворачиваются изменения, характеризующие нововведения в детской повседневности. Тиражирование частных фактов жизни создает основание для типизации характеристик и построения обобщенной модели повседневной жизни и взаимодействия детей

с социумом. Следствием внедрения изменений становится возникновение нового доминирующего для данного поселения образа.

Таким образом, повседневные социальные практики детей создают собирательный образ детства в рассматриваемых городских поселениях. Однако представленные паттерны урбанистического детства косвенно указывают на особенности городов, что позволяет выявить параллельность и взаимообусловленность регионального благополучия, городского устройства и жизни детей. Прежде, в период индустриализации, направление распространения новшеств происходило из городов в деревни. В настоящее же время по причине множественности основ функционирования и процветания городов образуется «множественность» детства, отражающая волновую динамику распространения урбанистических процессов. Инновации завоевывают пространства, начиная свое движение от «пульсирующих точек» развития. Часто такая активность исходит от центров и столиц. Населенные же пункты, располагаемые на периферии, могут оказаться не затронутыми изменениями по причине затухания динамичности процесса. Чем дальше расположен город от признанных центров, тем в большей степени проявляется специфика характеристик жизни детей, соответствующих традиционному обществу, трансформированному вследствие индустриализации, что подтверждает подвижность и изменчивость самих традиций, их потенциальную модернизируемость.

Библиографический список

1. Официальный сайт Росстат. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.10.2019).
2. Маркин В. В., Воронов В. В. Конкурентоспособность городов в глобальном (международном), национальном и региональном форматах // Управление городом: теория и практика. 2012. № 4 (7). С. 70–77.
3. Фортунатов В. В. Реформы или стагнация: особенности модернизации России на современном этапе // Россия и мир в новое и новейшее время - из прошлого в будущее. 2019. С. 285–290.
4. Щербакова Д. В. Кризис информационного общества как толчок к формированию культуры потребления // X Ковалевские чтения «Россия в современном мире: взгляд социолога». СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 962–964.
5. Шереги Ф. Э. Дисфункциональность российского профессионального образования // Труд и социальные отношения. 2009. № 12. С. 23–31.
6. Барабошина Н. В. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013. 24 с.

7. Ковшова Е. С. Урбанизм и моральное сознание // Вестник ЧГУ: Философия. Социология. Культурология. 2014. № 25. Выпуск 35. С. 154–158.
8. Нефедова Т. Г., Тревиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархии городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
9. Заборова Е. Н. Социологический анализ городского социального пространства: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 1997. 38 с.
10. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 1999. 288 с.
11. Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Междисциплинарность исследований детства // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые и понятия / научн. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 1 CD ROM. С. 12–25.
12. Демакова И. Д. Понятие «детство» в психологии и педагогике // Ценности и смыслы. 2012. № 3(19). С. 14–22.
13. Шангареева Р. Р., Конева Е. В., Десятков Л. В. Социальные паттерны в городской среде // Социология города. 2016. № 1. С. 52–67.
14. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Вып. 17. № 30 (247). С. 122–127.
15. Галеева Г. Ф. Состояние и тенденции демографического развития населения малого города и села (на материале республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005. 22 с.
16. Ковальчук И. Ф. Социализация безнадзорных детей в условиях крупного города: проблемы и перспективы решения (по материалам города Барнаула): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2009. 22 с.
17. Бестужев-Лада И. В. Урбанизация детства. URL: <http://www.proza.ru/2011/05/31/705> (дата обращения: 11.10.2019).
18. Бесчасная А. А. Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016. 274 с.
19. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.

References

1. Official website of Rosstat. Available at: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 25.10.2019).
2. Markin V. V., Voronov V. V. Konkurentosposobnost' gorodov v global'nom (mezhdunarodnom), nacional'nom i regional'nom formatah [Competitiveness of cities in global (international), national and regional formats]. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, 2012, no. 4 (7), pp. 70–77. (In Russ.)
3. Fortunatov V. V. Reformy ili stagnaciya: osobennosti modernizacii Ros-sii na sovremennom etape [Reforms or stagnation: features of modernization of

Russia at the present stage]. *Rossiya i mir v novoe i noyeyshee vremya — iz proshlogo v budushchee* [Russia and the world in the new and modern time — from the past to the future]. Saint-Petersburg, 2019, pp. 285–290.

4. Shcherbakova D. V. Krizis informacionnogo obshchestva kak tolchok k formirovaniyu kul'tury potrebleniya [The crisis of information society as an impetus to the formation of consumer culture]. *X Kovalevskie chteniya "Rossiya v sovremennom mire: vzglyad sociologa"* [X Kovalev readings "Russia in the modern world: a sociologist's view"]. Saint-Petersburg, Skifiya-print, 2015, pp. 962–964.

5. Sheregi F. E. Disfunkcional'nost' rossijskogo professional'nogo obrazovaniya [Dysfunctionality of Russian vocational education]. *Trud i sotsialnye otnosheniya*, 2009, no. 12, pp. 23–31. (In Russ.)

6. Baraboshina N. V. *Hronotop malogo goroda: Buzuluk — kul'turnoe pogranič'ye. Avtoref. dis.* [Chronotop small town: Buzuluk — cultural borderlands. Abstract. cand. dis.]. Saransk, 2013, 24 p. (In Russ.)

7. Kovshova E. S. Urbanizm i moral'noe soznanie [Urbanism and Moral Consciousness]. *Vestnik CHGU: Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya*, 2014, no. 25, is. 35, pp. 154–158. (In Russ.)

8. Nefedova T. G., Treyvish A. I. Teoriya «differencial'noj urbanizacii» i ierarhii gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka [Theory of «differential urbanization» and the hierarchy of cities in Russia at the turn of the 21st century]. *Problemy urbanizacii na rubezhe vekov* [Problems of urbanization at the turn of the century]. Smolensk, Oykumena, 2002, pp. 71–86. (In Russ.)

9. Zaborova E. N. *Sociologicheskij analiz gorodskogo social'nogo prostranstva. Avtoref. dis.* [Sociological analysis of urban social space. Abstract. doct. dis.]. Ekaterinburg, 1977, 38 p. (In Russ.)

10. Osorina M. V. *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh* [Secret world of children in the world of adults]. Saint-Petersburg, Peter, 1999, 288 p. (In Russ.)

11. Kolosova E. A., Mayorova-Scheglova S. N., Mitrofanova S. Yu. Mezhdisciplinarnost' issledovanij detstva [Interdisciplinarity of Childhood Research]. *Detstvo XXI veka v sociogumanitarnoj perspektive: novye i ponyatiya* [Childhood of the XXI century in the sociohumanitarian perspective: new and concepts]. Moscow, ROS, 2017, pp. 12–25. (In Russ.)

12. Demakova I. D. Ponyatie «detstvo» v psikhologii i pedagogike [The concept of "childhood" in psychology and pedagogy]. *Tsennosti i smysly*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–22. (In Russ.)

13. Shangraeeva R. R., Koneva E. V., Desyatkov L. V. Social'nye patterny v gorodskoj srede [Social Patterns in the Urban Environment]. *Sociologiya goroda*, 2016, no. 1, pp. 52–67. (In Russ.)

14. Rusakova O. F., Fatikhov S. P. Konceptual'nye modeli hronotopa v gumanitarnykh i politicheskikh issledovaniyakh [Conceptual models of the chronotope in humanitarian and political studies]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki»*, 2011, no. 30 (247), pp. 122–127. (In Russ.)

15. Galeeva G. F. *Sostoyanie i tendencii demograficheskogo razvitiya nasele-niya malogo goroda i sela (na materiale respubliki Tatarstan)*. Avtoref. dis. [State and trends of demographic development of the population of a small town and village (based on the Republic of Tatarstan) Astract. cand. dis.]. Kazan, 2005, 22 p. (In Russ.)

16. Kovalchuk I. F. *Socializaciya beznadzornyh detej v usloviyah krupnogo goroda: problemy i perspektivy resheniya (po materialam goroda Barnaula)* Av-toref. dis. [Socialization of street children in the context of a large city: problems and prospects for solution (based on the materials of the city of Barnaul). Astract. cand. dis.]. Barnaul, 2009, 22 p. (In Russ.)

17. Bestuzhev-Lada I. V. *Urbanizaciya detstva* [Urbanization of childhood]. Available at: <http://www.proza.ru/2011/05/31/705> (accessed 11.10 2019).

18. Beschasnaya A. A. *Urbanisticheskoe detstvo: sociologicheskij analiz* [Ur-ban childhood: sociological analysis]. Saint-Petersburg, Asterion, 2016, 274 p. (In Russ.)

19. Toffler A. *Futuroshok* [Futuroshok]. Saint-Petersburg, Lan', 1997. 464 p. (In Russ.).

Ю. С. Обидина

Институт международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Исследовательский потенциал культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов

Исследования в области культурной политики существуют во многих контекстах, задают много векторов развития и используют широкий спектр исследовательских методологий из множества академических дискурсов. В статье рассматриваются исследовательские технологии и подходы, используемые в данном дисциплинарном поле. С этой целью на основе выявленных фактов представлены возможные пути реализации исследовательского потенциала. Обсуждается возможность появления академической дисциплины, в основе предметной области которой лежит синтез истории и историографии культурной политики; принципы и стратегии культурной политики; и отношения между культурной политикой и теорией культуры / культурологией.

Ключевые слова: культурная политика, дисциплинарность, междисциплинарность, исследовательский потенциал, теория и практика, дисциплинарный дискурс, теория культуры, философия культуры.

Yu. S. Obidina

Institute of International Relations and World History National Research Nizhny
Novgorod State University named by N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

The Research Potential of Cultural Policy in the Structure of Disciplinary Discourses

Cultural policy research exists in many contexts, set many development vectors, and uses a wide range of research methodologies from a variety of academic discourses. To this end, based on the revealed facts, possible ways of realizing the research potential are presented. The possibility of the emergence of an academic discipline is discussed, the basis of the subject area of which is a synthesis of the history and historiography of cultural policy; principles and strategies of cultural policy; and the relationship between cultural policy and cultural theory / cultural studies.

Keywords: cultural policy, discipline, interdisciplinarity, research potential, theory and practice, disciplinary discourse, theory of culture, philosophy of culture.

Исследования культурной политики существуют во многих контекстах, актуализируют множество проблем и основываются на широком спектре исследовательских методологий из множества академических дискурсов. Но в этом разнообразии дискурсов сложно найти те фундаментальные основы, которые бы в большей степени объединяли исследования культурной политики в единое дисциплинарное поле, нежели провоцировали дальнейшую дифференциацию. В растущем количестве исследований, предлагающих идеи, гипотезы, умозаключения и комментарии, существует опасность потери тех смыслополагающих основ исследования культуры, которые задают вектор дисциплинарного развития. В относительно новой предметной области — культурной политике — все еще существует насущная необходимость определить свое дисциплинарное поле и свой академический / научный статус. При этом исследователям приходится отвечать, в первую очередь для себя, на вопрос об особенностях наличной ситуации и перспективах выстраивания дискурса. Дилемма следующая: выделение культурной политики в самостоятельную исследовательскую область — это потенциальная фрагментация и отсутствие единства или упущенная возможность? Для этого необходимо ответить на целый ряд вопросов: как культурно-политические исследования развиваются и как реагируют на различные и даже конкурирующие институциональные, социальные, политические и культурные потребности? Теряют ли исследователи возможность эффективно общаться между собой? И каковы, если таковые имеются, общие или частные вопросы исследования, методологии и критического анализа культурной политики? Является ли культурная политика частью развивающейся академической/научной дисциплины или исследователи культурной политики должны признать недостаточность общих предметных оснований и просто наслаждаться разнообразием исследований культуры в качестве «академических/научных туристов»? В этом нам видится несомненная актуальность заявленной проблемы.

Исследования культурной политики в последние годы находят-ся в фокусе внимания отечественных специалистов в области культуры. Исследования носят как теоретический [1, с. 14–25; 2, с. 50–58; 3; 4], так и прикладной характер [5, с. 4–13; 6, с. 44–86] и посвящены изучению стратегий культурной политики [9, с. 3–59], форм реализации культурной политики [8, с. 139–178], реализации культурной политики на разных уровнях [9] и т. д. Цель нашего исследования – проанализировать исследовательский потенциал культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов с позиций формирования дисциплинарного поля культурной политики как научной дисциплины.

Одной из проблем исследования культурной политики является разнообразие аудиторий, которым могут (и, возможно, должны) быть адресованы исследования культуры. Данная проблема решается в зависимости от ответа на вопрос о том, для кого и/или кем проводятся исследования в области культурной политики.

Аудитория, безусловно, отмечена как исключениями, так и включениями, и таким образом становится ценным инструментом для исследования параметров и амбиций, риторики и методологии предмета исследования: как таковая эта аудитория одновременно является прагматичным инструментом, что способствует заявлению об академической зрелости; а также своего рода метастудией предметной области. Именно аудитория позволяет понять, что мы знали до сих пор об этой многогранной области культурного производства и потребления. «Мы» этого утверждения проектирует более широкое сообщество, подразумевая не только академических ученых, но и «пока предполагаемую» аудиторию. В этом случае культурная политика коренится в дискурсах культурологии и политической экономии и предметом исследования является изучение и управление культурным обеспечением потенциальной аудитории, охватывающее искусство, СМИ, Интернет, спорт, а также городской ландшафт, инфраструктуру и т. д.

Такого рода подход предполагает дисциплинарность и академичность: цель находится внутри, а не вне академического сообщества. Потенциал культурной политики – производство «культурных граждан», и именно на этом уровне происходит взаимодействие с господствующей и так называемой контркультурной культурной политикой.

Таким образом, с одной стороны, можно выделить академически-гуманитарный лагерь игроков культурной политики, участвующих в дебатах об эстетике и вкусе, искусстве и культуре, политике и образовании. Такое применение программы культурологических исследований в отношении не только образовательной практики, но и государственной культурной политики является центральным в современных исследованиях в области культурной политики и, несомненно, оказывает влияние на подходы к исследованиям культуры [10].

В некоторой мере риторический контраст с подразумеваемыми областями применения и дисциплинарными решениями представляют культурологические исследования и методологии исторического и философского исследования, а также литературоведения и искусствоведения. Исторически и географически конкретные тематические исследования развернуты, чтобы проиллюстрировать исследование риторики дисциплины в той же мере, что и потенциал самой дисциплины: «Наши категории культуры были выбраны от-

части потому, что они являются областями, в которых существует исследовательская литература по культурной политике» [11, р. 3]. В данных исследованиях используется историографический подход к проблеме, который подразумевает историю как разработку, так и реализацию культурной политики в данной области, а также историю объяснений, обоснований и критических замечаний в отношении этой политики.

В данном ракурсе можно указать на возможность использования контркультурного потенциала культурных исследований и их риторики. Как считают британские исследователи культуры, для которых также актуален пересмотр «имперского» наследия, культурная политика «могла бы обеспечить радикальную реконтекстуализацию настоящего, поскольку наше понимание нас самих подвергается критической историзации через вопрос об условиях существования каждого утверждения». И далее: ...Знакомство с культурной политикой и вмешательство в нее — важная часть участия в культуре» [12, р. 34].

Здесь мы явно видим влияние идеи М. Фуко об осуществлении контроля власти через культуру и роли индивида и сообществ в нем [13, р. 5–22; 14]. И именно в связи с этим влиянием возникают два ключевых взаимосвязанных исследовательских вопроса: как культура формирует современные представления об управлении; и как культура управляется и регулируется.

Это знаменует собой еще один аспект изучения дискурсов в области культурной политики и их связь с теорией культуры и культурологией. Это также важнейшая часть повестки дня академических исследований, поскольку она связана с деятельностью академических институтов и их теоретическими и практическими задачами. Поэтому она не реагирует на правительственную или отраслевую повестку дня и является постоянным стимулом для исследовательской деятельности в этой области.

Важный аспект, который связывает этот, в общем-то гуманитарный в своей основе, подход с традицией прикладных исследований — собственно деятельность в сфере культурной политики. Как и научные исследования, и образовательный процесс, она не только исторически укоренена и концептуально устойчива, но и полностью оправдана в ее активном участии в разработке, а также анализе культурной политики. Именно при данном подходе можно реализовать большинство практических и философских проблем, присущих этой прикладной работе.

В то время как критические исследования в области культурной политики предполагают академическое потребление, информация о культурной политике указывает на различные виды участия. Это касается «прикладных» (или в терминах Адорно «адми-

нистративных») исследований культурной политики, а не «критических».

Введение в паспорт специальностей научных работников специальности «теория и истории культуры» в постсоветской России дало стимул для изучения путей, с помощью которых можно было бы способствовать новым формам управления в сфере культурной политики государства и, в частности, понять, каким образом академические исследования могут внести вклад в разработку стратегий государственной культурной политики в соответствии с современными понятиями «передачи знаний» [15, р. 70–81].

Исследование культурной политики традиционно начинается в академической традиции, которая исследует отношения между культурой и обществом, культурными формами и их выражениями и практиками, институциональными способами производства и распространения культуры. Академическая традиция, в основе которой лежит понимание и критика культурного производства и восприятия культурных ценностей, в большей или меньшей степени изучает и культурную политику, поскольку она наличествует в какой-то момент в цепочке производства — спроса.

В общих чертах складывается теоретическая парадигма, которая активизирует повестку дня в области культурологии и «обязывает» ее реализовывать реформистскую стратегию/ии и взаимодействовать с культурной политикой, но есть и другие, более прагматичные, влияния. Школа «культурной политики» на Западе, на которую сильно повлияла работа Т. Беннета, явно предлагает развертывание концепции государственного управления Фуко и сформировала новое (или по крайней мере обновила) понимание роли академического сообщества в осуществлении связей между интеллектуалами и государственными учреждениями в области культурной политики [16].

Имея в виду сложную практическую и теоретическую структуру, можно определить некоторые ключевые подходы — два прагматических и один более концептуальный — для поиска возможностей исследовательского потенциала культурной политики. Они заключаются в следующем: существует настоятельная необходимость в высококачественных исследованиях и надежных данных для создания четкой доказательной базы, которая будет положена в основу практической реализации культурной политики; теории и практики должны быть реалистичными в отношении экономики культуры и творческих индустрий; исследователи должны пересмотреть свое понимание «национального» в контексте современного глобализирующегося мира [17].

Связь культуры / образования / творчества является фундаментальной для практиков и теоретиков культуры, поскольку она

действует как на локальном, так и на глобальном уровне. Россия, все западные и большинство развивающихся стран играют определенную роль на мировой арене и одновременно передают часть полномочий субнациональным, региональным, местным органам власти и сообществам. В результате централизованное национальное государство учитывает влияние как наднациональных, так и субнациональных институтов: это сочетание глобализации и локализации часто называют неологизмом «глокализация». Можно утверждать, что и прагматические, и концептуальные подходы связаны с расширением прав и возможностей отдельных лиц и сообществ за счет монолитного национального государства.

В некоторых отношениях указанные прагматические подходы могут быть реализованы с помощью различного рода правительственных программ. Однако опасность таких подходов заключается в их потенциальной фрагментации и ограниченном взгляде на аудиторию (определяемую как правительственный контент или как культурный сектор). Осознание этой опасности — новый вызов для программ высшего образования. Потребность в доказательствах, лежащих в основе выработки стратегии культурной политики, и требования академического сообщества могут сформировать программу исследований в сфере культурной политики, но они не могут, к сожалению, составить ее полностью.

«Прикладные» исследования в сфере культурной политики должны представлять собой нечто большее, чем оправдание ожиданий и подтверждающие доказательства. «Прикладные исследования» могут способствовать важным концептуальным изменениям. Однако существует один элемент, который обуславливает закономерные сложности, состоящие в том, что прикладные исследования часто включены в определенный контекст.

Например, возрождение политического и этнического национализма в Европе и за ее пределами привело к тому, что историки, социологи, искусствоведы и критики культуры пересмотрели проблемы идентичности [18, с. 23–28; 19, с. 117–152]. Это привело к переосмыслению критических ортодоксий культурного империализма, колониализма, маргинализации и их бинарных оппозиций. Идеи наций как «воображаемых сообществ» [20] и идентичности в современных обществах имеют значительную распространенность при рассмотрении эволюции политики идентичности и ее влияния на исследовательский вокабуляр.

Создание новой модели управления в области культуры основывается на истории, традициях и институтах существующего общества. Но эти изменения и эти инновации также создают новые структуры, новые способы организации и новую культурную политику. И в социальном научном дискурсе, и в контексте гумани-

тарных наук появляется что-то новое в критической конструкции и понимании культурной политики. Важный вопрос может заключаться в том, влияет ли эта интеллектуальная и теоретическая перезагрузка на политику и, в частности, на культурную политику?

В отношении стратегии и реализации культурной политики отправной точкой может стать переосмысление идеологической основы управления культурой. Новая инфраструктура культурной политики должна учитывать не только традиционные структуры общества, но также современные проблемы, ценности и идеологии. Это может потребовать фундаментального переосмысления роли культуры и роли культурной политики в обществе, переосмысления таких понятий, как «культурная идентичность», «гражданство» и «свобода самовыражения». Тип мышления, требуемый для реализации этих идей, может не так легко укладываться в контекст исследований, основанных на фактических и статистических данных и, тем не менее, они ставят фундаментальные вопросы о принципах обеспечения культурной политики, ее исторической обусловленности и теоретической концептуализации в ключевые строительные блоки программы исследований культурной политики.

Прикладные и дисциплинарные исследования позволяют укоренить принципы работы как в «прикладном», так и в «критическом» дискурсе. Такая саморефлексия не должна ограничиваться созданием нового исследовательского потенциала, а должна быть неотъемлемой частью общей исследовательской программы.

Исследования в области культурной политики могут стать частью новой и особенной научной дисциплины, которая будет основана на конкурирующих (и иногда противоречивых) аудиториях, целях и даже академических традициях — и, как таковая, может стать передовой рефлексивной исследовательской практикой, косвенно ставящей под сомнение прежнюю роль академической среды и ее вклад в теорию и практику культурной политики.

Эти исследования могут осуществляться в правительственных организациях, во вневедомственных органах, в академических и университетских сообществах различных видов. Они могут финансироваться из разных источников, и аудитория будет всегда различна — правительство (местное, муниципальное, региональное, национальное, транснациональное), деятели культуры, зрители, участники, ученые.

Однако в этом более широком контексте существует заинтересованность в экстраполяции программы исследований в области культурной политики, которая укоренена (если не ограничена) в академической среде. С этой целью можно предположить, что исследования в области культурной политики могут развиваться в трех взаимосвязанных областях:

- история и историография культурной политики;
- принципы и стратегии культурной политики;
- культурная политика и теория культуры / культурология.

Это широкие категории исторических, практико-ориентированных и теоретических исследований, которые находят отклик в гуманитарных и социальных науках и могут позволить исследованиям в области культурной политики развить свои собственные идеи, а также сформировать другие области исследований в каждой категории.

Важно отметить, что существенным препятствием для развития системных исследований в области культурной политики является трудность, присущая меж- или полидисциплинарному подходу. Если мы признаем, что исследования в области культурной политики выходят за рамки дисциплины — особенно в области искусства / гуманитарных и социальных наук — тогда мы столкнемся с новой практической и концептуальной задачей — определением предметного поля и методов/технологий исследования.

Анализируя современную литературу и размышляя о работе теоретиков и практиков, работающих в данной области, можно прийти к выводу, что ключевой задачей исследований в области культурной политики является согласование путей между прагматической, или «прикладной», программой исследований, которая занимается культурно-политическими исследованиями и вносит свой вклад в доказательную базу, и исследованием, которое является критическим, рефлексивным, и основано на современных теоретических парадигмах.

Это непрерывный процесс, в котором исследователи движутся в соответствии с исследовательскими вопросами, в решение которых они вовлечены. Важно отметить, что при реализации междисциплинарного подхода не складывается ситуация, когда исследовательские методологии социальных наук находились на одном краю исследовательской плоскости, а методологии искусства и гуманитарных наук — на другом. Спектр исследования упорядочен в теории первого положения и методологии второго. Принимая во внимание тот факт, что дискурс культурной политики существует в этом спектре, можно избежать оппозиции социальных и гуманитарных наук.

Исследование культурной политики не сводится к применению междисциплинарного подхода к инструментарию исследования, а касается размещения исследований культурной политики в теоретическом, а не методологическом поле. Это необходимо для того, чтобы вывести дискуссии по повестке дня исследований в области культурной политики за пределы непростого дискурса социальных и гуманитарных наук и перестроить их существующую междисципли-

плинарность в актуальную, гибкую и надежную модель для исследований культурной политики, которая является достаточно самостоятельной, достаточно саморефлексивной и достаточно утилитарной. Действительно, такая контекстуализированная и потенциально общая исследовательская программа обязательно подразумевает условия согласованности академической и научной дисциплины с общими вопросами, методологиями и критическими практиками.

Кроме того, можно выделить некоторые общие положения, которые при умелом теоретизировании позволят избежать дробления и фрагментарности исследований в области культурной политики, и наоборот, представить их в рамках системного подхода:

- 1) исследования в области культурной политики занимаются политикой и могут быть и, возможно, должны быть политическими;
- 2) исследования культурной политики могут быть междисциплинарными и могут реализовывать партнерские отношения как внутри академического сообщества, так и вне его;
- 3) исследования в области культурной политики охватывают широкий круг аудитории: ученые в данной и смежных областях, учреждения культуры, правительственные учреждения (на всех уровнях), специалисты-практики, непосредственные реципиенты культурной политики;
- 4) исследования культурной политики в академической среде являются критическими и рефлексивными.

Безусловно, многие из факторов, влияющих на то, каким образом культурная политика должна развиваться как академическая и /или научная дисциплина, являются специфическими для страны / нации и не могут быть универсальными в своей основе, и это еще одна проблема для установления параметров и риторики потенциально разделяемой или общей программы культурно-политических исследований.

Таким образом, исследования в области культурной политики в структуре дисциплинарных дискурсов, не в последнюю очередь связанные с культурно-гуманистическими традициями, должны иметь отношение к политике и реализовывать прикладные задачи культурной политики, а также выдвигать требования, направленные на то, чтобы разработки были критическими, рефлексивными, оснащенными доказательной базой и внедренными в современные теоретические парадигмы. В этом случае дебаты выходят за пределы непростого мира социальных/гуманитарных дискурсов. Дискурс культурной политики должен быть направлен на понимание культурной политики государства и сочетать в себе участие в формулировании задач культурной политики и реализацию/саморефлексию культурной политики. Обращение к обеим сторо-

нам дихотомии «предложение — спрос» показывает, что культурно-политические проблемы, даже выраженные в традиционной терминологии, являются междисциплинарными. Изыскания, заполняющие лакуны и проблемные места в создании, реализации и интерпретации культурной политики, требуют междисциплинарных исследовательских подходов. Любая контекстуализированная и потенциально общая программа культурной политики обязательно подразумевает формат академической/научной дисциплины с общими вопросами, методологиями и критическими практиками.

Библиографический список

1. Флиер А. Я. О новой культурной политике России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 14–25.
2. Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 3. С. 50–58.
3. Арнольдов А. И. Культурная политика: реалии и тенденция. М.: МГУКИ, 2002. 64 с.
4. Богатырева Т. Г. Современная культура и общественное развитие. М.: Изд-во РАГС, 2001. 170 с.
5. Байдаков М. Ю., Белкин С. Н. Культура как государственный проект // *Развитие и экономика*. 2014. № 10. С. 4–13.
6. Карпучин О. И. Культурная политика России: цели и способы реализации // *Социально-политический журнал*. 1996. № 1. С. 44–86.
7. Куда идет российская культура? (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2010. № 9. С. 3–59.
8. Востряков Л. Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) // *Общество и экономика*. 2004. № 1. С. 139–178.
9. Культурная политика России: история и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. К. Э. Разлогов, И. А. Бутенко. М.: Либерия, 1998. 296 с.
10. Каменец А. В. Концептуальные основы культурной политики. М.: МГУКИ, 2005. 190 с.
11. Lewis J., and T. Miller, eds. *Critical Cultural Policy Studies: A Reader* / J. Lewis, T. Miller. Oxford: Blackwell, 2003. 376 p.
12. Miller T., Yudice G. *Cultural Policy*. London: Sage, 2002. 256 p.
13. Foucault M. On governmentality // *Ideology and Consciousness*. 1979. Vol. 6. P. 5–22.
14. Burchell G. *The Foucault Effect* / Ed. C. Gordon, P. Miller. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 307 p.
15. Тульчинский Г. Л. Российская культура: почему она такая и что с нею делать // *Философские науки*. 2010. № 3. С. 70–81.

16. Bennett T. Culture and governmentality // *Foucault, Cultural Studies and Governmentality* / Ed. J. Z. Bratich, J. Packer, C. McCarthy. Albany: State University of New York Press, 2003. P. 47–63.

17. Богатырева Т. Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России. М.: ТЕИИ, 2002. 179 с.

18. Тульчинский Г. Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии её формирования // *Философские науки*. 2011. № 7. С. 23–28.

19. Бызов Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // *Мир России*. 2002. № 1. С. 117–152.

20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Rise of Nationalism*. London: Verso, 1983. 256 p.

References

1. Flier Ay. A. O novoj kul'turnoj politike Rossii [On the new cultural policy of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1994, no 5, pp. 14–25. (In Russ).

2. Astaf'eva O. N. Kul'turnaya politika gosudarstva: voprosy o real'no sushchestvuyushchem i potencial'no vozmozhnom [The cultural policy of the state: questions about the real and potential]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, no 3, pp. 50–58. (In Russ).

3. Arnol'dov A. I. *Kul'turnaya politika: realii i tendenciya* [Cultural Policy: Realities and Trends]. Moscow, MGUKI Publ, 2002, 64 p. (In Russ).

4. Bogatyreva T. G. *Sovremennaya kul'tura i obshchestvennoe razvitie* [Modern culture and social development]. Moscow, RAGS Publ, 2001, 170 p. (In Russ).

5. Bajdakov M. Yu., Belkin S. N. Kul'tura kak gosudarstvennyj proekt [Culture as a state project]. *Razvitie i ekonomika*, 2014, no 10, pp. 4–13. (In Russ).

6. Karpuhin O. I. Kul'turnaya politika Rossii: celi i sposoby realizacii [Cultural policy of Russia: goals and methods of implementation]. *Social'no-politicheskij zhurnal*, 1996, no 1, pp. 44–86. (In Russ).

7. Kuda idet rossijskaya kul'tura? (materialy «kruglogo stola») [Where is Russian culture going? (materials of the “round table”)]. *Voprosy filosofii*, 2010, no 9, pp. 3–59. (In Russ).

8. Vostryakov L. E. Modeli kul'turnoj politiki (krosskul'turnyj analiz) [Cultural Policy Models (Cross-Cultural Analysis)]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2004, no 1, pp. 139–178. (In Russ).

9. *Kul'turnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'. Dva vzglyada na odnu problemu* [The cultural policy of Russia: history and modernity. Two glances at one problem] / otv. red. K.E. Razlogov, I.A. Butenko. Moscow, Liberiya Publ, 1998, 296 p. (In Russ).

10. Kamenec A. V. *Konceptual'nye osnovy kul'turnoj politiki* [Conceptual bases of cultural policy]. Moscow, MGUKI Publ, 2005, 190 p. (In Russ).

11. Lewis J., and T. Miller, eds. *Critical Cultural Policy Studies: A Reader* / J. Lewis, T. Miller. Oxford, Blackwell, 2003. 376 p.
12. Miller T., Yudice G. *Cultural Policy*. London, Sage, 2002. 256 p.
13. Foucault M. On governmentality. *Ideology and Consciousness*, 1979, vol. 6, pp. 5–22.
14. Burchell G. *The Foucault Effect* / Ed. C. Gordon, P. Miller. Chicago, University of Chicago Press, 1991, 307 p.
15. Tul'chinskij G. L. Rossijskaya kul'tura: pochemu ona takaya i chto s neyu delat' [Russian culture: why is it so and what to do with it]. *Filosofskie nauki*, 2010, no 3, pp. 70–81. (In Russ).
16. Bennett T. Culture and governmentality. *Foucault, Cultural Studies and Governmentality* / Ed. J. Z. Bratich, J. Packer, C. McCarthy. Albany, State University of New York Press, 2003, pp. 47–63.
17. Bogatyreva T. G. *Globalizaciya i imperativy kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii* [Globalization and the imperatives of the cultural policy of modern Russia]. Moscow, TEIN Publ, 2002, 179 p. (In Russ).
18. Tul'chinskij G. L. Nacional'naya identichnost' i social'no-kul'turnye tekhnologii eyo formirovaniya [National identity and socio-cultural technologies of its formation]. *Filosofskie nauki*, 2011, no 7, pp. 23–28. (In Russ).
19. Byzov L. G. Sociokul'turnaya transformaciya rossijskogo obshchestva i formirovanie neokonservativnoj identichnosti [Sociocultural transformation of Russian society and the formation of a neoconservative identity]. *Mir Rossii*, 2002, no 1, pp. 117–152. (In Russ).
20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Rise of Nationalism*. London, Verso, 1983. 256 p.

Yu. Yu. Baryshnikova, V. A. Maltseva
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Dialogue of civilizations and intercultural collaboration as essential elements of developing professional competence of a future teacher

The relevance of the present issue is caused by the need to intensify the process of professional training of future teachers and get it to a higher modern level, to develop skills required for successful intercultural cooperation between Russian and foreign students, who study in a Russian educational institution. The aim of the article is to identify and develop effective ways in order to form professional competencies of future teachers. Creating a speaking club in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University is the main method of the research as it is a unified platform for interpersonal and intercultural communication. Therefore, it proves to be an effective tool for self-fulfillment of Russian and foreign students. The article states and proves that joint creative activities of Russian and foreign students in a Russian educational institution successfully addresses a number of issues, including efficient verbal communication with foreign students, pedagogical experience for future teachers, development of their professional speech culture and methodology of communication, etc. Comprehensive engagement into Russian culture, establishment of communicative competence and professional world view are an essential condition for integration and adaptation of foreign students in Russia. Materials presented in the article allow to make a conclusion that regular student communication hosted by the speaking club and continuous pedagogical practical work intensify the educational process, increase the engagement level, and expand the professional competence of future specialists, which contributes to successful achievement of the educational goal, popularization of the Russian language and culture.

Keywords: professional competence, communicative competence, communication, dialogue, education.

Ю. Ю. Барышникова, В. А. Мальцева

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество как важные составляющие развития профессиональных компетенций будущего учителя

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью интенсифицировать процесс профессиональной подготовки будущих педагогов и продвинуть его на более высокий, современный уровень, сформировать навыки успешного осуществления межкультурного сотрудничества между российскими и иностранными студентами, обучающимися в российском вузе. Цель данного исследования заключается в выявлении и разработке эффективных путей формирования профессиональных компетенций будущих учителей. Ведущим методом в исследовании данной проблемы являлась организация работы разговорного клуба при Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина как единой площадки осуществления межличностной и межкультурной коммуникации, благодаря чему разговорный клуб становится эффективным инструментом для самореализации российских и иностранных студентов. В статье раскрыто и обосновано, что совместная творческая деятельность российских и иностранных студентов в российском вузе успешно решает ряд задач, в числе которых организация эффективной речевой коммуникации иноязычных студентов и педагогической практики будущих учителей, развитие речевых навыков, формирование методики коммуникации и т. д. Включенность в российскую культуру, осуществляемая на систематической основе, формирование коммуникативной компетенции и профессионального образа мира является одним из важнейших условий интеграции и адаптации иностранных студентов в России. Представленные в статье материалы позволяют сделать вывод, что одновременно регулярное общение студентов в рамках разговорного клуба и получение навыков педагогической практики ведут к интенсификации процесса обучения, повышению уровня вовлеченности и расширению профессиональной компетенции будущих специалистов, что способствует более качественной реализации цели обучения, популяризации русского языка и культуры России.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникация, диалог, обучение.

Introduction

Professional training of students in a higher educational institution complies primarily with the target of establishing a professional world view of future specialists, and it is achieved mainly in the course of interpersonal communication. Teacher's mission is to establish the ability to carry out personal and professional communication for future specialists, and the ability to transfer communication skills to pupils for future

teachers. The ability to carry out communication and to achieve its purpose, which indicates its successful performance, proves to be an essential quality of a professional in any field of expertise in the modern world.

Foreign students of a Russian higher educational institution have a challenge, because unlike Russian students, they have to study Russian as a foreign language along with courses of their chosen speciality, it being the means of communication in the Russian community and the language of their future profession. Foreign students have challenging tasks to master a non-native language as quickly as possible and to successfully integrate into a different culture, to accept its values, which promotes successful acquisition of new knowledge and further professional fulfillment. Russian students, who are teachers-to-be, participate together with foreign students in creative extracurricular activities aimed at cultural interaction, exchange and acquisition of ethnocultural, national (Russian) and human values. Therefore, they don't only contribute to quick integration of foreign students, but also develop their own professional competencies, which are required for further work in the multicultural educational space.

Approaches to intensification of this process have been developed and efficiently applied in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University: organization of a speaking club and participation in multinational projects, ethnic festivals, forums and festivals.

The following methods were used in terms of research: theoretical (analysis; synthesis; concretizing; generalization; analogy; modeling, games); diagnostic (questionnaire; testing; method of problems and tasks); empirical (analysis of work experience of educational organizations, regulatory and educational documentation; pedagogical observation); experimental (summative, formative, control experiments).

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University unites Indian, Nepali, Egyptian, Algerian, Palestinian, Ghanaian, Sudanese, Zambian, Libyan, Jordanian, Kyrgyz, Azerbaijani and other students on a single language platform. The University's track record demonstrates that continuous dialogue embedded into the system of professional education of foreign students and aided by the students of Institute of Foreign Languages promotes a quicker and more successful mastering of Russian as a foreign language, and forming of professional skills of future specialists. Due to the involvement of both, foreign students and future teachers, in successful interpersonal and intercultural communication, a speaking club is becoming an effective tool for the personal fulfillment of both parties of the communication process.

Body

The most important goal of successful communication is to influence the interlocutors and get a feedback; that means, the effective interaction

of all communication participants. Therefore, to develop an ability to carry out successful interpersonal communication is one of the main results of the educational process. A representative of the so-called communicative professions cannot perform his/her professional functions without using efficiently his/her communication skills. Professional communication is the main means of professional activity.

According to V.Konetskaya, there were many attempts to simulate the process of interpersonal communication based on various approaches to understanding its nature and functions [1, p. 164]. The challenges related to this simulation are caused by the fact that interpersonal communication is actualized in various forms, in terms of specific functions and a communicative situation. The following components are found in structural models: a person, who transmits information (the sender), what is transmitted (the information), a person, to whom information is transmitted (the recipient), how information is transmitted (the channel), and feedback (direct or indirect). Descriptive models contain two more components: effectiveness of communication and its conditions (environment, number of participants, temporal and spatial characteristics, etc.). It isn't always possible to define the first component, since the effectiveness can be assessed differently by each communicator. It is difficult to find the place of both components, since their connections with the basic components are unstable and multidirectional.

It should be noted that the effectiveness of interpersonal communication is assessed on the basis of the actualization of two main social functions - interacting and impacting. Impacting that takes place in terms of interpersonal communication is a complex process, the mechanisms of which are being studied by modern researchers. To arrange interlocutor's activity, who is the object of impacting (the recipient), is the ultimate goal of communicative impacting. According to A.Leontyev, "by impacting on the recipient, we want to "provoke" him/ her and lead his/her behavior in the right direction, to find "weak points" in his/her activity, to identify the factors that control it and to selectively impact on them" [2, p. 271]. A.Leontyev distinguished impacting through awareness and impacting through conviction.

The phenomenon of communicative impacting is closely related to cognitive processes, which take place in terms of speech communication. According to I.Sternin, communicative impacting is impacting of a person on another person or a group of people with the help of speech and non-verbal means in order to achieve the speaker's goal [3, p. 54]. With the help of the language, people don't only inform each other, but interact and manage their social relations. Therefore, the texts, which they exchange in the process of communication and which are used as units of communication, perform the function of communication and impact and manage the behavior of communicants. We act by communicating, and

we communicate by acting. Communicative impacting involves restructuring of consciousness of the object. Restructuring can be focused, firstly, on quantitative expansion of the amount of knowledge about a certain subject (adding new information). Secondly, it can be aimed at qualitative change of the universe of knowledge and the universe of beliefs (attitudes). Thirdly, it can change emphasis on links between the universe of knowledge and the universe of beliefs (attitudes) and the fields of needs and motives [4, p. 53–62].

From the point of view of the communication theory, the behavior of communicants in the process of communication pursues certain goals. Since the main goal in the process of communication is not to transmit information, but to initiate a “response” of the listener; to impact on him/her, to get feedback, to overcome the protective barrier, which surrounds the person’s mind, several communication strategies and tactics help to perform this communicative task. Strategic aim determines the choice of means and methods for its implementation. Therefore, the communicative strategy and communicative tactics are related as a genus and species. A strategy is rather a general framework, an outline of behavior, which may include deviations from the goal at certain stages. The most important characteristics of the strategy are focus, consistency, and interactivity. Focus means that the strategy has always a clear goal. Consistency means that the strategy is determined by multiple interrelated actions aimed at achieving this goal. Interactivity means that the strategy is not implemented, but is created in the process of achieving the goal. The theory of communication defines the communicative tactics as a set of practical moves in the actual process of communicative interaction. The communicative tactics considers the communicative process on a smaller scale than the communicative strategy. It does not relate to the communicative goal, but to a set of individual communicative intentions. The selection of communicative tactics is influenced by the personality type of the speaker, the types of interlocutors, the situations in which the communication takes place, the time limit, etc. For example, knowing the styles and norms of the Russian literary language, proper usage of its means helps a person to feel comfortable in various communicative situations.

Professional communication is a manageable communication. It should be managed only by a professional. To establish a professional picture of the world and to develop skills to efficiently impact on the interlocutor, Russian and foreign students receive various types of communicative tasks. Later, they should analyze their results in detail in order to determine how communication went, whether there was a communication act or not, and why it got unsuccessful. As a rule, students summarize the following: success of interpersonal communication depends largely on whether the person, who impacts, can get the communication process to the level of interaction, equal exchange of information, and dialogue of equal interlocu-

tors. From the first minutes of professional communication it is important to win over the interlocutor; to establish his/her trust, and then to control the phases of communicative activity. Based on their own experience, students conclude that in the communicative act it is important to be able to adapt to the interlocutor; to hear and to listen. It is important to clearly indicate their own communicative intent, which helps with the interaction of interlocutors; to use body language. Various behavior patterns identified in the process of learning and extracurricular activities (when performing practical tasks) contribute to development of professional competence, ensure that the subjects of communication adequately perceive the current situation, and ensure their constructive behavior and constructive attitude in the dialogue. For example, foreign students, who participate in the speaking club at the University, shared the following observations: "It's good that Russian words are more or less pronounced the same way they are spelled, with some exceptions, like "moloko" (milk), which is pronounced "malako" (but not in the north of Russia, where they retain the unstressed "o"). But then again there are certain things in the Russian language that fascinate me. For example, in most cases you pronounce a word differently when its number is more than five: for example, "odin stul" (one chair), "dva stula" (two chairs), etc. And then "pyat stulyev" (five chairs). I would never understand why."

Considering the problems of the communicative impacting and interaction, we face the issue of understanding: success of communication doesn't depend only on the language competence of interlocutors, but also on their outlook and world view. Ignorance of the facts of reality, which support the discourse, leads to misunderstanding, communicative failures. Language is at the same time a means of communication, and the main barrier on the way to understanding and the dialogue of civilizations. One of the Russian-speaking students of the Institute of Foreign Languages, a member of the speaking club, told the following about her studies in Norway: "A communication barrier is a combination of external and internal reasons and phenomena, which interfere with the effective communication or completely block it. In simpler terms, this is what prevents us from communicating. This may include both, intellectual characteristics, knowledge, emotional, psychological characteristics of the human mind, as well as social, political, professional, religious differences, etc. I am not affected by social, political, professional, religious, emotional factors. It is difficult to mislead me when communicating or meeting new people, so I can say that the language barrier is the only communicative barrier for me."

One of the communication platforms that unite different nations is profession, including education in terms of the chosen specialization. The speaking club at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University was established to promote the Russian language and culture as essential elements

of the world civilization, to support programs for learning Russian as a foreign language, to develop the intercultural dialogue and to reinforce understanding between Russian and foreign students from near-abroad and far-abroad countries.

The activities of this speaking club are consistent and multifunctional. It is a creative and communicative platform, which creates conditions for scientific discussions and informal communication between different cultures. It is an educational and instructional system that allows a person to effectively study the Russian language and culture on the basis of progressive methods and programs, festivals and forums, where we use games that are supported by two main principles: the impact of footage and fascination. Fascination promotes concentration and better memorization of the material. "The purpose of the game is not practical, which is usually considered in practical non-player terms, not in the activity itself regardless of its result, but in the diverse experiences that are significant for the player, the sides of reality" [5, p. 240]. It is well known that things, which are experienced emotionally, are better remembered. As an example, we will describe a game. The participants receive small cards, which offer to make up a sentence with each word form. First of all, future teachers, members of the speaking club, have questions about the rules of the game. For example, which card should be shown, as there are several cards (by the number of cases) with one image? Do we have to choose the card that matches the sentence? We will try to answer these questions with a specific example. We will take the card "City", which has the nominative case ("This is my favorite..."), the genitive case ("Where did you come from?.."), the dative case ("Can you tell me how to get to..."), the accusative case ("Where are you going?.."), the instrumental case ("Our house is next to...") and the prepositional case ("Where were you yesterday?.."). Therefore, each word is shown on six cards. This complicates significantly the work of a future teacher: he/she must pay attention not only to the compliance of the picture, but also to the compliance of the word form with the sentence. If, for example, the sentence "Where are you going?" is shown, then a future teacher of the Institute of Foreign Languages should choose a card with any word in the accusative case. Therefore, he/she becomes the most active and responsible participant of the game: he/she must be the first to determine the correct form of the word. However, he/she has a hint: the color of the correct word form corresponds to the color of the sentence. A future teacher and a foreign student have the opportunity to observe again and again — not passively, but actively, in action, in the game — the colored image of the word form combined with the visual image of the object, on the one hand, and the image of the situation created by the sentence, on the other hand. Dialogues and polylogues are made up almost at each lesson, which develops tolerance of the foreign students to the Russian society, creates interest

to the Russian language, traditions, and folk customs, activates the learning process, creates a strong motivational base for studying the Russian culture.

The speaking club of Syktyvkar State University focuses on the following topics: the Russian Language, Culture and Art, Science and Education, the Modern Russia. Along with traditional resources of the University library with its text books and course handbooks, Russian dictionaries, reference books, encyclopedias, fine literature, and books on Russian history, culture and art, members of the speaking club are also offered access to multiple possibilities of the media library of audio, video, and media content. This includes multimedia educational publications of Russian as a foreign language and country study, digital educational programs of the Russian language for different levels, classics of the Russian cinematography and modern Russian movies; digital reference books and dictionaries, video tours, free access to Internet resources.

Activities of the speaking club can be split into three main areas: creative, communicative, and educational.

The creative area covers the arrangement of educational activities, such as:

- exhibitions;
- movie nights with film screening and discussion;
- theme nights dedicated to Russian culture, literature, cinematography, sport, etc.;
- art contests, competitions, and contests of the Russian language and country study;
- celebrations dedicated to the Russian language and culture, including memorable days;
- facilitation of activities of expat communities, community associations, folk groups and other communities, promoting Russian culture;
- music nights;
- tours in the Komi Republic.

The communicative area covers the facilitation of scientific, educational, and informal intercultural communication. This includes:

- topic discussion club for students;
- academic contest of Russian as a foreign language;
- theme nights for users of various categories;
- conferences and topic discussions;
- theme-specific presentations;
- meetings with people of interest, artists, public figures of Russia and the Komi Republic;
- scientific conferences and seminars;
- official meetings on the issues of teaching Russian as a foreign language.

The educational area of the speaking club covers:

- individual and unsupervised learning activities of foreign students, interns, and attendees of short educational programs;
- unsupervised and group assignments involving multimedia content, study of literature classics;
- methodological assistance in selecting educational books, scientific and reference materials on Russian as a foreign language.

Students of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University participate in the activities of the speaking club benefiting from an opportunity to gain experience as teachers. In particular, Russian students offer listening comprehension lessons that consist of three parts.

In the first part, they prepare the foreign students for verbal perception and understanding of a text, give linguistics and linguistic-related country study comments, provide connotation of words essential for understanding of the text to be listened to. Also the first part of the lesson consists of interactive tasks to activate and enrich the vocabulary of foreign students, phonetic tasks for preparation for listening to words and word combinations different in their phonetics and rhythemics, required for an adequate perception of the audio.

The second part is dedicated to perceiving and understanding the audio text. At the first lessons, presentation of the audio is accompanied by visual aid in the form of pictures, art reproductions. At further lessons audio is embedded into video. As a result, audio perception is supported by visuals.

The final third part of the speaking club lessons contains interactive tests aimed at checking the amount of audio text perceived and correctly understood by the foreign students. If the test results are not satisfactory, the future teachers give a second chance to the foreign students to listen to the audio and do the test again.

Listening comprehension is not the only type of lessons offered by the future teachers. At the Russian Federation lessons, foreign students learn about the modern Russia, old and new history of Moscow, world heritage sites.

Cultural and educational environment has an impact on the learning process and a direct correlation with the success and skills of future teachers, when they participate (work with) in the speaking club with foreign students.

Therefore, cultural and educational environment, which contributes to personal development, becomes a pedagogical condition for intensification of students' training. It consists of:

- 1) activation of the student's personal position in terms of the teaching and educational process;
- 2) informational and ethnocultural support in terms of the personal interaction;
- 3) advantageous and humane use of the national peculiarities;

4) focus on the full value of the dialogue in terms of the recreational and leisure activities.

All of the aforementioned was considered in the projects implemented together with the foreign students: "The Native Language as a Living Link Through Times", "Skrepka", a Multinational Chastushka Festival, a book event "ProChitay", a contest "Journal of Friendship", a photo contest "Dialogues About Russia", an ethnic forum "We are Russians", a Festival of Nations, "Slavic Lyre", contest "Pushkin's places in Moscow through the eyes of a foreigner", nomination "Pushkin to Students".

Another surprising fact emerged in the process of communication with both, Russian and foreign students. In the age of the Internet, which gives the opportunity to constantly carry out multidirectional communication with almost the entire world, to receive the most diverse information, we can observe severe shortage of knowledge of people about different nations, and in many cases, reluctance to receive such information. First of all, it is worth mentioning the peoples, which were united in one country — the Soviet Union — a few years ago. Even Russians, Ukrainians, Belorussians, Kazakhs, Kyrgyz, who are, in a sense, related to each other, find it difficult today to tell about their similar and distinguishing features. Even a deeper gap lies between the Russian and Caucasian, and Central Asian peoples. And what about the peoples who were not part of the Soviet Union?! Such ignorance leads to misunderstanding, to ethnic hatred. Active participation in the speaking club and other social, cultural and sports programs and projects of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, living in the dormitories together with Russian-speaking students, having wide opportunities for participation in international inter-university cooperation create a strong motivational basis for foreign students to learn the Russian language at intermediate and advanced levels, and, therefore, to proactively master the Russian culture.

One of the advantages of a regional university located in the Russian republic is that the Russian-speaking environment is not dominant. A foreign student is included in multilingual communication, which contributes to his/her psychological emancipation, makes it possible to feel one of many, to act beyond his national groups. On the other hand, during various national holidays and events, student conferences, forums and festivals, outdoor events, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University gives the students an opportunity to present their country, people, life style and traditions, which also helps to overcome international barriers.

Development of leadership skills of foreign students, finding their talents and making them project leaders and experts is another way to overcome international barriers, to contribute to the professional development in the chosen field of knowledge. Education in a Russian university results in one belief developed on the basis of experience of foreign students: in interpersonal and inter-ethnic communication it is impor-

tant to be able to adapt to the interlocutor, to listen and to hear. Finding solutions to various communicative tasks at different platforms, identifying patterns of behavior in different situations in terms of the learning process and extracurricular activities, developing the ability to effectively manage the communication process and to achieve its goals contribute to development of professional competence of future teachers, give them a good understanding of the situation, provide them with constructive behavior and a constructive position in the dialogue, the ability to position themselves and succeed in profession.

Educational environment of the speaking club for foreign students is based on a systematic and active approach. It “means developing students’ competence, and it is conveyed through activities (educational, cognitive, communicative, etc.), which consist of several phases: stimulating and motivational, analytical and synthetic, and executive; each of the phases consists of actions and operations, which precede by needs, motives, and problem statement” [6, p. 149]. Here, students are considered as subjects of the activities, who “address problems (not necessarily linguistic) under certain conditions, in a certain situation, in a certain area of activities” [7, p. 8].

Another advantage is that foreign students study in a university of a Russian national republic. This is not an exclusively Russian environment. Foreign students are exposed to a multilingual communication that promotes their psychological emancipation, gives them an opportunity to feel that they belong with the many. And the linguistic environment can be further expanded: for instance, every year the University hosts a Republic French Song Contest. Besides, teachers from American universities come here under the Fulbright scholarship program to participate in scientific seminars in English together with future teachers. These events help to enhance the collaboration and creative setting for communication between teachers, pupils, and students.

Active open dialogue of cultures is effectively used in teaching Russian as a foreign language. Prominent Russian methodologist E.Passov suggests that inclusion of a student into the dialogue of cultures is the main educational value of foreign language study, and cultural dialogue is its purpose [8, p. 82].

Conclusion

Joint creative activities of Russian and foreign students in a Russian educational institution successfully addresses a number of issues: it facilitates an efficient verbal communication with foreign students, provides a pedagogical experience for future teachers, contributes to their professional speech culture, future pedagogical vigilance, multicultural pedagogical tact, development of vocational and information technology, methodology of communication, which is the basic mechanism of devel-

opment of the human as a person and it is also a means of influence on personality. Active work with foreign students allowed them to quickly learn and start using new vocabulary; not to get tired while maintaining a high level of concentration for a long time. They feel more comfortable in everyday life, because additional classes help them in the shortest possible time to memorize the words and phrases necessary to survive in a foreign language environment. Engagement of foreign students and future teachers into a successful interpersonal and intercultural communication makes the speaking club a powerful tool for their self-fulfillment and helps them to reach the limits of mutual adaptation.

Comprehensive engagement into Russian culture, establishment of communicative competence and professional world view are an essential condition for integration of foreign students in Russia. At the same time, regular student communication hosted by the speaking club and continuous pedagogical practical work intensify the educational process, increase the engagement level, and expand the professional competence of future specialists, which contributes to successful achievement of the educational goal, popularization of the Russian language and culture.

References

1. Konetskaya, V. P. *Sociology of communication*. Moscow, MUBU, 1997, 304 p.
2. Leontyev, A. A. *Psychology of communication*. Study guide. Moscow, Smysl: Izdatelsky centr "Akademiya", 2007, 368 p.
3. Sternin, I. A. *Introduction to communicative impacting*. Voronezh, Izdatelstvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, 252 p.
4. Markovina, I. Yu. & Sorokin, Yu. A. *Two ways to optimize communicative impacting in terms of intercultural communication — Communicative impacting in terms of mass communications*. Moscow, Nauka, 1990, 136 p.
5. Rubinshteyn, S. L. *Introduction to general psychology*. St.Petersburg, Piter, 2000, 487 p.
6. Ivanova, T. M. System-based and activity-based approach to teaching Russian as a foreign language in terms of main types of language activities. *Gumanitarny vector — Humanitarian vector*, 2014, №4 (40), pp. 148–157.
7. *Common European framework of reference: learning, teaching, assessment*. Moscow, MGLU, 2003.
8. Rostova, Ye. G. & Shamin, S. M. Cultural dialogue and cultural comparison in the modern multicultural society and the educational process. *Almanakh Ethnodiologi — Anthology Ethnic dialogues*, 2013, № 1 (42), pp. 82–90.

Н. В. Минаева, М. О. Садек

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар

Особенности применения профессионального стандарта педагогического работника

Статья посвящена актуальной теме практического применения профессионального стандарта педагога. В ходе анализа нормативных правовых документов, в частности профессионального стандарта педагога профобразования и квалификационного справочника должностей педагогических работников, относящегося к профессорско-преподавательскому составу, автор указывает на противоречия, возникающие при практическом применении указанных документов.

Ключевые слова: образование, профессиональный стандарт.

N. V. Minaeva, M. O. Sadek

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Particular aspects of Implementing Professional Standard for Teachers at Higher Educational Institutions

The article focuses on the relevant topic of practical implementation of the professional standard for teachers. While analyzing regulatory legal acts (in particular, professional standard for teachers and job evaluation catalogue of educators related to higher education teaching staff), the author points out contradictions in the implementation of the mentioned documents.

Keywords: education, professional standard.

Одним из условий реализации Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (далее – ФГОС ВО) является качество образования. Требования к условиям реализации образовательных программ включают в себя общесистемные требования, требования к материально-техническому и учебно-методическому обеспечению, а также к кадровым условиям реализации программ высшего образования. Кадровые условия реализации образовательных программ предполагают наличие определенного уровня квалификации педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу (далее — педагогические работники). Впервые понятие квалификации появи-

лось в трудовом законодательстве нашей страны в 2012 г. и было определено как уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Так, применительно к педагогическим работникам образовательной организации их квалификация должна отвечать квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах (при наличии). Требования к квалификации педагогических работников определены, с одной стороны, приказом Минздравсоцразвития России от 11.01.2011 № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» (далее — квалификационный справочник должностей педагогических работников), с другой стороны, принятым в сентябре 2015 г. профессиональным стандартом «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (далее — профессиональный стандарт педагогического работника). Указанный профстандарт вступил в силу с 01 января 2017 г. [1; 2].

В соответствии с частью первой статьи 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации, если Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения работодателями.

При применении части первой статьи 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) под иными нормативными правовыми актами мы понимаем постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы федеральных органов исполнительной власти, которые специально устанавливают требования к работникам, выполняющим те или иные трудовые обязанности, носящие нормативный правовой характер. В этом случае в части требований, указанных в профессиональном стандарте, работодателями применяются данные нормативные правовые акты.

Кроме того, если в соответствии с Кодексом или иными федеральными законами выполнение работ по профессиям, должностям, специальностям связано с предоставлением льгот и компенсаций либо наличием ограничений, то согласно статье 57 Кодекса наименования должностей, профессий, специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификационных справочниках или профессиональных стандартах.

В остальных случаях профессиональные стандарты носят рекомендательный характер.

В соответствии с пунктом 1 статьи 46 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам.

Для педагогических работников необходимость соблюдать требования к квалификации установлена законом об образовании [3]. Следовательно, применение профессиональных стандартов в отношении педагогических работников является обязанностью образовательных организаций всех форм собственности: государственных и муниципальных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций. Таким образом, на основании Закона об образовании квалификационные требования, указанные в квалификационных справочниках, могут применяться наряду с профессиональными стандартами, а в случае отсутствия последних — вместо них.

В квалификационном справочнике должностей педагогических работников применительно к конкретным должностям содержатся следующие разделы: должностные обязанности, раздел «должен знать», требования к квалификации. Профессиональный стандарт педагогического работника имеет совершенно отличную от справочника структуру.

В профессиональном стандарте педагогического работника в рамках описания функциональной карты вида профессиональной деятельности представлены: обобщённые трудовые функции, трудовые функции, трудовые действия. Каждая обобщенная трудовая функция содержит, помимо возможных наименований должностей (профессий), квалификационные требования, которые в профессиональном стандарте обозначены подразделами: требования к образованию и обучению; требования к опыту практической работы, особые условия допуска к работе. Очевидно, что для педагогических работников это следующие ограничения: судимость за преступления, состав и виды которых установлены законодательством Российской Федерации; заболевания, предусмотренные перечнем, утвержденным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области здравоохранения. Кроме того, в пределах трудовых функций для педагогических работников предусмотрены конкретные трудовые действия, необходимые знания и умения для осуществления педагогической деятельности [4; 5].

Рассмотрим требования к образованию и обучению педагогических работников. Так, для педагогических должностей (ассистент, преподаватель, старший преподаватель) требуется высшее образование — специалитет или магистратура, направленность (профиль) которого, как правило, соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю) или дополнительное профессиональное образование на базе высшего образования (специалитета или магистратуры) — профессиональная переподготовка, направленность (профиль) которой соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю). Впервые в квалификационных требованиях к должностям педагогических работников появляется требование о наличии высшего образования по профилю преподаваемых дисциплин, хотя ранее данное требование содержалось в соответствующих разделах ФГОС ВО.

Дополнительное профессиональное образование для должностей «ассистент», «преподаватель», «старший преподаватель», «доцент», «профессор» будет иметь обязательный характер, если направленность образования не соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю). Согласно статье 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ — программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Освоение программы профессиональной переподготовки в данном случае обеспечивает возможность получения новой квалификации, которая соответствует преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю).

Отметим, что в соответствии с частью 1 статьи 196 Кодекса необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель. Наиболее значимыми факторами в данном случае являются имеющийся уровень и направленность (профиль) образования, опыт работы.

Обязательным требованием, содержащимся в профессиональном стандарте педагогического работника, является обязанность проходить в установленном законодательством Российской Федерации порядке обучение и проверку знаний и навыков в области охраны труда, а обучение по дополнительным профессиональным программам по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года — рекомендуемым.

Отчасти новым является требование к опыту практической работы. Ранее в квалификационных справочниках мы оперировали

таким термином, как «стаж научно-педагогической работы», и выражался он в конкретном требовании к количеству лет работы на соответствующих педагогических должностях. В профессиональном стандарте требования к стажу научно-педагогической работы являются составной частью раздела «требования к опыту практической работы». Практическая работа представлена в нескольких аспектах. Первое, при несоответствии направленности (профиля) образования преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю) для педагогического работника необходим опыт работы в области профессиональной деятельности, осваиваемой обучающимися или соответствующей преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю) и систематические занятия научной, методической, художественно-творческой или иной практической деятельностью, соответствующей направленности (профилю) образовательной программы и (или) преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю). Далее, конечно, есть требования либо к стажу работы в образовательной организации для преподавателя, либо к научно-педагогическому стажу (начиная с должности старшего преподавателя). И третьей составляющей наличия опыта практической работы выступает так называемая вторая половина дня педагога, а именно занятия научной, методической, художественно-творческой или иной практической деятельностью, соответствующей направленности (профилю) образовательной программы и (или) преподаваемому учебному курсу, дисциплине (модулю).

В особых условиях допуска к работе, помимо указанных ранее условий об отсутствии ограничений на занятие педагогической деятельностью, установленных законодательством Российской Федерации, а также прохождении всех видов медицинских осмотров и аттестации на соответствие занимаемой должности, определено наличие ученой степени (звания) для доцентов и профессоров [6; 7].

Рассмотрим особенности профессионального стандарта педагогического работника в сравнении с требованиями квалификационного справочника по педагогическим должностям в части выполняемых педагогическими работниками трудовых функций (должностных обязанностей). Напомним, что оба этих документа являются действующими в настоящее время. Вместе с тем они содержат ряд противоречий. Так, например, согласно квалификационному справочнику ассистент может вести учебную работу, за исключением чтения лекций; а обобщенная трудовая функция профессионального стандарта педагогического работника позволяет ассистенту вести любые формы занятий, правда, исключительно по определенным программам, например бакалавриата. В квалификационном справочнике в требованиях к квалификации ассистента включен стаж работы не менее 1 года в образовательной организации, а в профессиональ-

ном стандарте к должности ассистента не предъявляются требования к стажу работы. В квалификационном справочнике согласно пункту 11 на должность доцента могут быть приняты лица, не имеющие ученой степени кандидата наук и ученого звания, но имеющие стаж научно-педагогической работы или работы в организациях по направлению профессиональной деятельности, соответствующей деятельности образовательной организации, тогда как в профессиональном стандарте особым условием допуска к работе на должность доцента является наличие ученой степени (звания) и т. д.

Дальнейшее изучение требований образовательных стандартов в части кадрового потенциала, в частности ФГОС 3+, обращает внимание на новые условия реализации образовательных программ, в частности требования к педагогическим работникам вести научную, учебно-методическую и (или) практическую работу, соответствующую профилю преподаваемой дисциплины (модуля). Эта норма транслирована из профессионального стандарта педагогического работника [6; 7].

Таким образом, для единых подходов к реализации образовательных программ в части кадрового потенциала образовательных организаций существует необходимость приведения в соответствие нормативных правовых документов, определяющих квалификацию педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, либо более ускоренного процесса отмены квалификационного справочника, между тем применение ряда положений профессионального стандарта педагогического работника вызывает вопросы. Вместе с тем профессиональный стандарт содержит информацию о современных требованиях к квалификации педагогических работников и может применяться работодателем с учетом особенностей применяемых технологий и организации труда в качестве основы при определении трудовых функций, требований к квалификации работников, в том числе при приеме на работу, организации подготовки и дополнительного профессионального образования работников.

Библиографический список

1. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.09.2015 № 608н. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов выс-

шего профессионального и дополнительного профессионального образования : приказ Минздравсоцразвития России от 11.01.2011 № 1н. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» : Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Курбангалеева О. А. Внедрение профстандартов // Советник в сфере образования. 2019. № 7. С. 39–49.

5. Курбангалеева О. А. Профессиональные стандарты // Советник в сфере образования. 2019. № 6. С. 39–48.

6. Минаева Н. В. К вопросу об особенностях проектирования профессионального развития педагогических работников // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 164–168.

7. Озерникова Т. Г., Еловенко Д. А. Проблемы внедрения профессионального стандарта в систему управления трудовой деятельностью профессорско-преподавательского состава вузов // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. DOI 10.17150/2411-6262.2017.8(2).32.

References

1. On approval of the “Teacher of vocational training, professional education, and additional professional education” Professional Standard. Executive Order No. 608n of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 8, 2015. Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. On approval of the “Unified Skills Guide for positions of managers, specialists, and non-manual workers,” Section of Qualification profiles for positions of managers and experts in higher professional and additional professional education: Executive Order No. 1n of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated January 11, 2011 Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

3. Federal Act No. № 273 of December, 2012 (revised July 26, 2019) “On Education in the Russian Federation”: Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Kurbangaleeva O. A. Implementation of professional standards. *Education Adviser*, 2019, no. 7, pp. 39–49.

5. Kurbangaleeva O. A. Professional Standards. *Education Adviser*, 2019, no. 6, pp. 39–48.

6. Minaeva N. V. To the question of peculiarities of planning design of teaching staff’s professional development. *Human. Culture. Education*, 2018, no. 2 (28), pp. 164–168.

7. Ozernikova T. G., Elovenko D. A. Issues in implementing professional standard into the management system of academic staff’s work activities. *Online scientific journal of Baikal State University*, DOI 10.17150/2411-6262.2017.8(2).32.

Т. В. Попкова

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск

**Концептуальные пробелы стратегических ориентиров
современной российской системы образования
в контексте наследия П. А. Сорокина**

В статье рассматриваются проблемы современного российского образования, связанные с концептуальными пробелами в стратегических ориентирах образовательной политики. Анализируется социологическое наследие П. А. Сорокина, выделяются фундаментальные, актуальные для современности идеи и подходы к осмыслению направлений развития, целей, задач и функций системы образования. Обращается внимание на значимость моральных оснований образовательной деятельности. Подчеркивается необходимость воспитания нравственного человека, по мысли П. А. Сорокина, важнейшей задачи образования как социального института.

Ключевые слова: образование, социальный институт, ценности, кризис, дисфункции, культура, П. А. Сорокин.

T. V. Popkova

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

**Conceptual Gaps in Strategic Benchmarks
of the Modern Russian Education System with Reference
to the Heritage of P. A. Sorokin**

The article discusses the problems of modern Russian education related to the conceptual gaps in the strategic benchmarks of educational policy. The author analyzes sociological heritage of P. A. Sorokin that involves fundamental and relevant approaches to the understanding of development trends, goals, and functions of the educational system. The author pays particular attention to the significance of its moral foundations. P. A. Sorokin considered upbringing of a moral person to be the most important task of education as a social institution.

Keywords: education, social institution, values, crisis, disfunctions, culture, P.A. Sorokin.

Образование как один из важнейших социальных институтов всегда было объектом пристального внимания и общественности, и социогуманитарной науки. Сегодня многие исследователи констатируют наличие кризиса системы образования в России. Ее беско-

нечное реформирование не приводит к заявляемому искомому качеству. Отмечается, что современный институт образования испытывает разного рода дисфункции [1]. Это проявляется в неисполнении им важнейших социальных задач в полном объеме, в несоответствии потребностям социальной практики и вызовам глобального характера, с которыми столкнулось общество. Одновременно фиксируется падение профессионализма и компетентности современных специалистов, снижение качественных характеристик многих составляющих системы образования.

Власти, очевидно, понимают это и предпринимают определенные шаги для решения существующих проблем, в том числе в деле совершенствования соответствующей законодательной базы. Основные принципиальные подходы к отечественной системе образования зафиксированы в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года. Многие положения этого закона, а также других официальных документов являются достаточно обнадеживающими. Так, заявляется, что теперь в результате внесенных поправок существует «идеальная гармонизация нового закона с положениями Конституции РФ. Такое преимущество позволило сформировать мощный механизм гуманности и социальной справедливости в области получения знаний, который по праву считается неотъемлемой частью любого цивилизованного общества» [2].

В ст. 3 данного закона зафиксированы основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования в нашей стране. К ним отнесены: признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования; приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования.

В ежегодном докладе о реализации государственной политики в сфере образования, который представляется Правительством РФ Федеральному собранию, фиксируются результаты развития образовательной системы, корректируются ее текущие задачи. Например, в последнем из таких докладов к наиболее важной жизненной ценности граждан отнесена возможность получения качественного образования, что является «основой социальной справедливости и политической стабильности в современном российском обществе» [3]. Модернизация системы образования признается необходимым условием для формирования инновационной экономики.

Стратегической целью государственной политики в области образования обозначается повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Можно сделать вывод, что на правительственном уровне есть понимание необходимости изменения в системе образования в соответствии с актуализируемыми задачами развития общества. Предпринимаются меры по воплощению в жизнь таких изменений. В то же время не снижается, а, напротив, повышается масштаб претензий и самого населения, и экспертного сообщества к проводимым в сфере образования преобразованиям и реформам. Во многом зафиксированное противоречие связано с тем, что далеко не совершенными являются концептуальные основания современной государственной политики в области образования.

Так, несмотря на достоинства и гуманистическую направленность современного Закона об образовании в РФ, известные ученые, руководители учреждений высшей школы констатируют наличие серьезных проблем и изъянов системы образования. Например, В. А. Садовничий, ректор ведущего вуза страны — МГУ — отмечает, что в реформировании образования было допущено много ошибок и многое упущено, в результате чего была разрушена существовавшая в Советском Союзе уникальная система образования. Он заявляет, что «мы потеряли фундаментальность нашего образования» и заменили его «компетенциями». Академик давно и открыто критикует Болонскую систему, которая в Европе была введена из политических соображений. А нам ее, по мнению В. А. Садовничего, совершенно ни к чему было копировать [4]. Он обращает также внимание на серьезные упущения в работе со студенческой молодежью. Как результат — неуважение к педагогам, профессору, администрации вуза [4].

Очевидно, что страна может развиваться, если она постоянно совершенствует и свою экономику, и свою систему образования. Опора на несомненные достижения в отечественной системе образования, отказ от слепого копирования сомнительных зарубежных образцов, финансирование в необходимом объеме современных инновационных проектов в образовании являются необходимыми условиями для удержания собственных позиций в конкурентном мире. Но кроме технологической составляющей для успеха нужен учет и других важных моментов. Все чаще исследователи говорят о необходимости нового ценностного отношения к образованию, к тем функциям, которые оно должно выполнять в современном обществе.

В поисках более адекватной концептуальной основы для современной системы образования важным представляется осмысление идейного наследия выдающихся мыслителей, оставивших заметный след в соответствующей области знаний. К числу таких мыслителей, несомненно, принадлежит крупнейший (русский и американский) социолог XX в. П. А. Сорокин. Он был одним из первых исследователей, указывавших на необходимость формирования новой модели культуры и заложенных в ней принципов образования и познания. В его учении о социокультурной динамике общества образование рассматривается как фактор изменения культурных систем. На обширном фактическом материале мыслитель рассматривает разные образовательные традиции, определяя сущностные различия и ценностные основания этих систем. За ценностями он признавал важнейшую роль в развитии культурных систем. «Моральная реконструкция общества», с его точки зрения, необходима для преодоления современного кризиса культуры и общества.

В работе «Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор» П. А. Сорокин, анализируя проблемы истины и познания, свойственные чувственной культуре, с горечью констатирует отрицание вечных ценностей, исчезновение границ между истинным и ложным, в результате чего общество погружается в состояние «настоящего морального, умственного и культурного хаоса» [5, с. 471].

Ученый указывает на сугубый прагматизм чувственной культуры, когда «наука и философия становятся пропитанными утилитарными целями» [5, с. 472]. Он критикует подход в определении приоритетов выбора «практичных» и «полезных» дисциплин — физики, химии, географии, технологии, экономики и т. п. в ущерб гуманитарным дисциплинам, таким как философия, религия, этика. П. А. Сорокин приводит французский девиз, который хорошо поясняет цели такой политики: «Знать, чтобы предвидеть; предвещать, чтобы властвовать» [5, с. 472]. По его мнению, такой критерий характерен и для системы образования (прежде всего школы), дающей «полезные знания» и навыки. Ее главной заботой становится подготовка «удачливых бизнесменов, ремесленников, инженеров, политиков», тех, кто умеет «сколачивать состояние». На самом деле забытой целью начального, среднего и высшего образования, по мнению социолога, является реальное знание и мудрость, направленные на познание природы объективной реальности и истинных ценностей [5, с. 472].

Через призму этической концепции в социологии П. А. Сорокина рассматриваются все социальные проблемы, в том числе и система образования. Применительно к ней он высказывается вполне определенно: главная задача образования — это прежде всего нравственное воспитание человека, формирование ценностных устано-

вок. «Самая насущная потребность нашего времени — это человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою личную ответственность в мире» [6, с. 794].

П. А. Сорокин убежден, что контроль человека над самим собой невозможен «без системы абсолютных, универсальных или непреходящих ценностей», которые будут возможны лишь при идеальной или идеалистической культуре. Только тогда, по его мнению, возможно построение менее «бедного и несчастного общества», более «благородного и справедливого», чем при современной чувственной культуре [6, с. 795].

Поиск нравственных оснований для устройства справедливого общества присущ всей классической русской социологии. Он был характерен и для творчества П. А. Сорокина. При этом ученый четко проводил эту линию в непосредственном общении со студентами. Так, в своей речи на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. профессор дает напутствие собравшимся студентам, настраивая их на поиск новых вех для построения жизни без войн и конфликтов. Для обретения иных путей, чтобы отправиться в «историческое странствие», он предлагает взять с собой знание [7]. П. А. Сорокин убежден, что любовь и воля к производительному труду позволят молодому человеку стать творцом и созидателем, а не мешком для «переваривания пищи и пустого прожигания жизни».

Он предлагал студентам запастись совестью, моральными богатствами, поскольку нет «ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях». Иначе так и будет продолжаться «вакханалия зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и задыхаемся» [7].

Анализируя роль социальных институтов, П. А. Сорокин определяет их важнейшие социальные функции. В работе «Социальная стратификация и мобильность» он определяет школу как «тестирующий, селекционирующий и распределяющий механизм» и отмечает, что эти функции едва ли не менее значимы, чем функция «просвещения» и «образования». Социолог подчеркивает, что школа, являясь частью социального механизма, имеет фундаментальную социальную функцию, которая заключается в определении (через экзамены, наблюдения за обучающимися) талантов, способностей учеников, морально и социально значимых [8, с. 409]. Другими словами, наряду с семьей школа, по его мнению, является механизмом «аристократизации» и стратификации общества, а не «выравнивания» и «демократизации» [8, с. 410]. Он приводит обширный мате-

риал по истории развития образования в разных странах (включая Индию и Китай), чтобы подтвердить свой вывод о просеивании в процессе обучения в школе будущих лидеров страны. В Китае, по его мнению, образование было «единственным детерминатором социального положения индивида» [8, с. 413].

Кроме того, П. А. Сорокин подчеркивает, что институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обрели, во все века были средствами вертикальной социальной циркуляции, выступая в качестве социального лифта, который, в зависимости от традиций страны, двигался вверх и вниз [8, с. 396].

Продолжая, по сути, этическую экспертизу современных ему школ, мыслитель сожалеет о том, что выстроенная система образования уделяет недостаточное внимание моральным качествам обучающихся. Поэтому в верхних слоях общества может оказаться интеллектуально способный индивид, но с заметной моральной слабостью: жадностью, коррупцией, демагогией, стремлением к накопительству и материальным благам (часто за счет общественных и моральных ценностей) [8, с. 415]. Ученый констатирует, что это именно такие качества «в изобилии демонстрирует управленческая, интеллектуальная и финансовая аристократия нашего времени». Он замечает, что в таких условиях школа неспособна улучшить моральный дух населения в целом [8, с. 415]. «Поэтому любому социальному реформатору следует обратить особое внимание на эти средства не только как на институты образования, но и в большей степени как на тестирующие и селекционирующие механизмы» [8, с. 415].

П. А. Сорокин настойчиво акцентирует селекционирующую роль социальных институтов, рассматривая ее как даже более существенную для будущего страны, чем образовательную и воспитательную функции. Он сожалеет о недостаточном внимании, которое уделяют нравственному образованию современные университеты. Поэтому еще раз подчеркивает важность «правильной» организации качественной и количественной стороны образовательной системы как социального «фильтра» [8, с. 419].

Ставя социальный диагноз обществу, где утрачены четкие моральные критерии, П. Сорокин говорит о необходимости понять природу современного кризиса, его причины и последствия. Исследуя суть и содержание кризиса в искусстве, науке, философии и религии, этике и праве, он отмечает, что система образования и воспитания не может не быть подвержена тем же недугам, что и все сферы культуры. Но, являясь каналом вертикальной циркуляции, механизмом социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри различных стран, образование должно выстраиваться на четких нравственных критериях и выполнять свою задачу по воспитанию нравственной личности.

Решение аналогичных задач на современном этапе отечественной системы образования возможно не только при техническом и технологическом оснащении учреждений образования, при наличии современных образовательных программ, но и, что немаловажно, при адекватном содержании этих программ: оптимальном соотношении гуманитарных, технических и естественно-научных дисциплин, разумных критериях оценивания знаний и поведения учащихся, их эффективной профессиональной ориентации. Пока же можно констатировать тот же утилитарный подход, о котором писал ученый и который проявляется ныне повсеместно — от доктринальных стратегических установок государственной образовательной политики до распределения учебных часов на изучаемые предметы в школе и вузах не в пользу гуманитарных дисциплин и невнимания к воспитательно-нравственным задачам.

П. А. Сорокин, говоря о фундаментальной роли образования, констатирует, что все возрастающая социальная значимость школ открывает для них возможность либо приносить большую общественную пользу — в случае хорошей организации, либо, в противном случае, огромный вред. Данная оценка не потеряла своей остроты и актуальности. Применительно к сегодняшнему дню можно констатировать: кажется, всем ясна роль школы в современном обществе, но это осознание не ведет автоматически к ее «хорошей организации». Как отмечалось выше, ни одна из проводимых в последние десятилетия в российском государстве реформ не привела к сколь-нибудь заметному улучшению этой системы в стратегических общественных интересах.

Обозначенные нравственные максимы, сформулированные П. А. Сорокиным, не единственно необходимые для современной системы образования. Но они представляют собой фундаментальные основания, без актуализации которых вряд ли возможно благополучное развитие российского общества.

Библиографический список

1. Михайлов Ф. Т., Демченко Л.М. Философия, образование, власть // Вестник ОГУ. 2003. № 4. С. 79–85. URL: <http://vestnik.osu.ru> (дата обращения: 20.08.2019).

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

3. Доклад Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере образования // Официальный сайт Правительства РФ). URL: <http://government.ru>. (дата обращения: 15.08.2019).

4. Садовничий В. О наболевшем. Гражданская инициатива. URL: <http://scientific.ics.org.ru> (дата обращения: 1.08.2019).
5. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
7. Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, произнесенная Питиримом Сорокиным 21 февраля 1922 года. URL: <http://smolsoc.ru/index.php/home> (дата обращения: 20.08.2019).
8. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

References

1. Michailov F. T., Demchenko L. T. *Filosofiya. Obrasovanie. Vlast*. [Philosophy, education, government]. Available at: <http://vestnik.osu.ru> (accessed 20.08.2019).
2. *Federalnii zakon «Ob obrasovanii v Rossickoi Federazii» №273-ФЗ от 29 dekabrya 2012 goda s ismeneniyami 2019 goda* [Federal Law «On Education in the Russian Federation» No. 273 dated December 29, 2012 (amended in 2019). Official website of the Government of the Russian Federation]. Available at: <http://government.ru> (accessed 15.08.2019).
3. *Doklad pravitelstva Rossickoi Federazii o realizatsii gosudarstvennoi politiki v sfere obrasovaniya* [Report of the Government of the Russian Federation on the implementation of state policy in the field of education. Official website of the Government of the Russian Federation]]. Available at: government.ru. (accessed 15.08.2019).
4. Sadovnichii V. *O nabolevchsem. Gragdanskaya initsiativa* [Sensible subject. Citizens' initiative.]. Available at: <http://scientific.ics.org.ru> (accessed 1.08.2019).
5. Sorokin P. A. *Krisis nacshego wremeni* [Sorokin P.A. The crisis of our time] P. A. Sorokin. *Chselovek. Ziivilisaziya. Obchsestvo* [Sorokin P.A. Human being. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992, 543 p. (in Russ.)
6. Sorokin P. A. *Sozialnaya i kulturnaya dinamika. Issledovanie ismenenii v bolchsih sistemah iskustva, istini, etiki, prava i obchsestvennih otnochnsenii* [Social and cultural dynamics. The research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations.]. Moscow, Astrel, 2006, 1176 pp. (in Russ.)
7. *Rech na torgestvennom sobranii v deny 103 godovchsinii Peterburgskogo universiteta, proisnesennaya Pitirimom Sorokinim 21 fevralya 1922 goda* [Speech at a solemn meeting on the 103rd anniversary of St. Petersburg University, delivered by Pitirim Sorokin on February 21, 1922]. Available at: <http://smolsoc.ru/index.php/home> (accessed 20.08.2019).
8. Sorokin P.A. *Sozialnaya stratifikaziya i mobilnost* [Social stratification and mobility]. Sorokin P.A. *Chelovek. Ziivilisaziya. Obchsestvo* [Sorokin P.A. Human being. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992, 543 p. (in Russ.)

Т. А. Ткачук

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар

Научно-методические условия профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования

В статье рассматривается актуальная проблема профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования. На основе теоретического анализа психолого-педагогических исследований определены и обоснованы научно-методические условия профессиональной подготовки к дошкольному инклюзивному образованию.

Ключевые слова: дошкольное инклюзивное образование, профессиональная подготовка, научно-методические условия.

T. A. Tkachuk

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Scientific and methodological conditions of professional training of future teachers for the implementation of pre-school inclusive education

The article deals with the relevant problem of professional training of future teachers for the implementation of pre-school inclusive education. Theoretical analysis of psychological and pedagogical researches determine and prove scientific and methodical conditions of professional training for preschool inclusive education.

Keywords: preschool inclusive education, professional training, scientific and methodical conditions.

Инклюзивное образование в настоящее время является одним из самых обсуждаемых вопросов. Существуют различные точки зрения, основанные на опыте его внедрения и изучении различных факторов инклюзии, от определения инклюзивного образования как необходимой инновации (С. В. Алехина, В. Н. Бутенко и др.), до определения его как «тупикового пути развития» (В. И. Лубовский). В 2012 году Россия ратифицировала «Конвенцию о правах инвалидов», выразив готовность исполнять взятые обязательства. Закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет инклюзивное образование, как «обеспечение равного доступа к образова-

нию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [1].

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (далее — ФГОС ДО) гарантирует «обеспечение равных возможностей для полноценного развития каждого ребенка в период дошкольного детства независимо от места жительства, пола, нации, языка, социального статуса, психофизиологических и других особенностей (в том числе ограниченных возможностей здоровья)» [2]. Положения ФГОС ДО предназначены обеспечить возможность дошкольного инклюзивного образования.

А. А. Гурина, Н. В. Черепкова отмечают, что «дошкольные образовательные организации посещает большое количество “нетипичных” детей. Эта категория детей “интегрирована” в среду типично развивающихся сверстников по следующим причинам: дети, у которых ограничения возможностей здоровья не были своевременно выявлены; дети, родители которых не признают или не осознают особенности развития своего ребенка; дети с ОВЗ, не имеющие возможность посещать группу компенсирующей направленности по разным причинам (отдаленность детского сада, отсутствие мест в группах компенсирующей направленности, очередь)» [3, с. 183].

С. В. Алехина на основании анализа исследований В. Н. Бутенко, Ю. В. Грек, Г. В. Жигуновой, А. Ю. Пасторовой, В. В. Пенкиной, Т. Н. Расторгуевой и др. отмечает, что «посещение инклюзивных дошкольных образовательных организаций позитивно сказывается на нормативно развивающихся детях, а не только на детях с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ). Позитивный опыт заключается в появлении социальной сознательности, в понимании отсутствия значимой разницы между людьми, в совершенствовании самосознания, развитии личностных принципов, способствует формированию дружеских взаимоотношений» [4, с. 8]. На основании исследований Т. В. Александровой, Е. В. Ключковой и др., Е. Э. Романенкова отмечает, что «в дошкольном возрасте, проще и быстрее формируется “равное” отношение к разнообразию личностных проявлений других людей. Дети гораздо быстрее взрослых перестают выделять и отмечать отличия между людьми, дошкольный возраст в целом более толерантен и восприимчив к разнообразию, лишён стереотипов» [5, с. 56].

Анализ исследований О. С. Кузьминой [6], Е. Г. Самарцевой [7] позволил определить, что дошкольное инклюзивное образование, в основу которого положены принципы, исключающие любую дискриминацию, но создающие необходимые условия для детей, имеющих ОВЗ — это «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей с целью формиро-

вания общей культуры, развития физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирования предпосылок учебной деятельности, сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста».

Существуют следующие варианты реализации дошкольного инклюзивного образования: группы компенсирующей направленности; группы комбинированной направленности; группы кратковременного пребывания; детские сады, в которых созданы службы: лекотека, службы ранней помощи, консультативный пункт, дополнительные образовательные услуги как форма социальной инклюзии.

В исследованиях проблем внедрения и развития инклюзивного образования таких авторов, как С. В. Алехина, Е. А. Воронич, О. В. Покрынина, В. В. Хитрюк и др., отмечается, что одним из ключевых факторов, препятствующих инклюзии, является неготовность к ее реализации практикующими педагогами и отсутствие системы профессиональной подготовки студентов, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования (далее — ОПОП ВО). Следовательно, проблема поиска эффективных научно-методических условий профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования является актуальной.

В педагогической науке научно-методические условия рассматриваются Н. В. Ипполитовой, М. В. Зверевой, Б. В. Куприяновой и другими как:

- совокупность целенаправленно сконструированных возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса (мер воздействия), способствующих успешному решению задач педагогического процесса;

- совокупность мер воздействия, отражающая рассматриваемые условия, лежит в основе управления педагогической системой (образовательным процессом или его составляющими) в той или иной ситуации;

- указанные меры характеризуются взаимосвязанностью и взаимообусловленностью, обеспечивающими в своем единстве эффективность решения поставленных образовательных задач;

- основной функцией является организация таких мер воздействия, которые обеспечивают целенаправленное, планируемое управление развитием целостного педагогического процесса, то есть управление процессуальным аспектом педагогической системы;

- совокупность условий подбирается с учетом структуры реализуемого процесса [8, с. 1021].

Таким образом, научно-методические условия — это совокупность мер воздействия, которые являются основой целенаправлен-

ного, планируемого управления развитием целостного педагогического процесса и обеспечивают в своем единстве эффективность решения поставленных образовательных задач.

Профессиональная подготовка — система организационных и научно-методических условий, обеспечивающая освоение содержания основной профессиональной образовательной программы соответствующего направления и профиля подготовки, с целью формирования у обучающегося профессиональной направленности, общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Подготовка педагогов дошкольного образования осуществляется в соответствии с Федеральным государственным стандартом высшего образования (далее — ФГОС ВО) по направлениям подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование». Согласно пункту 5.5 ФГОС ВО по указанным направлениям «при разработке программы бакалавриата все общекультурные (ОК) и общепрофессиональные (ОПК) компетенции, а также профессиональные (ПК) компетенции, отнесенные к тем видам профессиональной деятельности, на которые ориентирована программа бакалавриата, включаются в набор требуемых результатов освоения программы бакалавриата» [9]. Анализ требуемых результатов ФГОС ВО позволяет констатировать, что профессиональная подготовка к работе с обучающимися с ОВЗ и/или инвалидностью представлена в ФГОС ВО по направлению 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» только ОПК-11, как «готовность применять в профессиональной деятельности основные международные и отечественные документы о правах ребенка и правах инвалидов» [9], а в ФГОС ВО по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование»: ОПК-2, как «способность осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся» [10]. Следовательно, в образовательных результатах ФГОС ВО отсутствуют компетенции, определяющие готовность педагогов к дошкольному инклюзивному образованию.

Между тем, как уже отмечалось, педагогу дошкольного образования предстоит работать по ФГОС ДО, в котором методологическую основу составляют идеи инклюзивного образования, кроме того, воспитателю в практической деятельности предстоит проектировать и реализовывать как основные образовательные программы, так и адаптированные образовательные программы дошкольного образования. Данные требования закреплены в профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», в котором в рамках трудовой функции «раз-

вивающая деятельность, педагогическая деятельность по реализации программ дошкольного образования», содержится перечень требований к знаниям, умениям и трудовым действиям педагога, необходимых для адресной работы с различными контингентами учащихся: «одаренные дети, социально уязвимые дети, дети, попавшие в трудные жизненные ситуации, дети-мигранты, дети-сироты, дети с особыми образовательными потребностями (аутисты, дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью и др.), дети с ограниченными возможностями здоровья, дети с девиациями поведения, дети с зависимостью» [11].

Согласно пункту 5.6. ФГОС ВО, «при разработке программы бакалавриата организация вправе дополнить набор компетенций выпускников с учетом направленности программы бакалавриата на конкретные области знания и (или) вид (виды) деятельности» [9], тем не менее, в практике работы введение дополнительных компетенций сопрягается с рядом сложностей нормативного и методического плана, поэтому именно декомпозиция ОПК и ПК является основой проектирования содержания профессиональной подготовки к реализации дошкольного инклюзивного образования.

Анализ исследований С. В. Алехиной, О. В. Покриной, Е. Г. Самарцевой позволяет заключить, что подготовка педагогов к дошкольному инклюзивному образованию включает базовую дисциплину, раскрывающую теоретико-методологические основы специального образования и реже специальные курсы вариативной части учебного плана, объем которых предполагает формирование общей осведомленности о проблемах инклюзивного образования. Такая ситуация обусловлена перечнем компетенций, заданных в ФГОС ВО, и подтверждает правомерность противоречия между потребностью дошкольных образовательных организаций в специалистах, готовых к реализации инклюзивного образования, и отсутствием образовательного результата, обеспечивающего формирование профессиональной компетентности будущих педагогов в области инклюзии.

Содержание профессиональной подготовки педагога, несомненно, должно базироваться на теоретико-методологическом фундаменте, но при этом быть максимально практико-ориентированным, теоретические знания должны стать средством решения актуальных для специалиста практических задач и действий. Отсутствие у студентов опыта применения теоретических знаний, умений как средства решения конкретных профессиональных задач приводит к снижению качества подготовки, неудовлетворенности собственной деятельностью, отсутствию стремлений к самосовершенствованию, саморазвитию. Как следствие, выпускник готов не к реальной педагогической деятельности в условиях инклюзии, а лишь к ее освоению.

Профессиональную подготовку будущих педагогов к реализации инклюзивного дошкольного образования можно представить четырьмя блоками:

1) теоретический блок, цель которого — формирование у студентов понимания теоретических, методологических и нормативно-правовых основ специального и инклюзивного дошкольного образования;

2) методический блок, цель которого состоит в формировании технологической основы деятельности в области реализации инклюзивного дошкольного образования;

3) практический блок, цель которого — формировать профессионально-практические умения организации и реализации инклюзивного дошкольного образования. В процессе учебной и производственных практик будущий воспитатель получает практический опыт деятельности в группах не только общеразвивающей направленности, но и в обязательном порядке в группах комбинированной и компенсирующей направленности.

Остановимся более подробно на методическом блоке. Данный блок подготовки будущих воспитателей к реализации инклюзивного дошкольного образования должен быть включен во все методические дисциплины, обеспечивающие формирование профессиональных компетенций для проектирования и реализации содержания образовательных областей ФГОС ДО («Социально-коммуникативное развитие», «Познавательное развитие», «Речевое развитие», «Художественно-эстетическое развитие», «Физическое развитие»). В образовательные результаты по всем методическим дисциплинам необходимо включить следующие: организация различных видов деятельности детей (по направлению развития) с учетом разных образовательных возможностей детей; проектирование организованной образовательной деятельности, развития и воспитания детей (в том числе с ОВЗ), обеспечивающие равные возможности для полноценного развития каждого ребенка в период дошкольного детства; обеспечение благоприятных условий для развития детей в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями и склонностями, развития способностей и творческого потенциала каждого ребенка как субъекта отношений с самим собой, другими детьми, взрослыми и миром.

Реализация содержания профессиональной подготовки студентов к инклюзивному дошкольному образованию в методическом блоке дисциплин должна осуществляться как системный способ организации совместной деятельности обучающихся и преподавателей, позволяющий формировать мотивационно-личностную, информационную (содержательную) и технологическую (деятель-

ностную) готовность будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Методический конструкт реализации конкретных тем методического блока должен включать:

- целеполагание и планирование педагогической деятельности в группах разной направленности (общеразвивающей, комбинированной, компенсирующей);

- разработку конструктов образовательной деятельности в режимных моментах по направлениям развития ребенка в соответствии с ФГОС ДО с учетом разных образовательных возможностей детей;

- разработку конструктов организованной образовательной деятельности по направлениям развития ребенка в соответствии с ФГОС ДО с учетом разных образовательных возможностей детей;

- работу с кейсами и решение профессиональных задач;

- проектирование педагогических ситуаций, отражающих особенности педагогического взаимодействия субъектов образовательных отношений по направлениям развития ребенка в соответствии с ФГОС ДО в условиях инклюзии;

- консультирование участников образовательных отношений по вопросам психолого-педагогического сопровождения и образования дошкольников с разными образовательными возможностями по направлениям развития ребенка в соответствии с ФГОС ДО.

Таким образом, если в контекст содержания каждой дисциплины методического блока включить вышеперечисленные виды работы, это позволит отработать единый алгоритм работы по всем направлениям развития ребенка в соответствии с ФГОС ДО.

Следовательно, содержание подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования необходимо определять с учетом структурных компонентов готовности к данному виду деятельности и проектировать в единстве теоретической подготовки (теоретические дисциплины базовой части учебного плана), методической (направленной на освоение практического (технологического) инструментария реализации образовательных областей ФГОС ДО) и практической подготовки (производственная (педагогическая) практика в группах общеразвивающей, компенсирующей и комбинированной направленности).

В научных исследованиях доказана эффективность подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию, когда используются следующие методы и технологии: технология контекстного обучения в формировании инклюзивной компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки (И. Н. Хафизуллина); деловые и ролевые игры как методы контекстного обучения в формировании профессиональных ценностных ориентаций бу-

душих педагогов, работающих с детьми с ОВЗ (Л. А. Андриевская) [11, с. 101]; метапредметная компетентностно-контекстная технология, предполагающая содержательное преобразование учебных дисциплин (органичное включение материала, ориентированного на позиционирование ценностей и принципов инклюзивного образования, в содержание и структуру различных учебных дисциплин) (В. В. Хитрюк) [12, с. 162]; технология проблемного обучения (проблемные лекции, элементы учебного диалога, технологии проектирования, ситуативного обучения, игровые технологии) (Н. А. Абрамова) [13, с. 226]; кейс-технологии и тренинговые занятия по результатам исследования С. А. Черкасовой формируют у студентов мотивацию к работе с обучающимися с ОВЗ и компетенцию к обновлению знаний по вопросам инклюзии [14, с. 224].

Таким образом, перечисленные технологии позволяют учитывать социально-психологические особенности студентов и проектировать практико-ориентированный процесс профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования, результатом которой является готовность к решению конкретных профессиональных задач в условиях инклюзии.

Одним из значимых аспектов организации эффективного инклюзивного образования является взаимодействие специалистов в комплексном сопровождении образовательной деятельности. Дети с ОВЗ нуждаются в комплексном сопровождении, которое строится на сотрудничестве: учителей-логопедов, дефектологов, педагогов-психологов, воспитателей с обязательным привлечением в образовательный процесс семей воспитанников. Качество и результативность комплексного сопровождения зависит от согласованных действий специалистов, работающих с ребенком. Подготовка к сотрудничеству будущих специалистов в области образования является актуальной задачей профессионального образования, реализация которой возможна посредством организации совместной проектной (научно-исследовательской) деятельности студентов, обучающихся по направлениям подготовки: «Педагогическое образование», «Психолого-педагогическое образование» и «Специальное (дефектологическое) образование».

Эффективность реализации содержания и применения педагогических технологий зависит от компетентности профессорско-преподавательского состава, реализующего ФГОС ВО. Таким образом, возникает необходимость дополнительной целенаправленной работы с профессорско-преподавательским составом по позиционированию идей и ценностей инклюзивного образования, формированию ценностно-смысловой основы инклюзивного мышления, овладению технологиями работы в инклюзивной среде. Такая работа должна включать курсы повышения квалификации, методические

семинары, цель которых — формирование профессиональной компетентности в области ценностно-смысловых и нормативно-правовых, теоретико-методологических и методических основ инклюзивного образования, а также в области подготовки будущих педагогов к реализации инклюзивного дошкольного образования.

Таким образом, анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования позволил определить следующие научно-методические условия профессиональной подготовки будущих педагогов к реализации дошкольного инклюзивного образования:

1) метапредметное и практико-ориентированное построение процесса формирования готовности студентов к инклюзивному дошкольному образованию, предполагающее:

— базовую теоретическую подготовку (в освоении дисциплин «Специальная педагогика и психология», «Технологии инклюзивного образования»);

— содержательное преобразование всех методических учебных дисциплин профессионального цикла (включение материала по инклюзивному образованию детей в соответствии с образовательными областями ФГОС ДО), обеспечивающее методическую подготовку;

— содержательное преобразование программ производственной (педагогической) практики в дошкольных образовательных организациях, предполагающее педагогическую деятельность в группах общеразвивающей, компенсирующей и комбинированной направленности, обеспечивающую практическую подготовку;

2) целенаправленная работа с профессорско-преподавательским составом, реализующим методические дисциплины профессионального цикла по позиционированию идей и ценностей инклюзивного образования, формированию ценностно-смысловой основы инклюзивного мышления, овладению технологиями работы в инклюзивной среде;

3) обеспечение возможности проявления и развития социальной активности будущих педагогов в совместной проектной (научно-исследовательской) деятельности студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Педагогическое образование», «Психолого-педагогическое образование» и «Специальное (дефектологическое) образование».

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.01.2019).

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: приказ Министерства образования

и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/documenti/prikaz-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-rossijskoj-federatsii-minobrnauki-rossii-ot-17-oktyabrya-2013-g-n-1155.html> (дата обращения: 23.06.2019).

3. Гурина А. А., Черепкова Н. В. Инклюзивное образование детей в дошкольном образовательном учреждении // Science Time. 2015. № 11. С. 182–187.

4. Алехина С. В. Подготовка педагогических кадров для инклюзивного образования // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 1(44). С. 26–32.

5. Романенкова Е. Э. Создание оптимальных условий для интеграции и психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях детского сада // Аутизм и нарушения развития. 2010. № 1. С. 55–61.

6. Кузьмина О. С. Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2015. 319 с.

7. Самарцева Е. Г. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию детей дошкольного возраста: дис. ... кан. пед. наук. Орел, 2012. 259 с.

8. Хушбахтов А. Х. Терминология «педагогические условия». URL: <https://moluch.ru/archive/103/23955/> (дата обращения: 06.09.2018).

9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата)»: приказ Министерства образования и науки РФ от 14 декабря 2015 г. № 1457. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71209970/> (дата обращения: 23.06.2019).

10. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата): приказ Министерства образования и науки РФ от 4 декабря 2015 г. № 1426 URL: <https://base.garant.ru/71300970/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 23.06.2019).

11. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ от 18 октября 2013 года № 544н URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/> (дата обращения: 23.06.2019).

12. Андриевская Л. А. Использование контекстного обучения в высшей школе для подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 11. С. 99–102.

13. Хитрюк В. В. Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования: монография / М-во образования Респ.

Беларусь, Барановичский государственный университет. Барановичи: БарГУ, 2015. 276 с.

14. Абрамова Н. А. Подготовка педагогических кадров для обеспечения инклюзивного образования в Республике Саха (Якутия) // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы Международ. науч.-практ. конф.; Моск. гор. психол.-пед. ун-т; редкол.: С. В. Алехина [и др.]. М., 2011. С. 225–227.

15. Черкасова С. А. Система подготовки будущих педагогов-психологов к работе в условиях инклюзивного образования // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы Международной научно-практической конференции; ред. кол.: С. В. Алехина [и др.] М.: МГППУ, 2011. С. 223–225.

References

1. *Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 28.01.2019).

2. *Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 17 oktyabrya 2013 g. № 1155 g. Moskva «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya»*. Available at: <http://mos-metod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/documenti/prikaz-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-rossijskoj-federatsii-minobrnauki-rossii-ot-17-oktyabrya-2013-g-n-1155.html> (accessed 23.06.2019).

3. Gurina A. A., Cherepkova N. V. Inklyuzivnoe obrazovanie detej v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii. *Science Time*, 2015, no. 11, pp. 182–187. (In Russ.)

4. Alekhina S. V. Podgotovka pedagogicheskikh kadrov dlya inklyuzivnogo obrazovaniya. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, 2013, no.1(44), pp. 26–32. (In Russ.)

5. Romanenkova E. Eh. Sozdanie optimal'nyh uslovij dlya integracii i psiho-fizicheskogo razvitiya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyah detskogo sada. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 2010, no. 1, pp. 55–61. (In Russ.)

6. Kuz'mina O. S. *Podgotovka pedagogov k rabote v usloviyah inklyuzivnogo obrazovaniya: dis. ... kand. ped. nauk*. Omsk, 2015, 319 p. (In Russ.)

7. Samarceva E. G. *Formirovanie professional'noj gotovnosti budushchih pedagogov k inklyuzivnomu obrazovaniyu detej doshkol'nogo vozrasta. dis ... kand. ped. nauk*. Orel, 2012, 259 p. (In Russ.)

8. Hushbahtov A. H. *Terminologiya «pedagogicheskie usloviya»*. Available at: <https://moluch.ru/archive/103/23955/> (accessed 06.09.2018).

9. *Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 14 dekabrya 2015 g. № 1457 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.03.02 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie (uroven' bakalavriata)»*. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71209970/> (accessed 23.06.2019).

10. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 4 dekabrya 2015 g. № 1426 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie (uroven' bakalavriata)». Available at: <https://base.garant.ru/71300970/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> accessed: 23.06.2019).

11. Prikaz ot 18 oktyabrya 2013 goda № 544n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Pedagog (pedagogicheskaya deyatel'nost' v sfere doskol'nogo, nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya) (vospitatel', uchitel')"». Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/> (accessed 23.06.2017).

12. Andrievskaya L. A. Ispol'zovanie kontekstnogo obucheniya v vysshej shkole dlya podgotovki budushchih pedagogov k professional'noj deyatel'nosti s det'mi s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Simvol nauki»*, 2015, no. 11, pp. 99–102. (In Russ.)

13. Hitryuk V. V. *Inklyuzivnaya gotovnost' pedagogov: genezis, fenomenologiya, koncepciya formirovaniya: monografiya. M-vo obrazovaniya Resp. Belarus', Baranovichskij gosudarstvennyj universitet. Baranovichi, BarGU, 2015, 276 p.* (In Russ.)

14. Abramova N. A. Podgotovka pedagogicheskikh kadrov dlya obespecheniya inklyuzivnogo obrazovaniya v Respublike Saha (Yakutiya). *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; Mosk. gor. psiol.-ped. un-t; redkol.: S. V. Alekhina*. Moscow, 2011, pp. 225–227. (In Russ.)

15. Cherkasova S. A. Sistema podgotovki budushchih pedagogov-psihologov k rabote v usloviyah inklyuzivnogo obrazovaniya. *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologiya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; red. kol.: S. V. Alekhina*. Moscow, MGPPU, 2011, pp. 223–225. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.34130/2233-1277-2019-4-239-244

**Review by Emiliana Mangone, Department of Political
and Communication Sciences, University of Salerno, Italy**
**Folco Cimagalli. Sorokin. Attualità di un classico della sociologia,
Roma, Aracne, 2010, 175 p.**

Мангоне Эмилиана. Рецензия на книгу Фолко Чимагалли
«Актуальность классика социологии». Рим: Аракне, 2010. 175 с.
(Folco Cimagalli. Sorokin. Attualità di un classico della sociologia, Roma,
Aracne, 2010, 175 p.).

The relationship between Sorokin and Italian scholars, one might say, has never been an idyllic one. With the exception of Vilfredo Pareto and Corrado Gini — whose correspondence with the author is kept at the University of Saskatchewan (University Archives & Special Collections, P. A. Sorokin fonds) — Italian social scientists have disregarded Sorokin's work. This is easily demonstrated, and the following pages will prove it.

The first time I read about Sorokin was in 1989 and I was a student at the University of Salerno (in southern Italy) at the course of Sociology. I was studying for the Sociology of Knowledge exam and the reference book was *Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context* (Coser, 1977) in its Italian version (Coser, 1983/1977). What surprised me at the time — now I can understand why — was that, while his name recurred in relation to other authors, the Italian edition (Coser, 1983/1977), unlike the American one, did not include a chapter on him.

When Sorokin died in 1968, only two of his works were translated into Italian: *La mobilità sociale* [Social Mobility] and *Mode ed utopie nella sociologia moderna e scienze collegate* [Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences], both in 1965. Other books were translated only much later: *Storia delle teorie sociologiche* (in two volumes) [Sociological Theories

of Today] in 1974 and *La dinamica sociale e culturale* [Social and Cultural Dynamics] in 1975. In the years 2000s, the interest of Italian scholars towards Sorokin has been rekindled and two more works by the Russian-American sociologist have been translated into Italian: *La crisi del nostro tempo* [The Crisis of Our Age] in 2000 and *Il potere dell'amore* [Ways and Power of Love] in 2005.

In all probability, the disinterest of Italian scholars is mainly due to two reasons: first, the closeness of his thought with that of Corrado Gini, who was considered very close to Fascism and therefore relegated to the shadows as the others who were deemed too close to the fascist regime; second, Sorokin's anti-conformism. The author was certainly non-mainstream and strongly opposed all the branches of sociological studies not focused on serving humanity — and the American sociology was certainly was not oriented in this sense. Of the two reasons suggested, the second is perhaps the most accredited, also due to the fact that after the Second World War we assisted to what has been called the Americanization of Social Sciences (Manicas, 1987). Indeed, Gini defined Sorokin as «self-taught; and if not a revolutionary, he is certainly a non-conformist, with all the virtues and faults that inevitably accompany such a role» (1963, p. 307). And it is precisely Sorokin's nature that made him “unpalatable” to Italian scholars. I apologize for the unscientific nature of this statement, but it is otherwise inexplicable that there are no traces of studies on Sorokin until the third millennium when two scholars — Emiliana Mangone (myself) and Folco Cimagalli — decided to go “dust off” [some of] Sorokin's works and thoughts.

I published two books, one in English (Mangone 2018a) and one in Italian (2018b), as well as several articles in both Italian and English (Mangone, 2018c, 2018d; Mangone & Dolgov, 2019). Reviews of the English book highlight: «Появление этой книги должно привлечь серьезное внимание уже потому, что автор живет и работает в Италии, а европейцы в последнее время интереса к идеям Питирима Сорокина практически не проявляли» (Zyuzev, 2018, p. 168) and «Mangone's work is notable (and original) when compared to the extant contemporary literature on Sorokin» (Sorokin P., 2018, p. 279) in an attempt to update Sorokin's thinking; while the Italian one shows how today, many years later, the *law of diversification and polarization of the effects of calamity* is still valid (Sorokin P.A., 2010/1942).

In 2010, Folco Cimagalli published the book *Sorokin. Attualità di un classico della sociologia* [Sorokin. Actuality of a sociologic classic] in which, for 175 pages, he carries out what is stated in the title, i.e., he demonstrates the current relevance of Sorokin's theories. He also recently published an article (Cimagalli, 2017) dealing with Sorokin's thought and the idea of “public sociology”. The following pages will illustrate the steps through which Cimagalli manages to demonstrate how Sorokin's thought, far from debates and above all from academic polemics, is still useful to reflect on today's ever-changing society.

Cimagalli's book is developed along six chapters, plus the introduction, the conclusions and two appendices (the works and a sitography). In each

chapter the author tries to address a theme dear to Sorokin: the crisis, social mobility, urbanization, social and cultural dynamics, integral sociology, and, finally, creative altruism.

The introduction sketches a brief profile of Sorokin, fundamental to understand who he really was and, above all, what disturbed other scholars of social sciences when referring to Sorokin's theories: «Sorokin is a unique figure in the history of sociology. Many saw him as one of the most acute and complex minds in the sociological reflection of the first half of the twentieth century. Equipped with encyclopedic culture, he was a fine connoisseur of sociology, philosophy, history, law, Russian and Western religious thought. He contributed to the foundation of North American sociology and has been a controversial protagonist of it for thirty years» (Cimagalli, 2010, p. 9). According to Cimagalli, Sorokin was never forgiven for having «realised — perhaps this is the great sin that the scientific community has not forgiven him — that there is a spiritual dimension to individual and social life and that this can be studied with the cognitive tools of sociology» (p. 10). Sorokin, however, did not call for a «sociological humanism» but for a «humanistic sociology». A sociology that does not only analyse and study social phenomena, but a science that, with its peculiarities, contributes to the analysis and study of the most human part of individuals and society (living man). The aim is to contribute to the discovery of human beings as creative and responsible social actors. There is a need for studies that not only analyse social phenomena in their negative effects or conditioning, but also contribute to a science — positive sociology (Nichols, 2012; Yogan, 2015) — that with its specificity can contribute to the analysis and study of the more human part of the individual and society. Clearly, Pitirim A. Sorokin's legacy is the main historical and intellectual basis for the development and institutionalization of positive sociology or of what we prefer to call «public sociology» (Cimagalli, 2017).

Folco Cimagalli, for the whole length of the book, does nothing more than follow a single direction, that is, finding the answer to the question posed in the final part of the book: «A classic still current? »

How does Cimagalli proceed in this direction? He does so by analysing the works that [have] most marked Sorokin's theoretical elaboration, starting from *The Crisis of Our Age* (Sorokin, 1941). In it, the Russian-American sociologist devotes his reflection to a detailed description of the crisis of Western society in the different spheres of action of individuals, highlighting the diagnoses and various viewpoints on the crisis. In just a few lines, Cimagalli summarizes Sorokin's thought on the crisis, a thought that will then become the pillar of all his subsequent reflections: «Community ties and affiliations know processes of progressive disintegration; traditional institutions and values no longer seem to be able to reassure and bridle the subject of the new time. New systems of social relations progressively replace the relational forms based on closeness and common belonging; the individual appears increasingly erratic, free and isolated. A *mobile individual*, freed from binding personal ties and autonomous with respect to ideas, ever-changing and largely independent. An individual who seems more and more able to

construct his own identity through social exchange and no longer only in the light of traditional rank or place affiliations» (pp. 23-24). And, in the second chapter (Social mobility), Cimagalli analyses the concepts, characteristics, factors and effects of mobility as presented by Sorokin.

Chap. 3 follows a similar perspective, since «Social mobility is a powerful theoretical key to qualifying the specific nature of urban life and identifying the differences between the city and the countryside» (p. 57). In this chapter, Cimagalli highlights how the work *Principles of Rural-Urban Sociology* (Sorokin & Zimmerman, 1929) represented a pioneering study in the field of urban and ecological studies, thus initiating the tradition of research that will be called the Chicago School, whose results had a profound influence in many directions and especially in the ecological theory of behaviour.

The middle chapter (Chap. 4), which is also the longest, inevitably focuses its attention on socio-cultural phenomena. In this chapter, Cimagalli first describes the characteristics and elements that make up sociocultural phenomena as Sorokin described them and then addresses the cultural mentalities (Idealistic, Ideational, Sensate) and their cyclic nature. Sorokin deemed necessary for the sensate mentality, for too long the supreme ruler of contemporary society, to leave room for the Ideational mentality in order to save humanity. These studies outline a theory of social change: «Sorokin's philosophy of history therefore identifies the development of oscillatory movements and great transitions between sensate, idealistic and ideational phases. Change does not have an external nature, it does not depend on environmental causes, but on the system itself, which contains within it the seeds of change» (Cimagalli, 2010, pp. 92–93). In the same chapter, Cimagalli also addresses Sorokin's theory on social change, recalling another of the author's works: *Man and Society in Calamity* (2010/1942). Cimagalli refers to this work because calamities represent a particular case study for investigating the characteristics of social systems: «On these premises, Sorokin considers in his study a series of events that share the characteristic of upsetting more or less strongly and in a variously unexpected way the routine of a social group» (p. 99). A few pages later, he will explain that «Following the same logical thread, on the issue of the way out of the emergency situation, the attention of the Russian sociologist is placed on the capacity of the social system to promptly give itself a new order to face in a rational way the changed needs. [...], the centre of reflection, fatally, shifts *from the event to the system*: it is the lack of a solid patrimony of shared values that causes the social organization to collapse and makes the 'black angel of destruction' victorious» (p. 103).

This statement leads Cimagalli to the last two chapters of the book, in which he deals, on the one hand, with integral sociology (Chap. 5) and, on the other, with creative altruism (Chap.6). Both these chapters can be traced back to Sorokin's basic idea that social scientists must play a leading role in the social transformations needed to «rebuild humanity». Here we find the idea of an integrated system of knowledge that can project the activity of sociologists and other social scientists in a direction of positive social change,

as well as the idea of an integral sociology with a leading role towards these positive changes. Sorokin was so convinced of the potential of the social sciences as a guide for humanity, that he even hypothesized the birth of a new applied science (*amitology*) that would deal with the promotion of friendship, unconditional love and mutual aid.

The chapter on creative altruism closes the exemplary examination that Cimagalli offers of the main themes present in Sorokin's theories.

And in his conclusion, he could only say, concerning Sorokin's role in the history of sociology, that «We do not know how long he will remain a pariah of sociology. We are certain, however, that Sorokin's work — profound, critical, eclectic — still has much to offer to today's sociology» (p. 157). Cimagalli reaches this conclusion by dwelling, in the pages immediately preceding it, on three points which he deems ever-present in Sorokin's thought and which are still valid for contemporary debate: «First: the relationship between theory and research. As we have seen, Sorokin's dislike for sociological fashions does not stem from a preconceived aversion to a certain type of technique, be it 'quantitative' or 'qualitative'. The basic message in his battle against 'testocracy' is not only in the scientific inconsistency of some analytical procedures, but in their unconditional use and in the claim that the technique — alone — can support the correctness of a reasoning. [...]. Second: sociological reflection cannot help but consider the complex society-culture-personality as its object. [...]. Sorokin strongly proposes the overcoming of all individual-anchored visions, as well as those anchored to the complex of structures and institutions, rather promoting an integral harmonic conception in which the individual and society are considered contextually, in a synthesis that is not merely mechanical. [...] Thirdly, sociology has a public role. For Sorokin, social science does not merely play a function of analysis and interpretation of society, but embodies a high and non-deferrable social role. Beyond the contents of his message that in a radically different historical context can be shared or not, Sorokin argues that the interpretative capacity of sociology must constitute, for its mission, a resource for society as a whole» (pp. 156-157).

Folco Cimagalli's book, in the panorama of the scarce literature produced by Italian scholars on Pitirim A. Sorokin, with the exception of the above mentioned very recent works by Mangone, is the work that, in the scientific context of the Italian social sciences, «rehabilitates» the eclectic figure of the scholar that was Sorokin. Cimagalli does this by pointing out that some themes — widely addressed by Sorokin and sometimes criticized by his contemporaries (the relationship between theory and research, the indivisible triad society-culture-personality and the public role of sociology) — are the elements that make him current and, therefore, to be removed from the list of «forgotten sociologists» (Romano, 2002) and included in a list of «sociologists to be rediscovered».

Folco Cimagalli's book, in Italy, had the merit of «rehabilitating» Sorokin in the eyes of many still skeptical scholars.

References

- Cimagalli, F. (2010). *Sorokin. Attualità di un classico della sociologia*. Rome: Aracne.
- Cimagalli, F. (2017). Pitirim Sorokin e il ruolo pubblico della sociologia. *Sociologia*, LI(3), pp. 93–101.
- Coser, L.A. (1977). *Masters of Sociological Thought. Ideas in Historical and Social Context*. New York: Harcourt Brace Javanovich.
- Coser, L.A. (1983). *I maestri del pensiero sociologico*. Bologna: il Mulino (Original work published 1977).
- Gini, C. (1963). How Gini of Italy Assesses Sorokin. In P.J. Allen (ed.), *Pitirim A. Sorokin in Review* (pp. 306–317), Durham: Duke University Press.
- Mangone, E. (2018a). *Social and Cultural Dynamics. revisiting the work of Pitirim A. Sorokin*. Cham, Springer International Publishing AG.
- Mangone, E. (2018b). *Dalle “calamità” di Sorokin alla “rinascita”. La sociologia integrale per lo studio dei disastri*. Milan: FrancoAngeli.
- Mangone, E. (2018c). From calamities to disasters: Pitirim Aleksandrovič Sorokin's insights. *Human Arenas*, 1(1), pp. 79–85.
- Mangone, E. (2018d). Pitirim A. Sorokin il teorico della sociologia integrale. *Quaderni di Teoria Sociale*, 2, pp. 41–60.
- Mangone, E. & Dolgov, A. (2019). Sorokin's “Altruistic Creative Love”: Genesis, Methodological Issues, and Applied Aspects. *Human Arenas*, doi: 10.1007/s42087-019-00058-w.
- Manicas, P. T. (1987). *A History and Philosophy of the Social Sciences*. Oxford: Basil Blackwell.
- Nichols, L. T. (2012). North Central Sociological Association Presidential Address. Renewing sociology: Integral science, Solidarity, and Loving kindness. *Sociological Focus*, 45(4), pp. 261–273;
- Romano, M. A. (2002) (ed.). *Lost Sociologists Rediscovered*. New York: The Edwin Mellen Press.
- Sorokin, P. (2018). Emiliana MANGONE, Social and Cultural Dynamics: Revisiting the Work of Pitirim A. Sorokin, *Revue européenne des sciences sociales*, 56(2), pp. 279–282.
- Sorokin, P. A. (1941). *The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook*. New York: E. P. Dutton & Co.
- Sorokin, P. A. (2010/1942). *Man and Society in Calamity*. Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.): Transaction Publishers.
- Sorokin, P. A. & Zimmerman, C. C. (1929). *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt and Company.
- Yogan, L. (2015). North Central Sociological Association Presidential Address, 2014: Positively Teaching Positive Sociology. *Sociological Focus*, 48(1), pp. 1–15.
- Zyuzev, N. F. (2018). Review of Emiliana Mangone. Social and Cultural Dynamics: Revisiting the Work of Pitirim A. Sorokin, Cham, Springer International Publishing AG, 2018, p. 90. *Nasledie*, 2(13), pp. 168–171.

Сведения об авторах

Барышникова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия), e-mail: baryshnyouyou@yandex.ru

Baryshnikova Yuliya Yur'yevna, PhD in Philology, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Бесчасная Альбина Ахметовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: aabes@inbox.ru

Beschasnaya Albina Ahmetovna, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Technologies, North-West Institute of Management — branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

Герасимов Сергей Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: votje82@mail.ru

Gerasimov Sergey Viktorovich, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Communication Technologies and Public Relations, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Голиков Кирилл Сергеевич, аспирант, сектор истории антропологических учений, Институт философии Российской академии наук (г. Москва, Россия), e-mail: golikovk@gmail.com

Golikov Kiril Sergeevich, post-graduate student, Department of the History of Anthropological Doctrines, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Винокурова Евдокия Петровна, кандидат культурологии, доцент кафедры народной художественной культуры Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск, Россия), e-mail: evdokia.ykt@yandex.ru

Vinokurova Evdokia Petrovna, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Folk Art Culture, Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia

Жаворонкова Анна Николаевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: annyare@yandex.ru

Zhavoronkova Anna Nikolaevna, Post-graduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Золотарев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар Россия), e-mail: kirzs@syktsu.ru

Zolotarev Vasily Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History of Russia and Foreign Countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Зюзов Николай Федосеевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия), e-mail: nzyuzev@gmail.com

Nikolay Fedoseevich Zyuzev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций Мурманского арктического государственного университета (г. Мурманск, Россия), e-mail: oivanishcheva@gmail.com

Ivanishcheva Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Philology and Media Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of Culture, Saint Petersburg State University of Culture and Arts; Honored Scientist of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

Курова Екатерина Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Южного университета (ИУБиП) (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: Lady.kurova@yandex.ru

Kurova Ekaterina Gennadievna, PhD, Associate Professor, Department of Humanities, Southern University (Institute of Management, Business and Law), Rostov-on-Don, Russia

Лагутенко Юлия Анатольевна, аспирант Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (г. Сыктывкар Россия), e-mail: lagutenko1479@yandex.ru

Lagutenko Julia Anatolyevna, post-graduate student, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ivaleon@mail.ru

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Cultural Studies, Professor; Department of Theory and History of Culture, Saint Petersburg State University of Culture; Instructional Specialist, The Anna Akhmatova State Literary and Memorial Museum at the Fountain House, Saint-Petersburg, Russia

Мальцева Валентина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар, Россия), e-mail: mval79@mail.ru

Maltseva Valentina Aleksandrovna, PhD in Philology, Associate professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно); e-mail: emangone@unisa.it

Mangone Emiliana, Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of Political and Communication Sciences, University of Salerno, Italy

Минаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, начальник управления кадрового и документационного обеспечения Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия), e-mail: minaeva28@rambler.ru

Minaeva Natalia Vladimirovna, PhD in Historical Sciences, Head of the Department of Personnel and Documentation Support, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar Russia

Набок Игорь Леонтьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этнокультурологии, директор института народов Севера ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: inabok@yandex.ru

Nabok Igor Leontyevich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ethnocultural Studies, Director of the Institute of Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия), e-mail: basiley@mail.ru

Obidina Julia Sergeevna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of International Relations and World History, National Research Nizhny Novgorod State University named by N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Орехов Дмитрий Владимирович, бакалавр Российского государственного социального университета (г. Москва, Россия), e-mail: dmit.orexow@yandex.ru

Orekhov Dmitry Vladimirovich, undergraduate student, Russian State Social University Moscow, Russia

Пичко Наталья Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, общепрофессиональных и естественно-научных дисциплин, Филиал Ухтинского государственного технического университета в г. Усинске (г. Усинск, Россия).

Pichko Natalya Sergeevna, PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Head of the Department of Humanitarian, Professional and Scientific Disciplines, Usinsk branch of Ukhta State Technical University, Usinsk, Russia

Попкова Тамара Валентиновна, кандидат философских наук, доцент Сибирского университета потребительской кооперации (г. Новосибирск, Россия), e-mail: popkova_tamara@rambler.ru

Popkova Tamara Valentinovna, PhD, Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia

Пушкарева Татьяна Витальевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и философии культуры Россий-

ского государственного социального университета (г. Москва, Россия), e-mail: Ap-bib@yandex.ru

Pushkareva Tatyana Vitalievna, PhD, Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy of Culture, Russian State Social University, Moscow, Russia

Садек Марина Олеговна, специалист отдела кадров Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия)

Sadek Marina Olegovna, Specialist, Personnel Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Спирина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Университет при МПА ЕврАзЭС, проректор по научной работе (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mus931@inbox.ru

Spirina Marina Yuryevna, PhD. in History, University Associated with the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, Vice-Rector in Research, St. Petersburg, Russia

Ткачук Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), e-mail: tat.tkachuk2010@yandex.ru

Tkachuk Tatyana Anatolyevna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Education, Institute of Pedagogy and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Шачина Анна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мурманского Арктического государственного университета (г. Мурманск, Россия), e-mail: s_shachin@mail.ru

Shachina Anna Yuryevna, PhD. in Pedagogy, Associated Professor, Department of Pedagogy, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia, e-mail: s_shachin@mail.ru

Шачин Святослав Вячеславович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского Арктического государственного университета (г. Мурманск, Россия), e-mail: s_shachin@mail.ru

Shachin Sviatoslav Vyacheslavovich, PhD, Associated Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 4(34) 2019

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 12.12.2019. Дата выхода в свет 27.12.2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 12,3. Уч.-изд. л. 12,0.

Заказ № 176. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru